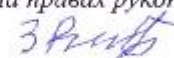

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Зубариев Рамзан Байтуетвич

**Колонизационно-переселенческие процессы на Северном Кавказе во
второй половине XIX века: политические, экономические и демографические
последствия**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент Лазарян С. С.

Пятигорск – 2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Горские и кочевые народы Северного Кавказа: османский и российский выбор	22
1.1. Феномен колониционно-переселенческих процессов в российской истории.....	22
1.2. Мухаджирство части населения Северного Кавказа в Османскую империю как условие продолжения колониционных процессов.....	48
1.3. Переселение автохтонных народов в границах Кавказского края после завершения военных действий.....	80
Глава 2. Казаче-крестьянское переселенческое движение и иностранные поселенцы на Северном Кавказе в пореформенный период	112
2.1. Расширение славянской колонизации региона и его последствия.....	112
2.2. Привлечения иностранных переселенцев и российских подданных национальных окраин империи для освоения Северного Кавказа.....	141
Заключение	176
Список источников и литературы	182

Введение

Актуальность темы определяется тем, что Северный Кавказ является важным и достаточно сложным регионом на протяжении всего периода нахождения его в составе российского государства с точки зрения политического, этносоциального и экономического развития, административного управления, обеспечения стабильности и безопасного существования.

Потому исследование, посвященное изучению путей, характера, цели и сущности колонизационно-переселенческих процессов, разворачивавшихся в северокавказском регионе на протяжении длительного периода, имеет важное научно-практическое значение. Беспристрастный взгляд на взаимодействие местных северокавказских народов с различными потоками переселенцев, представленных большим количеством российских и зарубежных выходцев, способно помочь понять истоки и тенденции их сосуществования на относительно небольшой территории, выявить проблемы и возможности успешного и перспективного развития региона в настоящем и будущем.

Во второй половине XIX века по завершении Кавказской войны и после реформ 1860-х гг. был заложен фундамент нового развития местных северокавказских народов в рамках российской имперской парадигмы, в том числе, при активном использовании переселенческой политики, проводимой имперскими властями.

Российским властям, в целом, удалось решить задачу мирного сосуществования северокавказских народов с различными группами переселенцев, проникавших в пространство Кавказа. При помощи немалых усилий не только удалось ввести горцев в структуру имперского государства, но постепенно примирить их с той частью российского народа, которая принесла в

регион российскую имперскую идентичность и способствовала выработке лояльности России среди горцев.

Выстроенный в указанный период политический и социально-культурный фундамент, несмотря на сложные и драматические перипетии истории, продолжает удерживать общую ситуацию, способную обеспечить дальнейший рост и развитие всех проживающих в регионе народов, способен при разумном подходе и учете исторической практики обеспечить адаптацию полиэтнической по своему составу России к вызовам современной мировой системы.

Таким образом, актуальность данного диссертационного исследования определяется:

- Научной социокультурной и политической необходимостью изучения опыта строительства Российской империи посредством колонизационно-миграционных процессов как полиморфной государственной структуры, в составе которой многие народы не только не теряли своих социокультурных основ, но получали возможность вырваться из архаики в современность;
- Потребностью углубленного научного исследования отношений Российского государства с северокавказской периферией, постепенно прошедшей путь от социокультурной пограничности фронта к согласию с условиями имперской идентичности.
- Постоянной и актуальной потребностью отечественной исторической науки в получении новых знаний о путях формирования российской государственности на разных этапах её становления посредством аккумуляции исторического опыта взаимодействия центра и окраинных территорий.

Объектом исследования является социально-политическая и этнокультурная ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе, в результате колонизации и переселенчества местного и пришлого населения в финале и после завершения Кавказской войны и реформ 60-х гг. XIX века.

Предметом исследования выступают колонизационно-переселенческие процессы, их причины и связанные с ними политические, экономические и

социально-демографические последствия, развивавшиеся в северокавказском регионе в 50-90-е годы XIX века.

Степень научной разработанности темы. Историографический обзор не только во многом отражает научную базу диссертации, но и определяет направленность самого исследования. В этой связи автором использовался проблемно-тематический подход как наиболее соответствующий и целесообразный для глубокого раскрытия многих аспектов заявленной темы.

Теоретические положения, выдвинутые диссертантом, существенным образом основываются на результатах анализа ряда работ дореволюционных, советских, современных отечественных и зарубежных авторов, сгруппированных по кругу вопросов, которые они освещают.

Проблематике феномена колонизационно-переселенческих процессов в российской истории посвящено немало работ, среди которых классическими стали труды В.О. Ключевского¹ и М.К. Любавского², во многом задавшие традицию русского взгляда на колонизацию и переселенчество. Оба историка прослеживают причины, направление, этапы и условия русской колонизации и объясняют широкий размах колонизационного движения, захватившего огромные территории страны.

В рамках представленных работ авторами определяется историческая роль колонизации и переселенчества, которые не только определяли своеобразие русского исторического процесса, но и повлияли на становление модуса государственности и формы её политического режима.

Характер и качество переселенческого процесса, его движущие силы и цели на различных этапах его развития в южные и восточные регионы Российской империи освещаются в целом ряде работ дореволюционных авторов³.

¹ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга 1. Минск: Харверст, 2007. 592 с.

² Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 688 с.; Его же. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.; Его же. Русская колонизация. М.: Изд-во Алгоритм, 2014. 304 с.

³ Головачев Д. М. Заметки о русской колонизации Сибири // Земледелие: периодическое издание Географического отдела. М., 1895. С. 29-58; Тернер Ф.Г. Переселенческое дело // Вестник Европы. 1897. Т.206. Март. С. 75-118; Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. Владикавказ, 1907. 73 с.; Гинс Г. К. Переселение и колонизация. Выпуск 2. СПб., 1913. 65 с.; Кауфман А. А. Переселение и колонизация.

В данных работах большое внимание уделяется крестьянско-земледельческому переселению, имевшего целью не только разрешить задачу крестьянского малоземелья после реформы 1861 года, но и ставшего инструментом преодоления многих социально-экономических проблем в крестьянской среде.

Немалый вклад в разработку проблемы переселенческого движения в российской истории внесли ученые советского периода⁴. Ими была разработана концепция трех стадий миграционного процесса, руководимого и направляемого правительством. Авторы определили важнейшие качества успешной переселенческой политики, устойчивости, подвижности и приживаемости новоселов в местах выселения. Рассмотрение каждой стадии переселенческого процесса сопровождается изложением методических приемов, с помощью которых находилось адекватное представление о миграции как явлении сложносоставного характера.

Среди современных отечественных исследователей миграционных процессов на территории нашей страны, придерживающихся российской традиции в освещении их направленности, характера и исторической роли, следует упомянуть имена В.М. Воробьева⁵, О.В. и Н.О. Щупленковых⁶, М.Ю. Свиновой⁷, В.Е. Семенова и М.В. Рабжаевой⁸.

Их работы не просто дополняют или уточняют традиционный подход к исследуемым миграционным процессам, но выявляют спорные моменты в

Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 440 с.

⁴ Ямзин И. Л., Воишин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М. - Л., 1926. 328 с.; Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.; Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни. М., 1975. 287 с.; Курман М. В. Актуальные вопросы демографии. М.: Статистика, 1976. 220 с.; Бреев Б. Д. Подвижность населения и трудовые ресурсы. М.: Статистика, 1977. 187 с.; Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. 199 с.; его же. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с.

⁵ Воробьев В. М. Закономерности русской колонизации в оценке М. К. Любавского // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург, 2013. Вып. 12. С. 83-88.

⁶ Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Политика переселения населения в России начала XX века - методология вопроса // Урбанистика. 2013. № 1. С. 31-72.

⁷ Свинова М. Ю. Эволюция миграционных исследований дореволюционной России // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. №4. С. 208-215.

⁸ Семенов В. Е., Рабжаева М. В. История российской колонизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. №1. С. 163-168.

установившейся колониационной концепции и представляют собственное видение и обоснование хода заявленной проблематики.

Иной подход к смыслодержанию и направленности колонизации и миграций в российской истории представлен на страницах работ зарубежных и отечественных исследователей, являющихся приверженцами либеральной западной концепции⁹.

Данные авторы стремятся доказать классически колониальный характер российского переселенческого процесса. Они считают, что по своей природе и характеру российская колонизация ничем не отличалась от британского или французского способа колонизации на Востоке. Они также стремятся доказать, что «внутренняя колонизация», большей частью характерная для России, была ничем иным, как «закабалением и эксплуатацией» полиэтнического населения страны государством, применявшим все известные истории колониальные практики.

Данная концепция не только противоречит существовавшим реалиям, искусственно конструируется при помощи разновременных аналогий и презентизма, но и опровергается авторитетным мнением Э.В. Саида¹⁰, чей труд сделался главной книгой постколониальной теории, жестко критикующей западное прочтение чуждой для европейцев восточной культуры.

Вопросы классификации и определения сущности колонизации и миграций в мировой и российской истории, как явления и процесса, были исследованы посредством справочной и научной литературы¹¹. Произведенный анализ позволил выявить пути формирования тех или иных моделей миграционных

⁹ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.; Эткинд А., Уфельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Политическая концептология. 2013. №2. С. 31-56.

¹⁰ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. Изд. 2-е и дополненное. СПб.: Русский мир, 2016. 670 с.

¹¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1895. 962 с.; Ожегов С. И. Словарь русского языка/ Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: «Советская энциклопедия», 1973. 846 с.; Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. 696 с.; История Отечества в терминах и понятиях / Ред.-сост. В. Ф. Блохин: словарь-справочник. Смоленск: Русич; Брянск: Курсив, 1999. 528 с.; Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 2001. 544 с.; Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.; Новый словарь иностранных слов: более 60000 слов и выражений/ Глав. ред. В. В. Адамчик, М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 1152 с.

потоков, их особенности, связанные с мотивацией участников и организаторами переселенчества.

Существенный пласт литературы связан с проблемами мухаджирства. Эта тема долгое время оставалась вне приоритетных направлений отечественного кавказоведения, что видимо, объяснялось нежеланием акцентировать внимание на болезненных эпизодах русско-северокавказских отношений. Исключением, пожалуй, была фундаментальная работа Г.А. Дзидзария¹². В настоящее время вышли в свет труды, которые не только вводят в оборот новые факты, связанные с этим явлением, но и дают целостную картину произошедших событий¹³.

Помимо переселения за пределы Российской империи, активно практиковалось перемещение в границах Кавказа¹⁴. Власти стремились лучше контролировать горские общества, что на плоскости сделать было легче. Кроме того, за счёт уменьшения численности населения в горах частично решался

¹² Дзидзария Г. А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., допол. Сухуми: Изд-во «Алашара», 1982. 530 с.

¹³ Аутлев П. У. Об основной причине мухаджирства адыгов в XIX веке // Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп, 1991. С. 216-254; Кудяева С. Г., Хут Л. Р. Адыгские мухаджирцы на Балканах // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1991. Вып. VIII. С. 187-209; Чекменёв С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. Нальчик: «Эльбрус», 1994. С. 181-191; Кушхабиев А. В. К истории расселения черкесов на территории Сирии и Иордании // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. Нальчик: «Эльбрус», 1994. С. 234-238; Бэрэдж Н. Изгнания черкесов (Причины и последствия) / Перевод Н. Хуажева, М. Губжоков. – Майкоп, 1996. 224 с.; Бондарь Н. И. Разные культуры и судьбы: эстонцы и греки Карачаево-Черкесии // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С. 12-20; Магомеддаев А. М. К истории эмиграции дагестанцев в Османскую империю // Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – нач. XX в.). Сборник статей. Махачкала, 2000. С. 62-78; Кипкеева З. Б. Карачаево-Балкарская диаспора в Турции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. 184 с.; Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 120 с. и др.

¹⁴ Короленко П. П. Горские поселенцы в Черномории // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. С. 451-495; Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.) // История и память / Сост. Г. Т. Дзагурова. Владикавказ: Ир, 2013. С. 7-164; Берозов Б. П. Путь, равный столетию (очерк истории аграрного развития Северной Осетии в XIX в.) // История и память / Сост. Г. Т. Дзагурова. Владикавказ: Ир, 2013. С. 165-445; Карпов Ю. Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 402-447; Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб: Петербургское Востоковедение, 2011. 448 с.; Цориева И. Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 254 с. и др.

вопрос, связанный с обеспечением местных жителей необходимыми земельными наделами.

Казаче-крестьянская колонизация края была и остаётся в поле зрения специалистов, которые акцентируют внимание на социально-экономических, демографических и политических аспектах данной проблемы¹⁵. Такое внимание не случайно, т.к. именно этот процесс определил успехи и неудачи модернизационных изменений, произошедших в регионе в рассматриваемый период.

Участие иностранных переселенцев в колонизации Северного Кавказа и формирование нового этнического облика региона не раз поднималась в трудах дореволюционных, советских и современных авторов. Данные работы посвящены, как отдельным национальностям, так и процессу иностранной колонизации в целом¹⁶.

¹⁵ Григорьев В. Н. Переселения крестьян Рязанской губернии / С отзывами проф. А. И. Чупрова и А. И. Кошелева. М., 1885. 194 с.; Мельников А. М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. - Екатеринодар, 1900. Т. VI. С. 71-140; Васюков С. И. Русская община на Кавказо-Черноморском побережье // Вестник Европы. 1905. №12. С. 560-583; Шершенко А. И. Правовое и экономическое положение иногородних Северного Кавказа в связи с хозяйственным развитием края. Выпуск I. Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1906. Т. I. С. 1-131; Тхамокова И. Х. Русское и украинское поселение Кабардино-Балкарии. Нальчик: Издательство «Эль-Фа», 2000. 240 с.; Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. 352 с.; Беликов А. В. Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорной западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. Вып. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pereselencheskaya-politika-rossii-posle-otmeny-krepostnogo-prava-i-polozhenie-o-zaselenii-predgoriy-zapadnoy-chasti-kavkazskogo-hrehta> (дата обращения 29.12.2016); Русские в Евразии XVII – XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. Тула: Гриф и К, 2008. 480 с. и др.

¹⁶ Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александрфельд Кубанской области // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 209-274; Розенберг Л. Немецкая колония Семёновка, Кубанской области, Кавказского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1900. № 27. С. 162-191; Городецкий Б. М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1915. Т. 20. С. 353-380; Плохотнюк Т. Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1996. 25 с.; Семакин С. С. Колонистское движение и немецкая миграция в Российской империи и СССР. М.: Изд-во «Университет и школа», 2003. 313 с.; Зейналова С. М. Немцы на Кавказе. – Баку: Мутарджим, 2008. 424 с.; Матвеев О. В. Поляки города Майкопа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Диалог культур: славяне в социокультурном пространстве Северо-Западного Кавказа. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. С. 94-112; Юракова О. В. Возникновение немецких колоний на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX века: причины, численность, расселение // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. № 115. С. 108-116; Юракова О. В. Немецкие и греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе: сравнительно-исторический анализ (середина XIX в. – 1917 г.): дисс. канд. ... ист. наук. Краснодар, 2010. 235 с. и др.

Ряд работ носит обобщающий характер¹⁷. В них, помимо колонизационно-переселенческих вопросов рассматриваются и другие стороны северокавказской действительности второй половины XIX в. Совокупность этих трудов стала фундаментом для нашего исследования и позволила акцентировать внимание на тех особенностях этнической картины региона, которые пока не нашли должного отражения в кавказоведении.

Целью данной работы является комплексное исследование колонизационно-переселенческих процессов на Северном Кавказе во второй половине XIX века и их политические, экономические и демографические последствия.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие взаимосвязанные **задачи** исследования:

1. прояснить феномен колонизационно-переселенческих процессов в российской истории;
2. выяснить причины, обстоятельства и последствия мухаджирства части населения Северного Кавказа в Османскую империю;
3. объяснить причины и необходимость переселения автохтонных народов в границах Кавказского края после завершения военных действий;

¹⁷ Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и её результат. СПб., 1885. 36 с.; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.; Виноградов В. Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995. 150 с.; Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. 224 с.; Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. к.и.н. М., 2002. 240 с.; Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. 200 с.; Варивода Н. В. Переселенческая политика России на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX в. // VII славянские чтения в Кабардино-Балкарии: Материалы научно-практической конференции: Сборник. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 23-29; Ракачев В. Н., Ракачева Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: В 4 т. Т. 1. 1900-1920-е гг. / Отв. ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. 200 с.; Бабич И. Л., Степанов В. В. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. 1860-1990-е годы / Отв. ред. Н. А. Лопуленко. М.: ИЭА РАН, 2009. 108 с.; Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под редакцией и с предисловием В. Б. Виноградова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 318 с.; Джумагулова А. Т. Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII – 60-х гг. XIX вв. Дисс. к.и.н. Владикавказ, 2015. 204 с.; Клычников Ю. Ю. Процессы политической и социокультурной трансформации в Ставропольской губернии и Кубанской области в 60-90-х гг. XIX в. // Россия и народы Северного Кавказа в XIX-XX веках: опыт социально-экономического, политического и культурного взаимодействия. Всероссийская научно-практическая конференция (памяти д. и. н, профессора Асланбека Имрановича Хасбулатова). Грозный, 2016. С. 208-213 и др.

4. показать последствия и выявить сущностную необходимость для империи расширения славянской колонизации в северокавказский регион после реформ 60-х гг. XIX века;

5. определить необходимость привлечения иностранных колонистов для освоения Северного Кавказа.

Хронологические рамки исследования охватывают период 50-90-х гг. XIX века, ставший во многом переломным для северокавказского региона. Нижняя временная граница исследования определяется окончанием активной военной фазы противостояния в горах, в 1859 г. в северо-восточной части Кавказа и в 1864 г. в северо-западной и последовавшими затем реформами 1860-х гг., которые не только стимулировали миграционно-переселенческие процессы в регионе, но внесли заметные перемены в развертывание политических и экономических процессов, а также имели важные этно-демографические последствия. Верхняя временная граница исследования определяется процессами и событиями, связанными с административными переменами в крае после введения там должности Главноначальствующего, призванного не только способствовать поддержанию стабильности в кавказском регионе, значительно изменившем свою демографическую структуру, но всячески стимулировать обновленческие процессы, направленные на глубокое укоренение имперских начал в политико-правовой и социокультурной сфере жизни и нового хозяйственного уклада, связанного с развитием рыночных отношений.

Территориальные рамки диссертации охватывают пространство Степного Предкавказья, Северо-Западного, Центрального и Северо-Восточного Кавказа, в рамках которого проходили переселения и миграции, как автохтонных народов, так и пришлого населения, под влиянием военно-политического кризиса и реформ 60-х гг. XIX века.

Методология и методы диссертационного исследования представляет сочетание общенаучных положений в целом, принципов и методов исторической науки в частности. Такие принципы познания как *историзм* и *научность*

позволили решить основные теоретико-методологические задачи, глубоко и всесторонне рассмотреть объект и предмет данного исследования.

Использование *историко-генетического* метода, позволило проследить поэтапное раскрытие характера и динамики изменений в миграционных процессах, реализовывавшихся в северокавказском регионе в пореформенный период, выявить свойства и функции каждого вида колонизации в качестве того фундамента, на котором в дальнейшем строилась и завершалась работа по вовлечению Северного Кавказа в состав российского государства.

Системный подход позволил выявить единство общеисторического развития, его единичных и общих проявлений. *Историко-типологический* метод дал возможность вскрыть сущность исследуемых процессов, а также провести сравнение и выявить сущность различных видов колонизации, имевших место в северокавказском регионе в обозначенный временной период.

Диалектический подход в познании исторического процесса позволил рассмотреть феномен миграционно-переселенческих процессов на Северном Кавказе, в соотнесении с конкретной социально-исторической обстановкой и существовавшей в данном конкретном регионе социально-политической, экономической, социокультурной ситуацией и обусловленностью.

Источниковая база представленной работы основывается на архивных свидетельствах, уже опубликованных тематических сборниках документов, воспоминаниях современников. Используемые в ходе написания работы источники сгруппированы следующим образом:

Законодательные источники, представленные в Полном собрании законов Российской империи¹⁸, включают сведения, касающиеся вопросов, связанных с колониальным освоением региона. Среди них были и постановления, регламентировавшие процессы колонизации в правовом отношении. Власти, нуждаясь в человеческих ресурсах, вынуждены были закрывать глаза на бегство или стихийное переселение крестьян на Северный Кавказ.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. (ПСЗРИ II). СПб., 1865. Т. 37. 833 с.; ПСЗРИ II. СПб., 1873. Т. 43. 941 с.; ПСЗРИ II. СПб., 1877. Т. 50. 720 с.

Делопроизводственная документация состоит из переписки кавказского начальства со столичным руководством. Это приказы и распоряжения, рапорты и предписания, которые отдавались в ходе реализации имперской политики в регионе. Крупнейшим опубликованным сводом таких документов остаётся 12-ти томное издание «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией». Здесь содержатся сведения, касающиеся политической ситуации в регионе, социально-экономических процессах, проистекавших в крае. В ходе работы над темой использовались заключительные тома этого издания, которые хронологически соответствовали выбранному периоду¹⁹.

В *тематических сборниках*, посвящённых конкретной проблеме, собрана и структурирована информация, касающаяся, в частности, проблем выстраивания торговых взаимоотношений местных народов с Россией, обстоятельств переселения части горских сообществ за пределы империи, социальных катаклизмов, связанных с военно-политическим противостоянием «немирных» горцев и Российского государства и т.п.²⁰

Материалы *периодической печати* систематизированы в тематических сборниках и раскрывают специфику отражения происходящих в регионе процессов в средствах массовой информации²¹.

Статистические источники представлены, прежде всего, уникальной по своему значению и широте охвата Всеобщей переписью населения, проведённую в конце XIX столетия. По своей информативности она не имела аналогов и позволяла получить целостную картину произошедших на Северном Кавказе изменений, касающихся разных сторон жизни местных обществ, проживавших в

¹⁹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1888. Т. 11. 1020 с.; АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. 1552 с.

²⁰ Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): Сборник документов / Сост., предисл. Т. Н. Плохотнюк. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 272 с.; Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. Ч.2. 414 с.; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 1094 с. и др.

²¹ Северный Кавказ // Русские ведомости. 1902. 28 ноября. № 336.

Кубанской и Терской областях и на Ставрополье²². Аналогичное значение имели и отчеты, подготовленные для императора Начальником терской области, которые среди прочего содержали информацию, касающуюся проблемы переселения²³.

Исследовавшиеся материалы, относящиеся к Кубанской, Терской областям и Ставропольской губернии, позволили реконструировать картину этно-демографического облика северокавказского региона, активно включившегося в капиталистическую модернизацию, переживаемую страной.

Источники *личного происхождения* включают мемуары и эпистолярные свидетельства современников описываемых событий. Отдельного внимания заслуживают наблюдения современников, очевидцев исследуемых событий. Многие выводы авторов отличаются эмоциональностью и излишней критичностью в оценке описываемых событий. Вместе с тем, они являются прекрасным дополнением к официальным источникам, позволяя сравнить и уточнить имеющуюся в них информацию²⁴.

Представляется также важным и тот факт, что люди, оставившие свои воспоминания, порой находились по разные стороны «линии противостояния», а потому их интерпретация происходящих событий кардинально отличалась.

Весомым дополнением к формированию источниковой базы диссертационного исследования стали архивные данные из материалов

²² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Кубанская область. СПб., 1905. Т. 65. 263 с.; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Ставропольская губерния. – СПб., 1905. Т. 67. 148 с.; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Терская область. – СПб., 1905. Т. 68. 236 с.

²³ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1893 год. Владикавказ, 1894. 123 с.; Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1894 год. Владикавказ, 1895. 115 с.; Всеподданнейший отчет о состоянии Терской области и Терского казачьего войска за 1889 г. Б. м., б. г. 124 с.

²⁴ Васюков С. И. Русская община на Кавказско-Черноморском побережье // Вестник Европы. 1905. № 12. С. 560-583; Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874. 203 с.; Воронов Н. И. Вести с Кубани (Письма в редакцию) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. Т. II. С. 299-332; Зиссерман А. Л. Поездка на Кубань // Русский вестник. СПб., 1875. № 12. С. 466-508; Из записки М. Т. Лорис-Меликова великому князю Михаилу Николаевичу // Русская старина. СПб., 1889. № 9. С. 416-418; Кануков И. Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 84-112; Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.; Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Т. XIX. Кн. 4. Апрель. С. 540-588; Фонвиль А. Последний год войны Черкессии за независимость 1863-1864 г. Из записок участника-иностранца. Б.м. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1990. 42 с. и др.

центральных (РГИА, РГВИА) и региональных (ГАСК, ГАКК, ЦГА КБР, ЦГА РСО-А) архивных фондов.

Несмотря на то, что значительный пласт свидетельств уже введён в научный оборот, тем не менее, в представленных архивах содержатся материалы, которые позволяют конкретизировать те или иные вопросы, связанные с рассматриваемой темой. Так, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), был использован фонд **400** – Главный штаб (1866-1919 гг.) где были выявлены данные, связанные с переселением части населения Северного Кавказа на территорию Турции. Процесс мухаджирства отслеживался властями, что нашло отражение в аналитических записках и отчётах, использованных в работе.

В фондах Российского государственного архива (РГИА) исследовались материалы фондов **391** – Переселенческое управление (1896-1918 гг.), **1263** – Комитет министров (1802 -1906 гг.), **1291** – Земский отдел, в которых исследовались документы, позволившие выявить официальную точку зрения на ход и стратегическую необходимость колонизации и переселенчества на Северный Кавказ. Выявлялась специфика отношений между старожильческим казачьим населением и новопришлыми, т.н. иногородними элементами, а также общая динамика роста населения Ставрополя к 90-м годам XIX столетия.

Данные Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) содержат разностороннюю информацию, как по теме перемещения горского населения Северо-Западного Кавказа, так и по славянской колонизации этой части региона. Данные сведения особенно важны, т.к. в рассматриваемый период именно здесь произошли наиболее кардинальные этнодемографические трансформации, в значительной степени изменившие картину края.

Для реконструкции произошедших событий привлекались материалы фондов **249** - Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска, **252** – Войсковое правление Кубанского казачьего войска (1842-1888 гг.), **318** - Первое и второе казачьи отделения Кубанского казачьего войска штаба Кавказского военного округа, 1820 - 1919 гг. (1820-1917 гг.), **325** – Штаб Адагумского отряда Кубанского казачьего войска, **327** – Штаб (Закубанского) Джубского отряда

войскового дежурства Кубанского казачьего войска, **454** - Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1870 - 1917 гг., **574** – Межевая комиссия Черноморского казачьего войска. Кубанская областная чертёжная (межевая комиссия) Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар (1847-1920 гг.), **722** - Пристав 2-го участка Темрюкского уездного полицейского управления, станица Крымская Темрюкского уезда Кубанской области (1870-1888 гг.), **767** - Джубгский карантинно-таможенный пост Новороссийской карантинно-таможенной конторы, селение Джубга Кубанского казачьего войска, с 1870 г. - Кубанской области (1868-1897 гг.), **774**. - Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами, г. Екатеринодар Кубанской области, 1865 - 1870 гг.

Эти материалы были пополнены и данными из Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), в котором в фонде **68** – Ставропольское губернское правление, **79** – Общее управление Кавказской областью (1822-1847 гг.) исследовались материалы, связанные с характером переселенческого процесса славяно-русского населения на Ставрополье, его сложностях и перипетиях. В фонде **101** - Канцелярия ставропольского губернатора (1847-1917 гг.) содержались сведения о разного рода иностранных колонистах прибывших осваивать Северный Кавказ. В фонде **132** – Ставропольская палата государственных имуществ и в фонде **Р-1161** были выявлены особенности переселенчества немецких колонистов и их обустройства в регионе, типы их поселений, наиболее известные колонии, а также динамика изменений их правового статуса.

Ещё одним региональным архивом, который был использован для сбора необходимой источниковой базы стал Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). В фондах **11** - Терское областное правление и **12** - Канцелярия начальника Терской области находятся дела, в которых имеются материалы с информацией о перемещениях горцев, как в пределах Кавказа, так и их переезду за пределы Российской империи. Эти сведения посвящены обществам центральных и северо-восточных районов края, что обеспечивает целостное видение проблемы.

Не менее важными для раскрытия содержания и особенностей переселенческого процесса (мухаджирства) части кабардинского народа в Турцию стали материалы Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Здесь использовался информационный пласт фонда 2 – Управление Кабардинским округом. Указанный фонд был интересен не только содержащимися в нем статистическими данными, но и выявлением некоторых факторов, побуждавших кабардинцев к мухаджирству.

В дальнейшем были опубликованы материалы, которые касались различных сторон колонизационно-переселенческих процессов на Северном Кавказе. Они были почерпнуты из центральных и региональных архивов, структурированы и снабжены комментариями²⁵. В задачу исследователей теперь входит анализ уже собранного корпуса источников и создание целостной картины реконструирующей процесс формирования этнополитического облика Юга России во второй половине XIX в.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

Во-первых, впервые фактор колонизации рассматривается как целостный феномен, сочетавший разноплановые факторы, определявшие социально-политические усилия властей.

Во-вторых, показано, что процесс мухаджирства стал реакцией на модернизационные изменения, переживаемые народами Кавказа под

²⁵ Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 732 с.; Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. Ч. 2. 414 с.; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 1094 с.; Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г. Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г. Н. Колбая. М.: Изд-во НОРМА, 1998. 672 с.; История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. I. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 404 с.; Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): Сборник документов / Сост., предисл. Т. Н. Плохотнюк. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 272 с.; Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е годы XIX века): Сборник архивных документов / Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т. Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 2001. 496 с.; Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Нальчик, 1992. 272 с. и др.

воздействием имперского фактора, и одновременно кардинальным образом, изменившим демографическую структуру региона;

В-третьих, выявлены причины и механизмы внутреннего переселения горских народов, как средства переформатирования географии фронта в пользу имперских задач;

В-четвертых, отражены обстоятельства славянской колонизации и её зависимость от ландшафтно-климатических факторов в разных частях региона;

В-пятых, установлены культуртрегерские возможности потенциала иностранной колонизации в условиях северокавказской действительности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Колонизационно-миграционные процессы проходят через все течение российской истории. Феномен колонизационно-переселенческого процесса в истории России состоит в том, что в ходе его реализации постепенно оформлялась не только территория страны, но формировалось само имперское государство. Кроме того, миграции в России позволяли разрешать различные экономические, этнокультурные, эколого-демографические задачи и тем самым способствовать ослаблению негативных последствий разнородных кризисов. Формы колонизации определялись теми, кто выступал инициатором и организатором переселения. После реформ 60-70-х гг. XIX века масштабы и организованность в осуществлении переселенческого движения постоянно нарастали.

2. Исход части горского населения с территории Северного Кавказа за пределы Российской империи стал итогом вооружённого противостояния первой половины XIX столетия. Принявшее обвальный характер переселение стало причиной гибели многих мухаджиров от болезней, голода и лишений. Оставшиеся на Кавказе, постепенно адаптировались в новых условиях и получили такие же возможности, которые имели и другие подданные Российской империи. Мухаджирство как явление и процесс, стало реакцией на модернизационные процессы, которые развернулись в регионе во второй половине XIX столетия.

3. Власти опасались, что рецидивы войны и дальше будут дестабилизировать ситуацию в крае, а потому стремились поселить местные

общества туда, где они могли находиться под неусыпным военно-политическим контролем. Благодаря произошедшим изменениям стала преодолеваться этническая разобщённость, ускорились процессы этнической консолидации. Постепенно начали преодолеваться демографические потери, вызванные военно-политическими катаклизмами первой половины столетия.

4. Массовое заселение славянскими колонистами территории Северного Кавказа было обусловлено не только экономическими, но и политическими целями. В первую очередь осваивались пространства Северо-Западного Кавказа, которые в немалой степени опустели после переселения в Турцию адыгских народов. В горных районах Северо-Восточном Кавказе, несмотря на существенные финансовые затраты, славянские поселения постепенно ликвидировались, а их жители предпочитали перебираться на более привычные и удобные равнинные территории. В результате колонизации на Северном Кавказе увеличилось число т.н. иногородних, которые были лишены прав и привилегий старожильского населения. Вместе с тем они во многом стали определять рынок труда региона.

5. Во второй половине XIX столетия в регионе появляются народы, которые раньше либо совсем не были представлены, либо проживали в незначительном количестве. Миграционная привлекательность края была обусловлена политикой власти, стремящейся заселить эту территорию лояльным и экономически активным населением, способным своим примером продемонстрировать все преимущества мирной жизни. Успехи колонистов в определенной степени базировались на льготах, которые они имели от правительства. В то же время нельзя не заметить и собственный вклад новопоселенцев в обеспечение своего благополучия.

6. Несмотря на существенное присутствие в северокавказском регионе колонистов неславянского происхождения, край в целом пережил своеобразную «славянизацию», т.е. славяно-русский элемент доминировал и тем самым способствовал укреплению позиций Российской империи на Северном Кавказе,

не только в военно-политической сфере, но культурно и экономически, обеспечив вращение региона в фундамент имперской государственности.

Практическая значимость работы состоит в том, что автором проведен всесторонний анализ феномена колонизационно-переселенческих процессов, проходивших в регионе Северного Кавказа во второй половине XIX века и в пореформенный период российской истории. Достоинство диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые в отечественной историографии, с опорой на обширную источниковую базу и научную литературу, проведен комплексный анализ политики, методов и результатов переселенческого процесса во всем его многообразии форм и направлений.

Научная и практическая значимость исследования проблем, поднятых в диссертации, определяется тем, что в ней анализируется исторический опыт развития северокавказского региона через феномен его колонизации, ставшей одним из инструментов превращения окраинной территории в неотъемлемую часть российского государства.

Материалы диссертационного исследования могут быть интересны, и востребованы всеми, кто интересуется проблемами колонизационно-переселенческими процессами на Северном Кавказе, а также теми, кто осуществляет административно-политическое управление в крае.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Большинство положений и выводов, содержащихся в данной работе, неоднократно были представлены на суд научной общественности. В частности, различные аспекты диссертационной работы были представлены в качестве научных докладов и сообщений на ежегодных региональных научных конференциях «Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа». – Пятигорск, ПГЛУ, 2016, 2017 гг.

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». По теме диссертации было

опубликовано монография (в соавторстве), 6 статей, из них 3 в журналах, рекомендуемых ВАК РФ. Общий объем публикаций – 3,1 п. л.

Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 07.00.02 – Отечественная история. Область исследования: пп: 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; 3. Социально-экономическая политика РОССИЙСКОГО государства и ее реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; 8. Военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития; 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений; 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий.

Структура работы соответствует поставленной цели и сформулированным задачам. Работа состоит из введения, двух глав, в которых содержатся пять параграфов, заключения и списка источников и литературы.

Глава 1. Горские и кочевые народы Северного Кавказа: османский и российский выбор

1.1. Феномен колониционно-переселенческих процессов в российской истории

Колонизации, миграции и переселения проходят через всю историю человечества. Они являются важным звеном в цепи основных факторов исторического процесса. Россия в этом ряду не составляет исключения. Размещение русского населения по всей территории страны совершалось в течение всей истории России. Более того, как отмечал П.Н. Милюков: «Для понимания общего хода развития русской истории знакомство с колонизацией русской земли, хотя бы в общих чертах, совершенно необходимо»²⁶.

Важность колониционных процессов определяется также тем, что во время колонизации происходило формирование «государственного, военно-политического, этнического, экономического и социально-культурного пространства...»²⁷ России, рождалась и создавалась сама Империя.

Кроме того, для России переселения во все времена в большей или меньшей мере – это не только колонизация, направленная на освоение определенной территории, не только средство закрепления за государством тех или иных земель, но также средство разрешения социально-экономических задач – превентивное ослабление назревавших социальных кризисов.

²⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. Часть 1. С. 52.

²⁷ Воробьев В. М. Закономерности русской колонизации в оценке М. К. Любавского // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург, 2013. Вып. 12. С. 83.

Например, после реформ 1860-х гг. «из-за сохранения помещичьего землевладения проблема крестьянского малоземелья не была разрешена. В государстве участились случаи крестьянских выступлений. В этой связи правительство приняло ряд мер, одной из которых явилась активизация переселенческого движения. Переселение крестьян на восточные окраины не только разрешало земельный кризис в губерниях Центральной России, но и создавало в их лице опору правительства на новом месте»²⁸.

Термины – «миграция», «колонизация» и «переселение» коррелируют друг другу - перемещение населения из одного региона в другой внутри страны или из одного государства в другое, но различаются по целям, мотивацией, исходными социально-политическими или иными причинами²⁹.

При этом миграция является наиболее многообразным и сложным для понимания и учета территориальным движением населения и до сих пор не сложилось в научной среде единого мнения по поводу самого термина «миграция», хотя данное понятие получило первое научное определение в работах Равенштейна ещё в 1885-1889 гг.³⁰

В. А. Ионцев подчеркивает, что миграция как процесс отличается от всех других демографических процессов тем, что осуществляется одновременно во времени и пространстве³¹. Потому и, в связи с этим, Л.Л. Рыбаковский отмечал, что миграция населения представляет собой сложный по своей природе, многообразный по формам и последствиям социальный процесс. «Оказывая огромное влияние на общественное развитие, он сам подпадает под воздействие политических, социально-экономических, демографических и иных трансформаций»³².

²⁸ Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Политика переселения населения в России начала XX века -методология вопроса // Урбанистика. 2013. № 1. С. 31-72. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_10383.html (дата обращения: 27.07.2017).

²⁹ История Отечества в терминах и понятиях / Ред.-сост. В. Ф. Блохин: справочник. Смоленск: Русич; Брянск: Курсив, 1999. С. 271.

³⁰ Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. Выпуск 3. М.: Диалог МГУ, 1999. С. 15-16.

³¹ Ионцев В. А. Указ. соч. С. 17.

³² Рыбаковский Л. Л. Глава 22. Исследования миграции населения в России // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова: учебник. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 398.

В существующей сегодня научной литературе можно найти большое количество определений понятию и процессам миграции, которые рассматриваются с точек зрения различных подходов, в том числе, выделяют три аспекта - территориальное, отраслевое и профессиональное движение³³. Нас интересует, прежде всего, первый аспект данного термина. Мы рассматриваем миграцию, отталкиваясь от (лат. *migratio* - переселение) как территориальное перемещение определенных групп населения в пределах одной страны или из одной страны в другую³⁴, сужая взгляд на предмет исследования, в отличие от аналогичных исследований, проводимых в рамках демографии, социологии, политологии. Мы сознательно уходим от слишком широкого толкования термина «миграция», на котором настаивают и ведут споры социологи и демографы³⁵.

Мы поступаем так намеренно, чтобы данная работа оставалась в рамках исторического исследования и не вторгалась в поиски выявляемой сущности, которые осуществляются в рамках вышеназванных социальных наук. Надо полагать, что существующее семантическое разнообразие при определении миграции как явления, обусловлено во многом характером и направленностью применяемого подхода - исторического, социологического, политологического, экономического и др. Кроме того, из всего перечисленного разнообразия представленных исследователей, определявших существо термина «миграция» нам более импонирует подход В. И. Переведенцева, который считал, что миграцию населения в широком смысле следует рассматривать «как совокупность любых перемещений людей в пространстве»³⁶.

В то же время мы осознаем, что, «рассматривая миграции лишь как территориальные перемещения населения, следует заметить, что они весьма

³³ Ионцев В. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 19; Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1977. 231 с.; Хомра А. У. Миграция населения: Вопросы теории, методы исследования. Киев: Навук. думка, 1979. С. 5-6; Хорев Б. С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978. 254 с.

³⁴ Новый словарь иностранных слов: более 60 000 слов и выражений / Глав. Ред. В. В. Адамчик. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. С. 625.

³⁵ Бреев Б. Д. Подвижность населения и трудовые ресурсы. М.: Статистика, 1977. С. 6; Курман М. В. Актуальные вопросы демографии. М.: Статистика, 1976. 220 с.; Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003; Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни. М., 1975. С. 98; Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. С. 16.

³⁶ Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. С. 9.

различны и по расстоянию между местом выхода и местом вселения, и по статусу тех объектов, между которыми происходят перемещения мигрантов, и по срокам, на которые перемещаются люди, и по целям, которые они при этом преследуют»³⁷.

По этой причине Л. Л. Рыбаковский выделяет три возможных подхода включения в сущностную сторону процесса миграции несколько различных видов территориального движения населения: «во-первых, под миграцией он понимает все многообразие пространственного движения населения, независимо от его характера и целей; во-вторых, в миграция включают пространственное перемещение между населенными пунктами, которое ведет к постоянной или временной смене места жительства; в-третьих, к миграции относят такой процесс пространственного движения населения, который, в конечном счете, ведет к его территориальному перераспределению»³⁸.

Миграция как процесс имеет двойную направленность: внутреннюю и внешнюю. В данном случае миграция сходна по своей сущности с переселенчеством и означает перемещение населения в пределах либо одной страны (например, из одной местности, части страны в другую), либо выезд населения за пределы страны – эмиграция или иммиграция, при въезде в другую страну. Иммиграция подразделяется на безвозвратную миграцию, временную (на ограниченный, но длительный срок) или сезонную³⁹. Соответственно и участников этого процесса (согласно с международными установлениями) называют иммигрантами, если они, прожив в другой стране не менее года, объявляют о намерении оставаться там как минимум на такой же срок. Статус эмигранта определяется противоположным способом⁴⁰.

Эмиграции - иммиграции вызываются различными причинами. Эти причины могут иметь разные основания – природно-экологические (пандемии,

³⁷ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов). М.: Наука, 2001. 114 с. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2z4.html> (дата обращения: 27.07.2017).

³⁸ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. С. 21-22; Джансараева Р. Е. К определению понятия миграции. URL: <https://articlekz.com/article/14785> (дата обращения: 28.07.2017).

³⁹ Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 2001. С. 421.

⁴⁰ Указ. соч.

климатические катастрофы: засухи, наводнения, землетрясения и др.), политические (война, революция, дискриминация, религиозная или расовая) или социально-экономические.

Эмиграция как массовое явление в России получила волновую форму. Одной из первых волн эмигрантов стал выезд старообрядцев после Раскола за пределы государства в поисках «земли обетованной», где бы они могли строить свою жизнь в согласии со своими верованиями и не подвергаться гонениям. Вторая волна массовой эмиграции из России пришлась на 60-80-е гг. XIX века, когда массы северокавказских горцев и степняков-ногайцев спасались от последствий Кавказской войны (мухаджеры). Третья и другие новые волны массового исхода из России были связаны с социально-политическими катастрофами, вызванными февральской и октябрьской революциями 1917 г., а потом с Гражданской войной 1918 - 1922 гг.

Эти и другие волны эмиграции находятся за темпоральными пределами обозначенной в данной работе проблематики, а потому автор данного исследования ограничился только упоминанием о них.

Современные социологи и демографы выделяют несколько моделей иммиграции: 1) классическая иммиграция, т.е. переселение людей на незаселенные или малозаселенные территории; 2) колониальная иммиграция, связанная с въездом в страны-метрополии выходцев из их бывших колоний; 3) временная иммиграция рабочей силы (гастарбайтеры), для удовлетворения потребностей местного рынка труда, без права навсегда оставаться на территории пребывания; 4) модель т.н. нелегальной иммиграции, когда мигранты попадают в страну своего нового пребывания в обход существующих законных способов миграции, которые устанавливаются в каждом государстве⁴¹. Массовые миграции в инокультурные регионы или полиэтнические миграции на пустующие либо малонаселенные территории привели к образованию мультикультурных и мультиэтнических обществ.

⁴¹ Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 232-233.

Миграции могут приобретать долговременный или относительно кратковременный волновой характер. При возникновении импульса-причины миграционные потоки расширяются и ускоряются, при затухании обстоятельств, породивших стремление к перемене места жительства, миграционные мотивации ослабевают, и миграции истощаются или затухают полностью, по крайней мере, в определенном месте земного пространства.

Исследователи миграционных процессов выделяли в качестве их мотивированности т.н. «отталкивающие и притягивающие факторы». Первые – «это движущие силы внутри исходной страны, вынуждающие людей эмигрировать, как то: война, голод, политические репрессии или перенаселенность. Напротив, факторы «притягивающие» - это те особенности страны назначения, которые привлекают иммигрантов из других регионов»⁴².

Часть отечественных авторов исследуют в миграциях их структуру, выделяя в качестве элементов миграционную подвижность (мобильность) и миграционное перемещение (переселение), которые рассматриваются «как два взаимосвязанных, но разных по своей сути явления: первое - как способность (готовность) к миграции (установка), второе - как акт перемещения реализация установки на миграцию»⁴³.

В то же время с данной точки зрения «понятия «миграционная подвижность» и «перемещение (переселение)» - не являются синонимами. Миграционная подвижность - это более общее понятие для различных видов перемещения, потенциальной и реальной миграции; это также потенциальная готовность людей к изменению своего территориального статуса. Если под миграцией населения в узком значении - это законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства (буквально переселение); в широком значении - территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц независимо от продолжительности,

⁴² Гидденс Э. Указ. соч. С. 233.

⁴³ Концепция основных стадий миграционного процесса. URL: <http://isfic.info/migran/gasta14.htm> (дата обращения: 27.07.2017); Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.

регулярности и целевой направленности понимаются территориальные перемещения, то под миграционной подвижностью - способность к миграции (потенциальная миграционная активность)⁴⁴.

Учет характера миграционной структуры важен для властей в их стремлении влиять на миграционные процессы, способствовать их целерациональной направленности.

Термин «колонизация» также многообразен, как и термин «миграция», и насчитывает в научной литературе большое количество определений. Кроме того, имеет несколько направлений: например, колонизация внутренняя и колонизация внешняя. Внутренняя колонизация – это процесс заселения и хозяйственного освоения пустующих свободных и окраинных земель собственной страны. Внешняя колонизация предполагает основание колоний, поселений на свободных землях за пределами страны⁴⁵.

Внешняя колонизация может также предполагать захват чужих территорий и основание на них колоний, населенных выходцами из страны-метрополии. Это классический подход к определению процессов и явлений такого толка⁴⁶.

Россия в качестве метрополии выступала условно, поскольку, приобретая новые земли, не оставляла надолго их в статусе колоний или не делала этого вовсе, а присоединяла к своей материнской территории в качестве части общеимперского пространства вместе со всеми находившимися там этнокультурными и социально-политическими атрибутами.

В России нет причин различать колонии и метрополию, так как «...колонизованные области не сохраняли особый статус, а поглощались государством»⁴⁷. По этой причине в контексте данного исследования термины «колония» и «колонисты» будут применяться только к иностранцам, которые

⁴⁴ Концепция основных стадий миграционного процесса. URL: <http://isfic.info/migran/gasta14.htm> (дата обращения: 27.07.2017); Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.

⁴⁵ Новый словарь иностранных слов: более 60000 слов и выражений/ Глав. Ред. В. В. Адамчик, М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. С. 482; Ожегов С. И. Словарь русского языка/ Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: «Советская энциклопедия», 1973. С. 261; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1895. Т. XV. С. 748.

⁴⁶ Большая Советская энциклопедия / Гл. ред. проф. Б. А. Введенский. М., 1953. Т. 22. С. 30.

⁴⁷ Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 100.

размещались российскими властями в данном случае на территории Северного Кавказа.

Все иные категории мигрировавшего населения в Российской империи подпадают под определение либо мигрантов, либо переселенцев, хотя грань, разделяющая обе категории крайне тонкая, большей частью специфическая или синонимическая. Поэтому мы будем называть тех, кто перебирался на новое место жительства под давлением каких-либо внешних обстоятельств чаще мигрантами, а тех, кто это делал самостоятельно, по социально-экономическим или другим мотивам при участии воли властей, переселенцами.

Если обратиться к авторитету В. О. Ключевского, то он считал переселение основным фактом истории становления Русского государства. В продолжение многих веков славянское население, «по условиям своей исторической жизни и географической обстановки» распространялось по Русской равнине «не постепенно путем нарождения, не расселяясь, а, переселяясь, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и сядясь на новые»⁴⁸.

Исследуя переселенческий процесс в истории России, В. О. Ключевский между тем отмечал, что «при каждом таком передвижении оно (славянское население – Р. З.) становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер».⁴⁹

С таким взглядом на переселение в российской истории вполне солидаризировался М. К. Любавский, который также считал, что «народно-государственная территория России создавалась главным образом путем расселения славяно-русского народа...»; что «история русской колонизации дает множество ярких иллюстраций и доказательств могучего влияния внешних

⁴⁸ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга 1. Минск: Харверст, 2007. С. 25-26.

⁴⁹ Ключевский В. О. Указ. соч. С.26.

природных условий на склад и ход русской народной жизни, на развитие культуры и гражданственности»⁵⁰.

В связи с местом и ролью переселенческих процессов в истории русского народа В. О. Ключевский сделал вывод, что «история России есть история страны, которая колонизируется», а «область колонизации в ней расширялась вместе с государственной территорией»⁵¹.

Здесь следует подчеркнуть, что под колонизацией В.О. Ключевский, прежде всего, имел в виду переселение как таковое, которое предполагало размещение поселенцев на новых территориях с целью закрепления их за собой с последующим хозяйственным и культурным её обновлением.

В. О. Ключевский писал: «С начала XVII до половины XIX в. русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Черного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала и даже проникает на юг и восток далеко за Кавказ, Каспий и Урал. Политически почти все части русской народности соединяются под одной властью: к Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю»⁵².

Вслед за В. О. Ключевским идет М. К. Любавский, который повторил данную формулу своего учителя, чуть изменив акцентировку: «...русская история есть, в сущности, история непрерывно колонизирующей страны»⁵³, подчеркивая роль колонизации в формировании Российской империи.

Это переселение заметно усилилось (хотя никогда и не прекращалось) после отмены крепостного права, «когда начался отлив населения из центральных черноземных губерний, где оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось»⁵⁴.

До 1861 г. такие перемещения людей часто носили стихийный характер, почти без участия государственной администрации, т.н. «дикий колонизацией»,

⁵⁰ Любавский М. К. Русская колонизация. М.: Изд-во Алгоритм, 2014. С. 5-6; Его же. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. С. 22.

⁵¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 26.

⁵² Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга 1. Минск: Харверст, 2007. С. 28.

⁵³ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С.73.

⁵⁴ Там же.

позволившей крестьянам, испытывавшим малоземелье, заселить плодородные периферийные регионы империи – Новороссию, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Предкавказье.

Сенат и МВД серией указов 1862, 1864, 1867, 1868 гг. вносят в процессы переселенчества элементы организованности. К заселению южных регионов, не имевших русского населения или населения, близкого империи, привлекали не только государственных крестьян, но также иностранцев – колонистов: главным образом немцев-сектантов, болгар, молдаван, греков, армян. Кроме того, окраинные территории постоянно пополнялись разным беглым и «гулящим» людом⁵⁵.

Много внимания понятию «колонизация» уделяли ученые имперского периода Г. К. Гинс⁵⁶, А. А. Исаев⁵⁷, А. А. Кауфман⁵⁸.

Среди многих исследователей конца XIX - начала XX веков, имевших возможность воочию наблюдать переселенческие процессы в Российской империи, следует выделить, прежде всего, тех, кто видел в колонизации явление культуры и связанных с нею способов хозяйственного освоения слаборазвитых и слабозаселенных территорий.

Так, А. А. Кауфман считал, что «колонизация всегда являлась одним из важнейших способов развития человечества и вела за собою более прочные и длящиеся изменения, нежели завоевания... Она распространяла культуру, достигшую известного уровня, по лицу земли...»⁵⁹.

Г. К. Гинс отмечал, что «фактическая колонизация – это культурное воздействие европейских наций на азиатские государства или система мер, направленных к скорейшему экономическому и культурному развитию отсталых

⁵⁵ История Отечества в терминах и понятиях: словарь-справочник / Ред.-сост. Блохин В. Ф. Смоленск: Русич; Брянск: Курсив, 1999. С.328; Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / Сост. К. А. Сафроненко. М.: Госюриздат, 1954. С. 13.

⁵⁶ Гинс Г. К. Переселение и колонизация. Выпуск 2. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 65 с.

⁵⁷ Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.

⁵⁸ Кауфман А. А. Переселение и колонизация: Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 440 с.

⁵⁹ Там же, с. 3-4.

частей государства... Политика всестороннего культурного развития незаселенных и слабозаселенных пространств»⁶⁰.

Известный российский историк П. Н. Милюков определял колонизацию как массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства⁶¹.

А. Богдановский говорил, что «переселение во многих отношениях полезно для государства», так как «пустопорожние земли населяются и начинают приносить доход», а «польза от переселений несомненна в смысле средства содействия подъему экономического благосостояния страны»⁶².

Советские ученые И. Л. Ямзин и В. П. Воцилин указывали на экономическое обоснование сущности колонизации и считали, что «под колонизацией следует понимать процесс заселения и использования производительных сил недонаселенных и экономически недоразвитых территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густонаселенных областей»⁶³.

Один из крупнейших исследователей Северного Кавказа советского периода А. В. Фадеев смотрел на эту проблему несколько иначе, подчеркивая социально-классовый характер заинтересованности государства. Он писал: «Всякое колонизационное движение вызывается не какими-либо идейными побуждениями или свойствами национального характера, а экономическими потребностями общественных классов и социальными условиями их существования. При этом государство поощряет те формы и направления колонизационного процесса, которые выгодны в данный момент господствующему классу»⁶⁴.

Отталкиваясь от вышеназванных авторов, можно выявить обстоятельства и регионы, для которых колонизация оказалась «благоприятным фактором для развития в колонизованных странах экономики, политической организации и

⁶⁰ Гинс Г. К. Переселение и колонизация. Выпуск 2. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. С. 7.

⁶¹ Энциклопедический словарь/ Изд. Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (С.- Петербург), 1895. Т. XV. С. 736.

⁶² Цит. по: Свиарева М. Ю. Эволюция миграционных исследований дореволюционной России // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4. С. 211.

⁶³ Ямзин И. Л., Воцилин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.-Л.: ГИЗ, 1926. С. 4.

⁶⁴ Цит. по: Северный Кавказ в составе Российской империи/ Под ред. О. В. Бобровникова, И. Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 134.

культуры. Так процесс колонизации Юга России путем переселения из центра на юг крестьян привел к значительному увеличению русского населения на Северном Кавказе и в Закавказье»⁶⁵, что не только изменило политико-экономическую, но и социокультурную парадигму их развития.

Современные исследователи переселенческого процесса в России выделяют несколько его форм: т.н. «свободную колонизацию», которую вели частные люди – беглые крепостные, солдаты-дезертиры, гонимые сектанты; «военную колонизацию», ставшую результатом военных кампаний, от взятия Новгорода и Казани до операций на Кавказе, в Средней Азии, на Амуре; «монастырскую колонизацию», сосредоточенную вокруг крупных православных обителей...; «казацкую колонизацию», которая осуществлялась сословием, созданным империей специально для задач внешней колонизации и пограничной службы...»⁶⁶.

Последний тезис весьма спорен, поскольку государство не создавало сословие казаков, а стало на определенном этапе проведения своей внешней политики использовать казаков в своих целях. Казачество как таковое зародилось из элементов антигосударственных, бежавших от государства на окраинные территории, неподвластные государству. Обе стороны, несмотря на сложности и противоречия в отношениях вынужденно поняли, что как казаки не смогут поддерживать свое существование без помощи государства, столкнувшись с сильным противодействием автохтонных народов (например, на Кавказе) или неблагоприятными природными условиями, так и государству будет существенно полезнее защищать свои пограничные территории с помощью казаков⁶⁷.

Военные, промышленники и монахи проложили пути России на север и юг, восток и запад. Казаки эти пути укрепили, а новые территории были окультурены поселенцами. Посредством этих сил проявлялась и выявлялась «цивилизационная миссия России на просторах Евразии»⁶⁸. В Российской империи до конца XIX

⁶⁵ Лазарян С. С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. Пятигорск: РИА на КМВ, 2009. С. 223-224.

⁶⁶ Эткинд А. Указ. соч. С. 101.

⁶⁷ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией... С. 209-218.

⁶⁸ Эткинд А. Указ. соч. С. 102.

века колонизация считалась «прогрессивным явлением»⁶⁹, определялась задачами модернизации, вынуждавшими Россию бороться за выход к мировым коммуникациям, позволявшим реализовать геополитические интересы страны.

Модернизация и геополитика вынуждали стремиться к морям и новым территориям. При помощи военной колонизации в 1721 г. был завоеван выход в Балтийское море, а в 1774 г. – в Черное. В 1783 г. к России отошел Крым. Войны с османами (1806-1812 гг. и 1828-1829 гг.) и с персами (1804-1813 гг. и 1826-1828 гг.) позволили России закрепиться в Закавказье. С 1763 по 1864 гг. велась борьба за Северный Кавказ. В ходе русско-шведской войны 1808-1809 гг. была присоединена Финляндия, а после победы над Наполеоном в 1815 г. в состав Российской империи вошла территория бывшего Герцогства Варшавского. В 1860 г. был основан город и порт на Тихом океане – Владивосток. В 1865-1883 гг. частью Российской империи стала Средняя Азия. При этом колониальный тип экспансии, свойственный Западу, в России не сложился, хотя некоторые современные исследователи (А. Эткинд) считают, что «колонизация России больше походила на британскую колонизацию Америки...»⁷⁰.

Нет нужды преувеличивать значение «военной колонизации» в истории становления Российской империи как таковой и колониационного процесса вообще. Об этом приходится говорить, поскольку сегодня существует определенная тенденция у части современных исследователей-ревизионистов акцентировать взгляд именно на данном способе строительства России. Примером может служить взгляд Александра Эткинды, который продвигает тезис: «Колонизация всегда связана с попыткой *освоить чужое...*»⁷¹, чтобы иметь возможность обосновывать претензии на «нелегитимность» части территорий российского государства.

Соизмеряя вклад «военной колонизации» в общее устройство территории Российской империи, М.К. Любавский отмечал в целом незначительные её

⁶⁹ Эткинд А. Указ. соч. С. 107.

⁷⁰ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 386.

⁷¹ Эткинд А. Указ. соч. С. 90.

пропорции, считая, что «...на долю областей, приобретение которых можно отнести на счет простого завоевания, приходится 10% всей территории»⁷². Вся остальная территория «сделалась достоянием русского народа главным образом вследствие его расселения по ней»⁷³.

Своеобразную позицию в данном вопросе занимали западные наблюдатели, например, Август фон Гакстгаузен. После посещения Российской империи он увидел, что Россия осуществляла не колониальную экспансию в привычной для понимания европейцев форме, но проводила колонизацию внутреннюю, направленную на подчинение полиэтнического населения страны государственным интересам. Именно такая колонизация была «важнейшим предметом всей внутренней политики и экономики этой империи»⁷⁴.

Современные последователи такого подхода - А. Эткинд, Д. Уффельман, И. Кукулин - трактуют внутреннюю колонизацию как средство, при помощи которой государство (в данном случае Российская империя) колонизовала, т.е. закабаляла и эксплуатировала (здесь А. Эткинд использует, хотя прямо не называет, марксистские коннотанты) собственный мультиэтнический народ. При этом утверждает, что «многие неевропейские этносы были ассимилированы или уничтожены»⁷⁵, по аналогии с британской колонизацией в Америке, что противоречит реальному ходу событий российского колониационного процесса. Уже в силу того, что Россия не Британия, а её колонизация была внутренней, т.е. направлялась на социокультурное освоение окраинных, малонаселенных территорий, а не внешней, процесс и результат у России и Британии не могут быть идентичными. Наконец, разве Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, Сибирь остались без аборигенов после присоединения к Российской империи?

Необходимо отметить, что ни у В. О. Ключевского, ни у М. К. Любавского, ни у большинства их российских последователей, термин «колонизация» не имеет той негативной коннотации, которая предполагалась и подразумевалась в

⁷² Любавский М.К. Указ. соч. С. 5.

⁷³ Любавский М.К. Указ. соч. С. 5.

⁷⁴ Цит. по: Эткинд А. Указ. соч. С. 91.

⁷⁵ Эткинд А. Указ. соч. С. 386.

позднейшем марксистском подходе: «империалистическая – грабительская, эксплуататорская»⁷⁶.

Все вышеперечисленные авторы XIX - начала XX века, как разъяснялось, употребляли термин «колонизация» в значении расселения и культурного освоения новых территорий. Выявляя также роль государства в колониационных процессах, М. К. Любавский придерживался той точки зрения на данный вопрос, что государство не могло не принимать в них участия. В то же время подчеркивал, что государство принимает участие в колонизации только на определенных её этапах, «выполняя функции фиксирования существующего положения дел»⁷⁷ и конституирует саму народную колонизацию.

Инициатива и активность государства в организации колонизации новых земель проявляется на этапе его военной экспансии на сопредельные территории, но как уже было отмечено, такой тип колонизации в российской истории не имел довлеющей тенденции.

Закрепив новые границы государства расселением казаков⁷⁸, российские власти стали способствовать прямо или косвенно хозяйственному и культурному освоению новых территорий, вводить их в гражданское существование и в политико-правовую систему империи.

Если военно-казачья колонизация неизбежно сопровождалась и связывалась с насилием, борьбой в той или иной степени упорной и жестокой, то крестьянский этап переселенческого движения уже проходил в относительно мирной форме, поскольку ни по своему характеру, ни по форме такого насилия не предполагал и не требовал.

Преимущественно военно-казачья колонизация XVIII - первой половины XIX века неизбежно сменяется крестьянским заселением новых регионов страны

⁷⁶ Семенков В. Е., Рабжаева М. В. История российской колонизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 163.

⁷⁷ Семенков В. Е., Рабжаева М. В. Указ. соч. С. 164.

⁷⁸ Кабузан В. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. Петербург: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 95-96.

в последующие периоды, которое, однако, не отменяет роли казака-колонизатора, но дополняет его и сопровождает повсеместно почти до начала XX века⁷⁹.

По мнению М. К. Любавского, колонизация в свою очередь влияла на государственное устройство России. Поскольку «именно благодаря особенностям этноландшафтной системы в России сложился особый тип государства – Империя... и особый тип управления – абсолютная монархия в имперской системе»⁸⁰. Эти формы государственной организации М.К. Любавский считал наиболее адекватными для России в условиях перманентного освоения новых земель.

При этом постоянное освоение новых земель не было прерогативой государства. Основным колонизатором, осваивавшим новые территории, выступал крестьянин-земледелец, хотя сами процессы освоения новых земель могли инициироваться различными социальными группами российского государства.

Более того, М.К. Любавский считал, что самый тип колонизационных потоков определялся типом инициаторов-организаторов той или иной волны миграции и последующего собственника новоприобретенных земель. Самый процесс освоения земель он считал автономным, выделяя в нем несколько хронологически доминировавших типов колонизации, исходя из уже известных оснований. По его наблюдениям можно было говорить о 1) народной или естественной колонизации; 2) княжеской; 3) боярской; 4) землевладельческой; 5) монастырской; 6) казачьей; 7) вольной (крестьянской); 8) государственной. Последняя стала доминировать только в конце XIX – начале XX века⁸¹.

Государственная колонизация осуществлялась там, где народная колонизация встречалась с препятствиями - социальными (высокая плотность местного населения) или природно-географическими (неподходящие климатогеографические условия). С другой стороны, государство также выходило на первые роли, когда доминировала заинтересованность по целям

⁷⁹ Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М.: Наука, 1981. С. 131.

⁸⁰ Цит. по: Семенов В. Е., Рабжаева М. В. Указ. соч. С. 165.

⁸¹ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации... С. 185.

стратегическим⁸². Это касалось военного типа колонизации Прибалтийского края, Польши, Финляндии, Бессарабии, Закавказья или Северного Кавказа.

Одновременно можно отметить, что в Закавказье или на Северный Кавказ потоки народной колонизации были первичными, но привлекли внимание государства, поскольку затрагивали его геостратегические устремления и вытекавшие из них задачи.

В связи с этим «могучее народное движение... заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им»⁸³. Когда колонизационное освоение новых земель завершалось, и определялись их территориальные контуры, государство брало на себя бремя защиты и содержания в безопасности свои новые границы⁸⁴.

Русская колонизация становится «твердой ногой» на Кавказе, когда оформляется в 1777 - 1799 гг. укрепленная Кавказская линия по Кубани и Тереку. Для её функционирования переселяются в означенный край казаки с Дона и Волги в дополнение к терским и гребенским казакам, уже расселенным вдоль кордонной линии.

Изложенный выше принцип освоения новых земель в истории Российской империи, однако, по мнению В. Е. Семенкова и М. В. Рабжаевой не может объяснить различий в принципах управления на присоединенных территориях. Эти исследователи указывают на Малороссию, где действовал особый приказ, или Кавказ, где управление осуществлялось Кавказским наместником. По их мнению, такое положение вещей сложилось из-за того, что, например, М. К. Любавский видел в колонизации главным образом эколого-демографический процесс и не разводил его с процессами социально-политического освоения новых территорий⁸⁵.

⁸² Любавский М. К. Указ. соч. С. 539.

⁸³ Любавский М. К. Указ. соч. С. 474.

⁸⁴ Любавский М. К. Указ. соч. С. 563.

⁸⁵ Семенков В. Е., Рабжаева М. В. Указ. соч. С. 168.

Для того чтобы ответить на вопрос, почему разные территории получали различные типы руководства ими, следует рассмотреть саму колонизацию, выйдя, собственно, за пределы эколого-демографической колонизации, как способа освоения нового пространства. Следовало смотреть на колонизацию как на «процесс социальной адаптации-приспособления уже существовавших там социальных институтов и структур к имперским формам и требованиям... Когда происходил перевод социальных институций из разряда «этнокультурных» в разряд «государственных»⁸⁶.

Такой принцип колонизации названные авторы условно называют гомогенным, «создающим однородное имперское пространство»⁸⁷. Но далеко не все территории Российской империи были колонизованы таким образом. Например, та же Малороссия представляла собой не только территорию со своими географическими границами, но и собственным социально-политическим пространством. Такой тип колонизации названные авторы также условно называют гетерогенным, создающим разнородное социальное пространство, что делает колонизацию в данном месте не столько колонизацией, сколько подчинением его имперскому управлению⁸⁸.

Исходя из данной точки зрения, Северный Кавказ (часть его) также относился долгое время к территориям с гетерогенной структурой, подчиненной имперскому управлению, хотя и основывавшейся на совершенно иных основаниях, чем те, что существовали в названной Малороссии.

Несколько другой подход предлагает А. Эткинд, который считает, что именно «различные способы колонизации определяют разные способы политического участия, колониального управления и военных приготовлений, а также разные формы культуры и науки»⁸⁹.

Он считает, что «из-за случайностей истории, географии и даже зоологии аграрное общество в России сразу стало имперским, и социальные дистанции

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Семенов В. Е., Рабжаева М. В. Указ. соч. С. 168.

⁸⁸ Семенов В. Е., Рабжаева М. В. Указ. соч. С.168.

⁸⁹ Эткинд А. Указ. соч. С. 387.

первого помножились на политические дистанции второго. Российская империя определяла других по сословным и религиозным критериям, а империи Запада – по географическим и расовым. Вместо того чтобы натурализовать социальные и лингвистические различия на основе «природной» расы, государство кодифицировало их, создав правовую систему сословий, регулировавшую доступ подданных к собственности, образованию и карьере»⁹⁰.

Данная цитата требует комментария. Прежде всего, из-за высокомерного тона данного высказывания. Понятно, что названный автор смотрит на Россию через очки западных концепций, отсюда и его пренебрежение, выразившееся в иронические замечания о «случайности истории» или «даже зоологии», лежащих, по его мнению, в основе становления российской имперской структуры и имперского социума.

Самый российский способ «колониальной экспансии» настолько отличался от эталонного западного (для А.Эткинда - британского), настолько был «неправильным», что для того, чтобы это подчеркнуть всю глубинность такого различия, А. Эткинд прибегает к помощи мнения Отто Бисмарка, который сравнивал Россию и Британию с китом и медведем, которые в природе не встречаются между собой⁹¹.

Отсюда «необычным для европейских держав образом Российская империя демонстрировала обратный имперский градиент: на периферии люди жили лучше, чем в центральных губерниях... а имперские офицеры, администраторы и интеллектуалы все больше интересовались малейшими особенностями жизни колонизованных народов», вместо навязывания своего превосходства, как это повсеместно демонстрировали эталонные англичане. Эту ситуацию для России А. Эткинд характеризует как «отрицательную гегемонию»⁹².

Для британцев и французов в XIX веке, по мнению Э.В. Саида, «Восток оставался местом паломничества... Новым вместилищем восточного опыта...», где они стремились насладиться «экзотической, но потому особенно привлекательной

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Эткинд А. Указ. соч. С. 387.

⁹² Эткинд А. Указ. соч. С. 388.

реальностью»⁹³. В случае же с Россией все тот же А. Эткинд подчеркивает разницу: «... британцы искали знания и наслаждения Востока далеко за морями, россияне – в глубинах собственной страны»⁹⁴.

Кроме того, чтобы подчеркнуть драматизм и негативные коннотанты рассматриваемого явления, (в отличие от В.О. Ключевского или М.К. Любавского и др.) А. Эткинд, Д. Уффельман и И. Кукулин рассматривают не экономическую, а идейно-ментальную сторону внутренней колонизации в России. При этом данными авторами делается упор на антагонистических отношениях имперского центра и периферии, поскольку, по их мнению, «колонизация всегда имеет две стороны: активную и пассивную; сторону, которая завоевывает, эксплуатирует и извлекает выгоды, и сторону, которая страдает, терпит и восстает»⁹⁵.

Названные авторы определяют внутреннюю колонизацию «как применение практик колониального управления внутри государства». Ими ведется «речь ... об особом типе отношений между государством и подданными, при котором государство относится к населению страны как к покоренному в ходе завоевания, а к территории, как захваченной, а потому требующей заселения из одного центра»⁹⁶.

Названные авторы, отмечают российскую традицию, заданную В.О. Ключевским в трактовке колониального движения, пронизывавшего всю историю страны, и вопреки отмеченным выше особенностям российского переселенческого движения, стремятся трактовать его с позиций западного классического колониализма.

Их мало смущает и то обстоятельство, на которое они сами же обращают внимание, когда отмечают, что в отношении России «не стоит, однако, применять... представления об экономической эксплуатации и ограничении политических прав населения колоний в сравнении с населением метрополий,

⁹³ Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. Изд. 2-е и дополненное. СПб.: Русский мир, 2016. С. 282-286.

⁹⁴ Эткинд А. Указ. соч. С. 388.

⁹⁵ Эткинд А. Внутренняя колонизация. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Внутренняя_колонизация (дата обращения: 27.07.2017).

⁹⁶ Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Политическая концептология. 2013. № 2. От редакции. С. 31.

которые сформированы опытом Британской и других классических империй... В России культурная дистанция между метрополией и колонией не совпадала с этнической дистанцией между ними. Географическая протяженность российского пространства и имперское стремление к централизации перевешивали всякие иные различия – этнические, лингвистические, религиозные – перемешивая их в общем котле»⁹⁷.

И, наконец, данные авторы, всецело находясь в плену у своей концепции, стараются игнорировать очевидные реалии, при которых «границы России расширялись и в доимперский и в имперский периоды с такой скоростью, что само отличие «внешнего» от «внутреннего» было текучим и неопределенным»⁹⁸.

После реформ 1861 г. темпы народного переселенчества значительно возрастают. Основными территориями, принимавшими большую часть переселенческого потока стали Сибирь, Южное Приуралье и Северный Кавказ. После 1861 г. Российская империя при помощи и за счет колонизации «решала проблему малоземелья, превращала окраины в рынки сбыта и источники сырья»⁹⁹.

Социально-культурное освоение новых территорий всегда, гласно или негласно, «поручалось» попечению земледельческим слоям русского общества. Крестьянские переселения в истории страны «признаются многими за одну из характернейших особенностей русского народного быта»¹⁰⁰.

С другой стороны, российское переселенческое движение, как уже отмечалось ранее, не представляло чего-либо исключительного в мировой истории, поскольку «все существенные моменты в эволюции государственной, общественной и хозяйственной жизни сопровождались обширными колонизационными движениями или следовали за такими движениями»¹⁰¹.

В то же время (как неоднократно это подчеркивали многие российские исследователи прошлого) российское переселенческое движение имело

⁹⁷ Эткин А., Уфельман Д., Кукулин И. Указ. соч. С. 35.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ История Отечества в терминах и понятиях: словарь-справочник / Ред. - сост. Блохин В.Ф. Смоленск: Русич; Брянск: Курсив, 1999. С. 219.

¹⁰⁰ Кауфман А. А. Переселение и колонизация: Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 3.

¹⁰¹ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 4.

существенное отличие от аналогичных движений, характерных для западного мира. Как отмечал по этому поводу князь А. И. Васильчиков: «Колонизационное движение в Западной Европе имеет характер эмиграции..., а в России переселения были издревле и остаются до сих пор явлением внутреннего народного быта, имеющим значение простого перехода из одних мест жительства в другие»¹⁰².

Это мнение поддерживал А. А. Кауфман, который в свою очередь отмечал, что «переселенцы из Западной Европы направляются либо в чужестранные государства, либо в отдаленные заморские колонии, слабо связанные с метрополией и неизбежно стремящиеся порвать эту связь окончательно»¹⁰³.

С точки зрения Ф. Г. Тернера: «Россия – обладает в своих азиатских владениях свободными землями, на которые могут изливаться избытки сельского населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа, напротив того, большему сплочению этих дальних стран с Россией»¹⁰⁴.

Если далее сравнивать переселенческие процессы, происходившие в России и на Западе, то «миграции в Западной Европе принимают форму выселения из страны, которая, под влиянием известной совокупности причин, становится тесна для населения; русское переселение – последний акт того процесса колонизации русской государственной территории, который составляет такую существенную черту всей внутренней истории нашего отечества»¹⁰⁵.

В связи с вышеизложенным, следует согласиться с мнением перечисленных авторов в том, что существенное отличие русского переселенческого движения от европейского состоит в том, что избыток русского населения переселялся не в чужие государства и не в заморские колонии, которых у России никогда не было, «а в местности, входящие в состав русской государственной территории и

¹⁰² Цит. по: Кауфман А. А. Указ. соч. С. 5.

¹⁰³ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 5

¹⁰⁴ Цит. по: Кауфман А. А. Переселение и колонизация: Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 5; Тернер Ф. Г. Переселенческое дело // Вестник Европы. 1897. Т. 184. Март. С. 76.

¹⁰⁵ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 5.

составляющие как бы прямое продолжение районов, выпускающих переселенцев»¹⁰⁶.

С другой стороны, как пишут А. В. Ремнев и Н. Г. Суворова: «Российская империя имела свой сценарий освоения пространства и его закрепления в рамках государственной территории. Поглощение азиатских окраин может быть представлено не только как постепенное расширение национального русского ядра, но и как создание русских анклавов («островков русского мира») в стратегических зонах Русской Азии. Со второй половины XIX в. движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает осознанно восприниматься в правительстве и в обществе как целенаправленное политическое и национальное конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый стратегический курс на создание «единой и неделимой» России»¹⁰⁷.

Кроме того, А. В. Ремнев и Н. Г. Суворова отмечают, что процессы колонизации порождали «обострение национальных вопросов на имперских окраинах, а также формирование собственно русской национальной идеи постепенно корректировали цивилизационный дискурс российского интеллектуального общества. Деление общества на «мир культуры» и «мир дикости» усложнялось, наполняясь новыми, в том числе национальными и региональными, характеристиками»¹⁰⁸.

Пореформенное переселенческое движение носило почти исключительно земледельческий характер. Вызывалось это тем обстоятельством, что главный контингент переселенцев составляли крестьяне-земледельцы «из лесостепной и степной зоны, стремящиеся, прежде всего, обеспечить себя средствами пропитания, главным образом, хлебом, которого не хватало ему на родине»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 6.

¹⁰⁷ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. С. 16.

¹⁰⁸ Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Указ. соч. С. 17.

¹⁰⁹ Колонизация. Переселенческое движение в России. URL: <http://istmat.info/node/24082> (дата обращения: 22.07.2017).

Об особенностях российского переселенчества писал А. М. Беркенгейм. Он отмечал: «В нашем государстве совпадают воедино страна, принимающая эмигрантов, со страной, отпускающей их; приходится согласовывать интересы страны, выпускающей эмигрантов, с интересами страны, принимающей иммигрантов... приходится согласовывать интересы губерний Европейской России, из которых выходят переселенцы, с интересами губерний Азиатской России, куда направляются наши эмигранты»¹¹⁰.

Кроме того, существенным отличием российского переселенчества от переселенчества западноевропейского было то, что российские переселенцы не чувствовали себя покидающими своё отечество, особенно, если переселялись в области со сходным климатом, природными условиями и ландшафтом¹¹¹.

Проблема, однако, состояла в том, что «Россия - страна с громадными природными, географическими, этнокультурными и иными различиями, и массовые миграции нельзя было вести без учета этих факторов. Они определяли приживаемость новоселов и эффективность переселений»¹¹². В этой связи важнейшим моментом колонизации становится её правильная организация, которую только и может осуществить государство.

Для придания не только организованности, но, прежде всего, эффективности переселенческому движению были выработаны и рассмотрены несколько соответствовавших концепций.

Официальные власти приняли ту точку зрения, при которой целесообразным посчитали, что во-1-х, «переселенцам легче переходить из малообжитых регионов в необжитые; во-2-х переселяться в близко расположенные регионы легче, чем в удаленные; в -3-х в результате таких переселений в них вовлекается значительное число лиц, имеющих миграционный опыт»¹¹³.

¹¹⁰ Цит. по: Кауфман А. А. Указ. соч. С. 7.

¹¹¹ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 6-7.

¹¹² Рыбаковский Л. Исследования миграции населения в России. URL: http://www.ahmerov.com/book_922_chapter_172_2._Izuchenie_pereselenijj_v_dosovetskijj_period.html (дата обращения: 26.07.2017).

¹¹³ Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973. 159 с.

Руководство переселенческой политикой в Российской империи после 1861 г. осуществлялось в центре Императором и Сенатом, Министерством внутренних дел и Военным министерством. Столь высокая властная представительность объяснялась тем, что аграрный вопрос в целом и земледельческое переселенчество, как важная его составляющая, сделались ключевым пунктом в политике правительства России по решению задачи о землеустройстве большинства крестьян страны. Переселенчество также представлялось наиболее приемлемым способом решения проблемы аграрной тесноты и связанной с ней напряженной обстановкой в центре империи и возможностью предотвращения революции в стране¹¹⁴.

В пореформенный период миграционное движение в России осуществлялось не только в виде переселения крестьян, хотя именно они обусловили самые значительные региональные сдвиги в распределении населения и играли важнейшую роль в перетоке населения из центральных губерний страны за Урал, на Северный Кавказ и в Сибирь. Набирали силу сезонные перемещения в поисках работы, а также миграции сельского населения в города. Эти миграции носили главным образом внутрирайонный характер. Окраинные территории империи – Сибирь или Северный Кавказ – в пореформенный период оставались территориями со сравнительно слабым развитием городов и промышленности, а потому приток населения в города здесь имел второстепенный характер по сравнению с крестьянскими переселениями.

Таким образом, можно отметить, что колонизационно-миграционные процессы проходят через все течение российской истории. Такой точки зрения придерживались и придерживаются сегодня большинство отечественных историков и исследователей переселенческого процесса в Российской империи.

¹¹⁴ Головачев Д. М. Заметки о русской колонизации Сибири // Земледелие: периодическое издание Географического отдела. М., 1895. С. 29-58; Долгушин А. А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. Владикавказ, 1907. 73 с.; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. XVIII. СПб., 1903. 478 с.; Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Политика переселения населения в России начала XX века - методология вопроса // Урбанистика. 2013. № 1. С. 31-72. URL: http://e-notabene.ru/urb/article_10383.html (дата обращения: 27.07.2017).

Миграции как перемещение населения с целью освоения тех или иных территорий, плавно приобретали форму колонизации, когда осуществляли хозяйственное и социально-культурное преобразование новых земель.

Феномен колонизационно-переселенческого процесса в истории России состоит в том, что в ходе его реализации постепенно оформлялась не только территория страны, но формировалось само имперское государство. Кроме того, миграции в России позволяли разрешать различные экономические, этнокультурные, эколого-демографические задачи и тем самым способствовать ослаблению негативных последствий разнородных кризисов.

Переселенческое движение в России несмотря на то, что долгое время имело выраженный стихийно земледельческий характер, не могло обходиться без государственного участия, хотя бы из-за необходимости закрепления и легализации своих результатов.

Формы и мотивация колонизации определялись теми, кто выступал инициатором и организатором переселения. Долгое время в России преобладала форма т.н. народной колонизации, под которой понималось свободное переселение тех или иных социальных групп на территории, привлекающие их по какой-либо причине. Такое переселение осуществлялось, как правило, без учета существовавшего правительственного законодательства. Чрезмерные ожидания крестьян, связанные с возможностью освободиться от какой-либо зависимости и неизбежное малоземелье, слишком часто содействовали стихийности в их переселенческих усилиях.

Следует также отметить, что российское переселенчество существенным образом отличалось от европейского, западного, имевшего большей частью форму эмиграции. Российское переселенчество было явлением внутреннего народного быта, и направлялось в те или иные районы собственной страны.

В то же время, на протяжении XIX - начала XX вв. народная колонизация сопутствовала правительственной колонизации и тесно переплеталась с ней. Под правительственной колонизацией следует понимать такие переселения, которые организовывались и осуществлялись правительством, и которые отвечали

внутриполитическим и внешнеполитическим задачам Российской империи, и претворялись в жизнь в соответствии с существующим законодательством. После реформ 60-70-х гг. XIX века масштабы и организованность в осуществлении переселенческого движения постоянно нарастали.

1.2. Мухаджирство части населения Северного Кавказа в Османскую империю как условие продолжения колониционных процессов

Термин «мухаджирство» (от араб. мухаджирун, т.е. совершившие хиджру - переселение) означает «массовое и целенаправленное переселение мусульман в мусульманскую страну из немусульманских стран, где мусульмане являются меньшинством или чаще всего им становятся в результате военных действий и не желают мириться с положением религиозного меньшинства»¹¹⁵.

В современном контексте исторического процесса этот термин применяется к различным массовым переселениям мусульман с территорий, контролируемых немусульманским большинством. Историческая литература связывает данный термин с переселением пророка Мухаммада и первых сторонников ислама из Мекки в Ясриб, вынужденных спасаться бегством от преследований язычников.

Затем мухаджирами стали называть крымских татар, не пожелавших принять российское подданство после присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. и высленцев 1853-1856 гг., эмигрировавших в Турцию в ходе Крымской войны.

В 60-90-е гг. XIX века мухаджирами называли переселенцев с Северного Кавказа, также направлявшихся в Османскую Порту после окончания Кавказской

¹¹⁵ Уотт У. М. Мухаммад в Медине / Пер. с англ. СПб.: Изд-во ДИЛЯ, 2007. С. 8; Мухаджирство. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 27.07.2017).

войны и последовавших затем политических, административных и социально-экономических преобразований в регионе¹¹⁶.

Переселенчество как один из видов территориальной миграции населения имело большое значение для исторического развития отдельных частей Северного Кавказа. Переселенчество здесь на определенном этапе приняло вид безвозвратной миграции, выселения местных жителей за пределы своего исторического месторазвития под влиянием совокупности целого ряда внешних и внутренних обстоятельств. Следствием такого безвозвратного выселения части горского населения сделалось изменение численности проживавшего населения в регионе и изменение его этно-социального состава¹¹⁷.

По поводу такого рода миграций Л. Л. Рыбаковский замечал, что «количественное перераспределение населения может либо сочетаться, либо не сочетаться с изменением его качественного состава в районах оттока или притока мигрантов... В свою очередь отток населения из одних районов и приток туда мигрантов из других будет существенно обновлять состав населения и менять его миграционную активность»¹¹⁸.

В ходе осуществления переселенчества, которое в данном случае имело свою особенную форму – мухаджирства, согласно теории Л. Л. Рыбаковского, можно выделить вехи миграционного процесса, подразделив его на три стадии: исходную, основную и заключительную. При этом сами стадии являются не только определенным моментом в ходе развития, но и этапом, имеющим свои качественные особенности¹¹⁹.

Исходная, или подготовительная стадия, представляет «процесс формирования территориальной подвижности населения». Основной стадией выступает, собственно, сам процесс переселения населения, движение

¹¹⁶ Мухаджир. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/171399/> (дата обращения: 27.07.2017).

¹¹⁷ Белозёров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. С. 35-40; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 325. Оп. 1. Д. 301. Л. 391; ГАКК. Ф. 327. Оп. 1. Д. 3. Л. 3; ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 466. Л. 58-58 об.

¹¹⁸ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов). М.: Наука, 2001. 114 с. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2z4.html> (дата обращения: 27.07.2017).

¹¹⁹ Там же.

миграционных потоков. Завершающей стадией, является процесс приживаемости мигрантов на новом месте¹²⁰.

Кроме того, в зависимости от мотивов переселения исследователи выделяют добровольную и вынужденную миграцию¹²¹. Если касаться северокавказского мухаджирства, то оно по большей части было вынужденным, связанным как с результатами Кавказской войны, так и социально-психологической реакцией местных горских народов на эти результаты. Немалую роль в данном процессе также сыграла агитация турецких эмиссаров и «подрывная деятельность европейских агентов среди адыго-абхазских народов»¹²².

Выселение, в своём громадном большинстве, в пределы Османской империи горских народов Северо-Западного Кавказа, привело к резкому сокращению автохтонного населения в регионе, оставив целые районы без жителей. Остававшиеся в регионе адыгские поселения сосредоточивались узкой полосой вдоль левого берега реки Кубань и Лабы¹²³.

Потому последовавшее вскорости заселение Северо-Западного Кавказа выходцами из России (казаки и другие категории гражданских колонистов) и мигрантами из сопредельных или отдаленных мест было колонизацией, по существу, опустевшей территории, хотя и подвергавшейся ранее этно-социальному и этнокультурному воздействию иного генеза. Это обуславливало ряд особенностей, связанных не только и не столько с необходимостью хозяйственного освоения данных территорий, но и с необходимостью перестроения заселяемого пространства, исходя из потребностей политического, экономического и социокультурного характера Российской империи.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Попова А. Х. Методологические особенности изучения миграции населения. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. С. 18; Федорако А. Миграция населения: понятие, причины, последствия // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 4. С. 6.

¹²² Кипкеева З. Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. С. 323.

¹²³ Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2007. С. 23.

Следует отметить, что колонизация окраин России наряду с экономическими соображениями, направленными, как уже ранее упоминалось, во второй половине XIX века на устранение аграрного перенаселения в центре страны и тому подобные цели, «большое значение имели политические мотивы: создание заселенности района, упрочение русского господства, обеспечение безопасности границ»¹²⁴.

На эту сторону российской колонизации указывали многие авторы, писавшие по данному вопросу. Политические и военно-стратегические цели были также побудительным мотивом колонизации не только Северного Кавказа или Закавказья, но и всех других окраинных территорий, например, Дальнего Востока. Ф. Ф. Буссе писал в связи с тем, что в основу соображений российской колонизации пограничных окраин были поставлены политические потребности колонизируемых районов, а экономической стороне дела отводилось второстепенное значение¹²⁵.

Очевидной особенностью российской колонизации, отмечаемой многими российскими исследователями, было то, что «между коренной Россией и теми странами и территориями, которые стали частями единого государства, осуществлялся обычный миграционный обмен. Его результатом было изменение расселения населения, переход от гомогенности к гетерогенности его этнической структуры»¹²⁶.

Таким образом, в силу того, что всякая колонизация предполагает переселение, миграцию, в данном случае, разнородного (гетерогенного) населения в районы, оставленные горцами Северо-Западного Кавказа, мы можем считать мухаджирство условием и причиной такой колонизации, которая породила последующие военно-стратегические, политические, экономические и социально-культурные задачи.

¹²⁴ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (Вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2z4.html/> (дата обращения: 27.07.2017).

¹²⁵ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурйский край в 1883-1893 годах. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1896. 166 с.

¹²⁶ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (Вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2z4.html/> (дата обращения: 27.07.2017).

Своеобразием колонизации Северо-Западного Кавказа было то, что она проводилась не только выходцами из России, но и частью иностранных иммигрантов. Это вносило в экономическое и политическое положение данной территории ряд особенностей. Однако численное преобладание в населении региона выходцев из России и единство имперской территории содействовали сохранению и укреплению связей данной окраины с центральной частью страны. Кроме того, колонизация данного региона проходила тогда, когда большая часть Кавказа уже пережила эту фазу и сосредоточивалась на своем заключительном этапе, если исходить из теоретического посыла ранее упоминавшегося Л. Л. Рыбаковского¹²⁷.

Переселение части народов Северного Кавказа на территорию Турции, произошедшее во второй половине XIX столетия, достаточно давно привлекает внимание исследователей. Уже современники этих драматических событий описывали обстоятельства происходящей на их глазах массовой эмиграции, пытаясь разобраться в её причинах¹²⁸. В дальнейшем эта тема также неоднократно поднималась в кавказоведении, но и до сегодняшнего времени сказать, что все «белые пятна» мухаджирства исчезли, нельзя. Сказывается исключительная политизация этого вопроса и сохраняющийся высокий эмоциональный накал при оценке событий полуторавековой давности¹²⁹. В то же время надо отметить, что в ходе мухаджирства произошла массовая этническая «рокировка», не имевшая аналогов в мировой истории XIX века.

Отток населения Северо-Западного Кавказа в Турцию начался ещё до активизации здесь боевых действий. Эти события относятся к 1859 г., т.е. к тому времени, когда основные усилия царской армии были сосредоточены на борьбе против имама Шамиля, укрывавшегося в горах Дагестана. Благодаря переговорам российских властей с горцами, бжедуги, абадзехи и нутухайцы выразили

¹²⁷ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов). М.: Наука, 2001. 114 с. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2z4.html> (дата обращения: 27.07.2017).

¹²⁸ Достаточно вспомнить: Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. №1. С. 161-176; 1882. №2. С. 337-363.

¹²⁹ Аутлев П. У. Об основной причине махаджирства адыгов в XIX веке // Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп, 1991. С. 216-254.

готовность прекратить вооружённую борьбу, что вселяло надежду на мирное выстраивание взаимоотношений между черкесами (адыгами) и имперской властью. Сохраняя в значительной степени автономию, они продолжали жить согласно собственным традициям и обычаям, а потому особых причин выражать недовольство у них не было.

Для сравнения – в этот период чеченцев обязали переселяться на равнины, причём данный процесс оказался недостаточно хорошо организован и вызвал сопротивление жителей. По данным, приводимым Е.Д. Максимовым, «десятки аулов добровольно, или по принуждению русских должны были переселяться из гор на плоскость под жесткий контроль имперских властей. С 1857 г. и по 1859 г. шло чуть не массовое переселение: в Малой Чечне выселилось 15 селений почти с 5900 дворов, в Большой Чечне 29 с 8390 дворов, не считая выселившихся сюда аулов ичкеринского округа»¹³⁰.

В данных обстоятельствах переселенцы лишались как привычного им ландшафтного окружения, так и многих связанных с прежними местами пребывания социально-хозяйственными навыками и обычаями, нарушался традиционный социально-психологический уклад жизни. В то же время перед ними открывались новые перспективы для успешного занятия хозяйством в рамках экономических условий Российской империи, но недоверие к русским и неминуемый период психологической и социально-экономической адаптации к новым условиям проходил болезненно и конфликтно.

Именно в это время поднимается первая волна мухаджирства, приведшая к тому, что самые разные народы региона принимают решение покинуть землю предков и перебраться в Турцию. Этот процесс затронул не только тех, кто принимал активное участие в борьбе с Российской империей в первой половине XIX в., но также ранее лояльные к российским властям общества.

В немалой степени этому способствовали слухи, не имевшие под собой реальных оснований, но будоражившие умы людей: «Со взятием в плен Шамиля,

¹³⁰ Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. Вып. III. Кн. II. С. 30.

все горцы Кавказа почувствовали словно тесноту на родине; теперь-то ясно увидели, что прежней свободе, которую отстаивали они так мужественно от неприятелей и покупали ценою своей крови и жизни, пришёл конец. Ещё больше встревожились горцы, когда между ними пронёсся слух, что детей их будут брать в солдаты: это-то последнее обстоятельство послужило особенно чувствительным толчком, заставившим их разом оставить ту родину, за которую ещё так недавно проливали кровь, и искать убежище и безопасности в Стамбуле, как они зовут Турцию вообще, предполагая, что в Турции к ним вернётся привольная жизнь и дети их будут гарантированы от ненавистой солдатчины»¹³¹.

Вообще слухи играли огромную роль в формировании общественного мнения среди горского населения. Порой самые неожиданные предположения могли иметь фатальные последствия. Так, в 1865 г. в Чечне распространялись известия о том, что в городе Петровске высадился многочисленный десант, который движется к ним, и будет обеспечивать переселение в Порту. Учитывая, что и до этого местные жители неоднократно получали частные приглашения перебраться в Турцию, им зачитывали фирманы, якобы написанные султаном, такие слухи попали на благодатную почву¹³².

Способы для того, чтобы уехать с Кавказа, были самые разные. Часто своё желание эмигрировать в Турцию маскировали религиозными побуждениями – хаджем, важнейшим событием в жизни правоверных мусульман. Данная формулировка присутствовала в паспортах, которые выдавались выезжающим за границу¹³³. Такие документы первоначально выдавали сроком на один год, затем период пребывания за границей был уменьшен в два раза. Но в конечном итоге, начиная с 1861 г. желающие выехать за рубеж получили право на беспрепятственный выезд. Но если такие люди принимали подданство Турции, они считались изменниками, и в случае возвращения их ждало судебное преследование. На особом учёте были офицеры, происходившие из кавказских

¹³¹ Кануков И. Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 84.

¹³² Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 12. Оп. 8. Д. 27. Л. 16.

¹³³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 215. Л. 9 об.

народов, которых исключали со службы и лишали права на содержание от казны¹³⁴.

Власти старались не препятствовать такому паломничеству, а потому почти всегда давали разрешение. В поисках компромисса А. И. Барятинский не запрещал желающим покидать Россию, тем более что формально они имели право на исполнение своих религиозных обрядов. Но, понимая, что фактически отправляющиеся совершить хадж обратно возвращаться не собираются, главнокомандующий старался, чтобы такие люди не уводили вслед за собой и своих соотечественников¹³⁵.

В отличие от своего начальника генерал Н. И. Евдокимов ратовал за выселение в Турцию всех желающих того горцев. Участник вооружённого противостояния, он считал, что такой шаг будет более гуманным и позволит без кровопролития избавиться от тех, кто не видел себя в качестве подданного русского императора. Генерал Н. И. Евдокимов был уверен в том, что «уменьшение вредного народонаселения избавит нас от многих хлопот... и принесло бы нам ещё существенную пользу»¹³⁶.

Для организации процесса переезда нужны были средства, которые генерал просил выделить ему из казны. В ответ на его ходатайство штаб Кавказской армии распорядился перечислить ему запрашиваемую сумму в размере «ста тысяч рублей на расходы по вспомоществованию горцам вверенной Вам области, переселяющимся в Турцию...»¹³⁷.

Чтобы и в дальнейшем не пришлось конфликтовать с эмигрантами, предполагалось заключить с турецким правительством договор о размещении мухаджиров вдали от российско-турецкой границы. В этом случае повода для столкновений они не давали, а, оказавшись в новых для себя условиях, изменили со временем образ жизни и избавились от своей воинственности.

¹³⁴ Ибрагимов З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. С. 367-368.

¹³⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (В дальнейшем АКАК). Тифлис, 1904. Т. 12. С. 52.

¹³⁶ Цит. по.: Белозеров В. С. Указ. соч. С. 37.

¹³⁷ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е годы XIX века): сборник архивных документов / Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т. Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 223.

Но вот, что сообщал в своей секретной записке к министру иностранных дел главнокомандующий Кавказской Армией: «Для умиротворения Кавказа необходимо было, в числе других мер, допустить облегчение в увольнении горцев в Мекку, особенно же с того времени, когда многочисленные племена, долго отстаивавшие свою независимость, начали добровольно нам покоряться. Между тем, как я предоставил горцам более свободы в увольнении за границу, произошло неожиданное движение в массах покорного нам населения в Прикубанском крае и в смежных к нему землях Ставропольской губернии. Турецкие эмиссары распространили на Кавказе молву, что государь император заключил с турецким султаном условие, по которому, для взаимного размена иноверческих подданных, дозволяется кавказским мусульманам переселиться в Турцию, а турецкоподданным христианам – в Россию; что Порта отводит землю и даже выдаёт большие денежные пособия переселенцам в Турцию.

Обольщённые этою молвою, видя вместе с тем, что многолетняя религиозная борьба на Кавказе приняла решительный оборот в пользу русского господства и считая священною обязанностью всякого истинного мусульманина воспользоваться случаем для перехода в подданство правоверного государя, сотни семейств устремились за море. Абазинцы и прикубанские ногайцы первые явились в большом числе просить об увольнении их в Турцию, под предлогом странствования в Мекку, а на самом деле с намерением навсегда переселиться с Кавказа; снаряжаясь в путь, они продавали своё имущество, часто за бесценок. Примеру их последовали некоторые из магометанских народов Ставропольской губернии, потом кабардинцы и чеченцы и, наконец, начинают поступать просьбы и от жителей Дагестана»¹³⁸.

Эта обширная цитата позволяет получить представление о растерянности властей, не ожидавших такой реакции. Документ датируется ноябрём 1859 г., т.е. временем, когда царская администрация ожидала увидеть успокоение края, а вместо этого наметился исход значительной части его населения. Попытки правительства пресекать такие настроения большим успехом не увенчались.

¹³⁸ АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 51.

Опасаясь международных осложнений, оно вынуждено было сдержанно реагировать на факты переезда и смену подданства¹³⁹.

В результате Российскую империю начали покидать не только выходцы с Кавказа, которых по неполным данным в конце 50-х - середине 60 – х гг. XIX в. эмигрировало с родных мест около 500 тыс. человек¹⁴⁰, но даже те мусульмане, которые жили далеко за пределами Кавказского региона.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди мухаджиров были ногайцы, которые уже весьма успешно инкорпорировались в хозяйственную систему империи. Это вызывало недоумение у части российских наблюдателей, сожалеющих об уходе вместе с горцами «мирных, трудолюбивых и полезных для государства ... ногайцах»¹⁴¹. Тем не менее, и они в массовом количестве стали покидать места традиционного проживания «под предлогом совершения хаджа»¹⁴², хотя вскоре и разочаровались в своём поступке¹⁴³. Причём уходили не только те, кто получил официальное разрешение, но и тайно примкнувшие к ним соплеменники, не желавшие расставаться с родственниками¹⁴⁴. Всего на чужбину отправилось 30 600 ногайцев, в основном калаусо-саблинских и бештаукумских¹⁴⁵, после чего огромное пространство земель (400 тыс. десятин) между реками Уруп и Кубань остались без населения¹⁴⁶.

Одним из факторов, спровоцировавших эмиграцию ставропольских ногайцев, была активизация политики губернских властей по переводу ногайцев на оседлый образ жизни, сопровождавшаяся изъятием их кочевий в пользу русских переселенцев-хлебопашцев¹⁴⁷.

¹³⁹ АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 52-53.

¹⁴⁰ Кабузан В. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. Петербург: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 94.

¹⁴¹ Бентковский И. В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Часть 1. Ставрополь: Тип. Губ. правления, 1883. С. 93.

¹⁴² Кипкеева З. Б. Указ. соч. С. 328.

¹⁴³ Джумагулова А. Т. Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII – 60-х гг. XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. С. 21-24.

¹⁴⁴ Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 94.

¹⁴⁵ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII в. М., 1963. С. 45.

¹⁴⁶ История народов Северного Кавказа: конец XVIII – 1917 г. / Под ред. А. Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1988. С. 205.

¹⁴⁷ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3758. Л. 53; Кипкеева З. Б. Указ. соч. С. 328; Бентковский И. В. Указ. соч. С. 107.

Переселение в Турцию большей части адыгских народов получило новый импульс в 1860 г. после начала реализации российскими властями наступательной политики, направленной «для водворения порядка среди новопокорившегося населения», что одновременно предполагало принятие некоторых крутых мер, шедших «вразрез вековым привычкам и нравам горцев, как, например, переселение на равнины большими селениями», а «предгорья же занимать казачьими станицами»¹⁴⁸.

Поскольку горские народы отказывались переселяться на плоскость под надзор казачьих станиц, власти вынуждены были прибегать к насильственным мерам. Российские войска планомерно вытесняли непокорных адыгов из их горных убежищ, и казачьи станицы продвигались от Кубани к Черноморскому побережью. Потеря прежних мест обитания и осознание невозможности перемены хода событий в свою пользу стали веским аргументом для горцев к переселению в Турцию¹⁴⁹.

Пик массового исхода адыгов в Османскую империю (в азиатскую её часть) пришелся на 1862-1864 гг. Но желание переселения в Турцию среди адыгов оставалось достаточно устойчивым даже спустя десятилетие после завершения активной фазы вооружённого противостояния на Северо-Западном Кавказе. Они подкрепляли своё намерение распродажей имущества и прекращением ведения полевых работ. Фактически это был ультиматум властям, которые в случае несогласия вынуждены были изыскивать средства на продовольствие для содержания этих людей до нового урожая¹⁵⁰.

Аналогичные процессы имели место в 1887, 1890, 1892 гг., причём прошения поступали не только от адыгов, но и от чеченцев¹⁵¹. Происходило это несмотря на то, что в крае уже появились репатрианты, имевшие печальный опыт проживания на чужбине. Например, в 60-е годы вернулись на прежнее место

¹⁴⁸ Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века. Сборник документов и материалов /Науч. ред. Туганов Р. У.; Сост.: Гугов Р. Х. и др.; Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 27, 156.

¹⁴⁹ Кипкеева З. Б. Указ. соч. С. 346-356.

¹⁵⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 382. Л. 2; ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 516. Л. 1, 3.

¹⁵¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1227. Л. 3 об., 153, 159.

часть чеченских эксмухаджиров, до этого перебравшихся в Порту¹⁵². Но, как отмечал в своём очерке, посвящённом чеченцам, Е. Д. Максимов, «разочарование переселившихся туда ранее нисколько не охлаждает пыла у современников, так как все неудачи в таких случаях всегда объясняются несчастным стечением обстоятельств»¹⁵³.

Надо отметить, что царские власти не прочь были избавиться от враждебно настроенного к нему населения, но одновременно всячески стремились удержать у себя лояльных подданных и нередко шли навстречу тем, кто стремился вернуться в Россию.

Такая ситуация позволяет согласиться с выводом Н. Ю. Силаева, что кавказское мухаджирство – это сложное явление, вызванное целым комплексом проблем и факторов, включавших политические, экономические, социальные и этнопсихологические причины¹⁵⁴. Не всегда основным побудительным мотивом эмиграции были военно-политические обстоятельства, важность которых следует признавать, но отнюдь не абсолютизировать.

Уже в 50-е годы горцы, продолжавшие оказывать вооружённое сопротивление царским войскам, в немалой степени связывали возможность сохранения своей независимости с поддержкой со стороны иностранных государств. В качестве покровителя традиционно выступала Оттоманская империя, а в рассматриваемый период к ней добавилась Великобритания, чьи эмиссары достаточно активно вели пропагандистскую работу в регионе. Но события Крымской войны показали всю тщетность таких надежд. Более того, ни имам Шамиль, ни адыги Северо-Западного Кавказа отнюдь не желали выполнять указания со стороны командования иностранных союзников, а потому наладить координацию действий так и не удалось.

¹⁵² Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 94.

¹⁵³ Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. Вып. III. Кн. II. С. 39.

¹⁵⁴ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 32.

После подписания Парижского мира 1856 г. стало очевидным, что Россия вытеснила всех своих геополитических конкурентов с Кавказа, и вопрос её доминирования здесь решится в ближайшие годы¹⁵⁵. Таким образом, успехи русского оружия закрепили присутствие Российской империи на Кавказе, вынуждая к пророссийской ориентации остававшихся там местных жителей. Для тех же, кто не смирился с произошедшими изменениями, усталость, страх, разочарование и истощенность сил стали аргументом для принятия рокового решения.

Мухаджирству также способствовал стратегический курс царской администрации на переселение значительной части горских жителей на равнины, где их легче было контролировать и втягивать в орбиту хозяйственно-экономических, административно-судебных и культурных процессов, которые переживал Северный Кавказ. Альтернатив этому было немного. Либо продолжать вооружённую борьбу, либо переселиться в Турцию.

В бесплодности первого варианта большинство местных жителей уже убедились, а второй вариант хоть и был неизведанным, но обещал перспективу проживания в исламском культурном окружении. Турецкие эмиссары рисовали радужную картину, которая ожидала бы их на новых землях. В ход шли не только меркантильные аргументы, но и обращение к религиозным чувствам людей¹⁵⁶.

Крепость кровно-семейных уз, характерных для народов Северного Кавказа, также сыграла свою роль в их эмиграционной устремленности за пределы Родины. Если в Турцию переезжал кто-то из близких, велик был шанс, что и остальные отправятся вслед за ним¹⁵⁷.

Для успешной агитации к эмиграции в Турцию привлекались даже высокопоставленные представители российской администрации из числа местных жителей. К таким лицам следует отнести генерала М.А. Кундухова, который, будучи в турецкой столице, «узнав там от мухаджиров о выгодном положении

¹⁵⁵ Дегоев В. В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. С. 356.

¹⁵⁶ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 222. Л. 1-2.

¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1277. Л. 4 об.

вообще всех кавказских переселенцев, отправился в полной генеральской форме к министру иностранных дел Али-паше, у которого встретил очень ласковый приём, подал ему на бумаге обнаруженную истину о положении всех кавказских горцев и об искреннем желании всех чеченцев переселиться в Турцию, прося им милостивого приёма и удобного помещения»¹⁵⁸.

Само турецкое правительство было кровно заинтересовано в таком переселении горцев Северного Кавказа. Это позволяло не только решить демографические проблемы пограничных районов Османской империи, но и заселить лояльным и полностью зависящим от него население наиболее беспокойные районы, прежде всего султанские владения на Балканском полуострове, население которого тяготилось режимом Стамбула¹⁵⁹.

Для представителей горской элиты аргументом в пользу переселения служили ещё и слухи о предстоящей крестьянской реформе в России. Особенно болезненно на это реагировали те общества, где имелась княжеская верхушка, опасавшаяся лишиться подвластных им сословий. Доходило до того, что они в ультимативной форме требовали от Кавказского наместника оградить их от каких бы то ни было изменений общественного устройства, и грозили в случае невыполнения уйти с подвластным населением в Турцию. Чтобы сколько-нибудь взять ситуацию под контроль, царская администрация вынуждена была угрожать применением силы, и лишь это заставило кабардинских феодалов отказаться от шантажа¹⁶⁰. Некоторых наиболее злостных подстрекателей пришлось временно изолировать в тюрьме, чтобы пресечь распространение вредных слухов¹⁶¹.

Если представители владельческой верхушки силой пытались заставить своих подвластных последовать за ними в Турцию, российская администрация брала таких людей под свою защиту. Давались пояснения о том, что феодалы не вправе решать, в какой стране жить их крестьянам. И если в пределах империи

¹⁵⁸ Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. С. 46.

¹⁵⁹ Кудаева С. Г., Хут Л. Р. Адыгские махаджиры на Балканах // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1991. Вып. VIII. С. 187-209.

¹⁶⁰ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России... С. 34.

¹⁶¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 364. Л. 10 об.

они имели определённые обязательства перед владельцами, то за границей могли действовать согласно своим желаниям.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, сложившуюся в результате конфликта с кабардинским князем Кургоко Куденетовым и кадием Джамурзой Варитловым. Они добивались возможности увезти всех своих подвластных, но получили ответ, что могут «взять с собой только тех из числа их холопов, кои пожелают за ними следовать. Тех же, которые не изъявят добровольного на это согласия, они не имеют никакого права принуждать к следованию за собой и им предоставляется продать их, если найдутся покупщики»¹⁶². Таким образом, по словам одного из царских чиновников, «бегство от господ в наши пределы давало им право на свободу, уход же в Турцию угрожал вечным рабством»¹⁶³.

На настроения местных кавказских жителей оказывала воздействие и непростая экономическая ситуация, в которой оказались те, кто подчинился требованиям российских властей переселиться на плоскость. Несмотря на то, что им открывались потенциальные возможности более успешно заниматься земледелием, результат был плачевным, т.к. приходилось осваивать и новый посевной календарь, и проходить акклиматизацию, и учиться новой технологии земледелия. Всё это не могло произойти в сжатые сроки, тем более что адаптация сочеталась с новыми тенденциями, связанными как с социально-психологическим давлением окружавшего инокультурного мира и соседства с казачьими станицами, так и со становлением товарного типа хозяйствования, чуждого менталитету горских жителей.

В таких условиях пришлось нелегко не только адыгам, но и карачаевцам и балкарцам¹⁶⁴, которые, хотя и остались в местах своего традиционного проживания, но также болезненно реагировали на происходящие трансформации.

¹⁶² Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч.2. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. С. 290-291.

¹⁶³ Цит. по: Чекменёв С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. Нальчик: «Эльбрус», 1994. С. 186.

¹⁶⁴ Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. С. 308-319.

Почти не участвуя в вооружённом противостоянии с российской властью, они, тем не менее, также устремились в Турцию, не сумев принять новых социально-экономических веяний¹⁶⁵.

Вероятно, от смены места жительства горцы ожидали не только улучшения своего материального положения, но восстановления или воссоздания привычного для них социокультурного существования. Для какой-то части мухаджиров это действительно стало неплохим шансом. Но большинство переселенцев ждало обнищание, невзгоды и разочарование¹⁶⁶.

Мухаджирству кабардинцев сильно способствовало стойкое недоверие, к русским вообще и царским чиновникам в особенности. Кабардинцы имели достаточный опыт общения с кавказской администрацией и оттого «...большинству во сне и наяву грезится Стамбул! Каждый из большинства или тайно, или явно имеет надежду на переселение в Турцию... Проявление недоверия, обнаруживающееся в самых мелочных местах»¹⁶⁷.

Это недоверие подняло с прежних мест проживания 442 семейства кабардинцев, что сильно озадачило кавказских чиновников (князь Г.Д. Орбелиани), которые опасались, что за выселенцами-пионерами может последовать вся Кабарда¹⁶⁸. В течение 1860-1862 гг. из Кабарды в пределы Османской империи выехало 941 семейство (10 343 чел.), прежде всего, «представителей феодальной верхушки со своими семьями, домашней прислугой и зависимыми крестьянами»¹⁶⁹.

На опустевшие территории, как уже было упомянуто выше, предполагалось поселить казаков¹⁷⁰ и прочих лояльных к правительству лиц. Речь шла, прежде всего, о территории Северо-Западного Кавказа. В «Высочайше утверждённом положении о заселении предгорий западной части Кавказского хребта

¹⁶⁵ Кипкеева З. Б. Карачаево-Балкарская диаспора в Турции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. С. 12, 21.

¹⁶⁶ Ибрагимов З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. С. 355-356.

¹⁶⁷ Грабовский Н. Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. III. С. 24-25.

¹⁶⁸ Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. С. 37.

¹⁶⁹ Белозеров В. С. Указ. соч. С. 37; ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 465. Л. 6.

¹⁷⁰ Белозеров В. С. Указ. соч. С. 40; Кабузан В. Указ. соч. С. 95; Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2007. С. 34.

кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. указано следующее: «Предгорья западной части Кавказского хребта занимаются казачьими станицами, с целью окончательного покорения горских племён, остающихся нам враждебными. <...> Число переселенцев от государственных крестьян и из служащих нижних чинов регулярных войск назначается примерно...»¹⁷¹.

Такой шаг властей был мотивирован тем, что угроза новой войны с европейскими государствами оставалась весьма вероятной. Отсутствие флота и невозможность эффективного пресечения контрабанды оружия приводили к тому, что добиться реального прекращения боевых действий в этой части региона было затруднительно, если не сказать, полностью неосуществимо¹⁷². Таким образом, неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура подталкивала царскую администрацию на радикальные меры по решению кавказского вопроса¹⁷³.

В этой связи весьма наглядным видится документ, касающийся переселения натухайцев, которым власти готовы были предоставить внушительные по местным меркам суммы для их скорейшего отъезда с Кавказа. В письме ген.-м. Заблудского от 20 сентября 1863 г. на имя начальника Натухайского округа говорилось следующее: «...по поручению командующего войсками, уведомляю Ваше превосходительство, что если высланных Вам 5 тыс. руб. будет недостаточно для удовлетворения натухайцев, желающих переселиться в Турцию и нуждающихся в пособии, то Вы можете обратиться к начальнику штаба Кубанского казачьего войска, согласно разрешения №1714 о высылке к Вам не пяти, а десяти тыс. руб., в случае же, если ассигнованных таким образом в Ваше распоряжение для перевозки морем в Турцию горцев 15 тыс. руб. будет всё-таки недостаточно по числу желающих переселиться, то не дожидаясь совершенного окончания расходов этих денег, прислать во вверенный мне штаб офицера для

¹⁷¹ ПСЗРИ II. СПб., 1865. Т. XXXVII. № 38256. С. 406-407.

¹⁷² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4729. Л. 11 об.

¹⁷³ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России... С. 38.

приёма ещё 10 тыс. рублей...»¹⁷⁴. Более того, в случае необходимости командование готово было выделить по 10 руб. серебром на каждую семью для приобретения всех необходимых в дороге вещей.

Учитывая, что горцы не всегда могли самостоятельно совершать покупки необходимого им продовольствия, власти стали практиковать выдачу им пособий в натуральной форме – в виде муки, крупы и билетов на суда. Закупалась ткань, которую раздавали нуждавшимся. Местные госпитали беспрепятственно оказывали медицинскую помощь заболевшим¹⁷⁵.

Массовость мухаджирства, которому так или иначе способствовали российские власти, получила такие масштабы, к которым кавказская администрация оказалась не готова. Этому также способствовало недоверие со стороны горцев к предпринимаемым российской стороной усилиям. Так, черкесы отказывались садиться на зафрахтованные для них пароходы. Это объясняли тем, что они якобы поплывут не в Стамбул, а в Новороссийск, а там горцев насильно заберут в солдаты и заставят сменить веру. Вместо этого они предпочитали перебираться на небольших турецких судах, капитаны которых думали не столько о безопасности пассажиров, сколько о прибыли.

Это привело к многочисленным жертвам среди мухаджиров. О них пишет в своих мемуарах А. Фонвиль: «Первые два дня всё обстояло благополучно; только к концу другого дня пришлось выбросить в море двух женщин и одного ребёнка, задавленных от тесноты в трюме. На третий день умерли ещё одна женщина и двое мужчин; на четвёртый пятнадцать человек, а на пятый – с самого раннего утра мы увидели уже берег. Мы изнемогали от усталости и недостатка в пище; около двух дней у нас уже истощился весь запас провизии. И если бы пришлось

¹⁷⁴ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е годы XIX века): сборник архивных документов / Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т. Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 222.

¹⁷⁵ Цыбульникова А. А. Некоторые особенности этномиграционной политики российских властей на Северо-Западном Кавказе в середине XIX // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VIII. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 19-20 ноября 2015 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 195.

ещё оставаться 48 часов в море, то более половины пассажиров, наверное, бы погибло, прежде чем мы прибыли бы в Трапезонд»¹⁷⁶.

Проблемы мухаджирам доставляла и природа. Шквальные ветры затрудняли судоходство, и на берегу собирались многочисленные массы народа. Так, под Новороссийском в ноябре 1864 г. скопилось не менее 15 тысяч человек, которые страдали от холода и отсутствия необходимого количества продовольствия. Власти не могли подсчитать число погибших, т.к. добраться до мест расположения мухаджиров не представлялось возможным. Пытаясь укрыться от непогоды, «горцы, более зажиточные, вырыли себе землянки»¹⁷⁷. Очевидно, что их менее состоятельные сородичи не могли себе позволить и этого. Но, как отмечал очевидец событий штабс-капитан Смекалов, «нужно удивляться их терпению и необыкновенному порядку. Несколько дней тому назад их было более 20 тыс., и ни одного происшествия»¹⁷⁸.

К массовому наплыву эмигрантов оказались не готовы и турецкие власти. Первое время они были довольны происходившими процессами, но в дальнейшем стали обращаться к российской стороне с просьбами приостановить поток мухаджиров¹⁷⁹.

Поверенный России в Константинополе Д.С. Новиков в письме к начальнику штаба Кавказской армии Карцову от 11 апреля 1864 г. сообщал о том, что «оставляя в полной силе предложение своё о перевозке в турецкие пределы кавказских горцев на военных турецких нагруженных судах и на пароходах нашей компании, здешний министр иностранных дел просит императорское правительство соизволить на некоторую отсрочку переселяющимся в Турцию горцам, дабы они могли захватить с собой скот, хозяйственную рухлядь и вообще удобоперевозимое имущество»¹⁸⁰.

¹⁷⁶Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 г. Из записок участника-иностранца. Б. м. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1990. С. 38-39.

¹⁷⁷Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874) Ч.2. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. С. 266.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1277. Л. 1 об.

¹⁸⁰ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е годы XIX века): сборник архивных документов / Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т. Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 267.

Но, как отмечал автор послания, турки и сами понимали трудность выполнения такой просьбы. Д.С. Новиков сделал следующую приписку: «Я сейчас возвратился от Турецкого министра иностранных дел. Али-Паша сознаёт, что просимая им отсрочка едва ли может иметь применение, так как, по дошедшим до него сведениям, черкесы почти все оставили свои жилища в горах и собираются массами на восточном берегу»¹⁸¹.

Горцев размещали во временных лагерях, где царили голод и антисанитария. По сведениям, приводимым Я. Абрамовым, черкесы «высаживаясь на турецкий берег, не встречали ни материальной помощи, ни указаний куда идти и где поселиться. Большею частью они становились лагерем на том самом месте, где высаживались, и здесь бедствовали несколько лет»¹⁸². Смертность в таких лагерях достигала от 7 до 60 человек в день.

Но даже когда временные лагеря были ликвидированы, ситуация для мухаджиров оставалась невероятно трудной. Они «были размещены по разным частям Турции, преимущественно на Балканском полуострове, но в то же время были поставлены в самые ненормальные условия; они не получали ни определённых участков для жительства, ни каких-либо ресурсов для поддержания своего существования. Озлившиеся от целого ряда бедствий, одичавшие, изголодавшиеся, они волею – неволею должны были вести постоянную войну с местными жителями, сделаться отчаянными разбойниками, чтобы как-нибудь существовать»¹⁸³. Таким образом, спасаясь от войны на Кавказе, переселенцы оказались втянуты в новое вооружённое противоборство, теперь уже на территории Османской Порты.

Переселение кавказских жителей за пределы региона имели различные последствия. Например, поощряя переселение чеченцев, российские власти решали проблему аграрного перенаселения на Тереке и Сунже. В этой связи

¹⁸¹ Указ. соч. С. 268.

¹⁸² Абрамов Я. Кавказские горцы. Б. м. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1990. С. 8.

¹⁸³ Абрамов Я. Указ. соч. С. 9.

старались не удерживать от переезда население Малой Чечни и карабулаков¹⁸⁴. Столкнувшись с продолжающимися вооружёнными эксцессами, представители царской администрации предпочли избавляться от беспокойных подданных за счёт эмиграции. С таким планом выступил Начальник Терской области М. Т. Лорис-Меликов, который весной 1864 г. согласовал свои действия с главнокомандующим и императором¹⁸⁵.

В отличие от Северо-Западного Кавказа, в других частях Северного Кавказа предполагалось численно ограничить движение мухаджиров и удержать большинство чеченцев на терско-сунженской плоскости. Для этого билеты, разрешающие покидать Российскую империю, выдавались лишь лицам, выразившим добровольное согласие на переезд. В то же время администрация пресекала попытки принять участие в мухаджирстве назрановских ингушей, чеченцев из Надтеречного наибства и Ичкеринского округа.

Часть чеченцев предполагалось разместить на Кубани. Но очень скоро среди них поползли слухи о тех трудностях, с которыми столкнулись согласившиеся на такой шаг. Поэтому часть вайнахов отправилась в Турецкую Армению, рассчитывая там получить участок земли¹⁸⁶.

М. Т. Лорис-Меликов в письме к великому князю Михаилу Николаевичу отмечал, что в массовом выселении чеченцев кроется опасность «усилить Турцию приливом свежего населения и мнение, что чеченцы при гуманном обращении» станут верными подданными Российской державы¹⁸⁷.

Такие взгляды на происходившие на Северном Кавказе процессы, свидетельствовали о том, что в различных кругах кавказской администрации не было единодушия и полного согласия. Эта неоднозначность отражалась на страницах популярных тогда журналов, таких, как, например, «Вестник Европы». Один из его авторов писал: «Значительная часть Кавказа ещё находится в том

¹⁸⁴ История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. I. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С. 721.

¹⁸⁵ Итенберг И. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 24.

¹⁸⁶ Ибрагимова З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. С. 360.

¹⁸⁷ Из записки М. Т. Лорис-Меликова великому князю Михаилу Николаевичу // Русская старина. 1889. № 9. С. 418.

положении относительно России, в которое только что вступили наши туркестанские области. Мусульманское население Кавказа должно ещё убеждаться... что перемена, произошедшая с ними при покорении русским оружием, заключается не в смене одной силы другою, но в благодетельной замене произвола, хотя и туземного, гарантиями закона, хотя он и русский, то есть ещё непривычный или совсем чуждый. <...> Покорили мы Кавказ – с Кавказа стали выселяться горцы десятками тысяч семейств. <...> Неужели мы такой народ, что с нами инородцу, иноверцу никак и ужиться нельзя, коль скоро мы над ними власть имеем, а не он преобладает над нами? Вовсе нет; мы знаем, что в частном быту всякие иноверцы и инородцы очень хорошо уживаются с нами»¹⁸⁸.

Таким образом, можно сказать, что ни власть, ни общество не абсолютизировали практику переселения «нелояльных» подданных в Турцию и видели в этом вынужденную меру, спровоцированную совокупностью разнородных факторов.

Вместе с тем, передоверив работу с потенциальными мухаджирами недостаточно лояльным или искусно скрывавшим до времени свою нелюбовь к России лицам, таким как Муса Кундухов, власти совершили серьёзный просчёт. Этот алдар имел собственные, весьма амбициозные планы. Он собирался стать во главе всех переселенцев с Северного Кавказа и рассчитывал в этом на поддержку султана. Если русское правительство ожидало, что мухаджиров разместят подальше от границ империи, то М. Кундухов напротив – постарался поселить их в приграничном Ванском пашалыке. В конечном итоге он шёл на откровенный шантаж российских властей и грозил сорвать процесс эмиграции, если в его действия будут вмешиваться.

Проводя агитацию среди горцев, М. Кундухов особое внимание уделял работе с представителями горской элиты. Зная, какое большое значение имеет их мнение в глазах простых общинников, он обещал таким людям сохранение их

¹⁸⁸ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1876. Кн. 10. С. 809-810.

привилегированного положения, быстрый карьерный рост на службе у султана, налоговые преференции¹⁸⁹.

Он получил от царской администрации премиальный фонд в размере 10 тыс. рублей, из которого тайно осуществлял подкуп горских авторитетных людей, которые должны были возглавить группы мухаджиров, увлечь простолюдинов собственным примером. Любопытно, что такие «поводыри» получали гарантии того, что могут в течение года вернуться обратно на Кавказ, если их не устроит жизнь в Турции. Те люди, которых они уводили на чужбину, таких льгот не имели.

Проводя агитацию среди чеченцев, М. Кундухов заявлял, что получил личное разрешение от султана вывести их семьи на территорию его владений, используя не морской, а сухопутный маршрут. Там они якобы получают полную независимость, а те, кто не примет его приглашения, уйти уже не смогут, т.к. русские перекроют границы. Это привело к тому, что люди стали спешно по бросовым ценам избавляться от своего имущества и готовиться к долгому пути¹⁹⁰.

Среди помощников М. Кундухова числился Садулла Османов. Это был бывший наиб имама Шамиля, который затем перешёл на службу царской власти. Теперь уже от её имени он сделался наибом Малой Чечни. За свою деятельность он получил от правительства 550 десятин земли. Он был на хорошем счету у начальства, а потому возникло желание привлечь его к выполнению столь щепетильного поручения, как агитация в пользу мухаджирства.

Принимая активное участие в организации переселения, Османов распускал слухи о том, что чеченская молодёжь будет отдана в солдаты, а все жители без исключения обращены в христианство. Ещё одной угрозой, которую использовал в пропагандистских целях наиб, было заявление о том, что у чеченцев заберут землю, и они станут батраками. Кавказская администрация вынуждена была опровергать такие заявления, т.к. опасалась, что они спровоцируют вооружённое выступление. Предполагалось, что Садула Османов лично возглавит одну их

¹⁸⁹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 29. Л. 46.

¹⁹⁰ Ибрагимова З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. С. 371.

групп переселенцев и собственным примером убедит остальных последовать за ними. За это наibu в случае успеха было обещано денежное вознаграждение¹⁹¹.

Каждая партия чеченцев-мухаджиров до границы сопровождалась офицером, как правило, из числа местных уроженцев. На эту роль старались подбирать людей, доказавших свою преданность властям. Так, в пункте пятом «Правил о порядке следования в Турцию туземцев Левого крыла, при отправлении их сухопутно через Закавказский край» говорилось следующее: «Для сопровождения каждой партии от места жительства до пограничных пунктов, назначать по одному благонадёжному офицеру из туземцев, преимущественно знающих русский язык, на обязанности которых должен быть надзор за порядком в партиях во время пути и на месте, и содействие в необходимых случаях, чрез местные власти, к безостановочному следованию партий»¹⁹².

Для каждой семьи был установлен лимит по транспорту. Он ограничивался двумя повозками, на которых можно было перевозить имущество либо пассажиров. Мухаджиры перегоняли и свои стада. В каждой партии могло быть не более двухсот голов волов, а всё, что было свыше, следовало продать. Горцам разрешили сохранить своё оружие. Шашки и кинжалы можно было носить открыто, а ружья нужно было спрятать в арбах. Учитывая сжатые сроки подготовки к дальнему пути, продать за приемлемую цену землю и личное имущество удавалось далеко не всегда. Это приводило к разорению отдельных семей, затрудняло возможность быстро встать на ноги на новом месте. Трагизм ситуации заключался ещё и в том, что, когда некоторые из мухаджиров решили вернуться обратно, они уже не могли претендовать на свой бывший надел.

На границе переселенцев встречали представители турецкой администрации. С ними заранее согласовывалось место и время передачи мухаджиров. Для этого привлекались российские дипломаты. Как правило, в документах фигурируют Баязет, Карс и Ардаган.

¹⁹¹ Цит. по: Ибрагимова З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. С. 374.

¹⁹² АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 1192.

В течение мая-сентября 1865 г. из Чечни было организовано 28 партий переселенцев. Отмечалось, что этот процесс прошёл очень собранно, не было зафиксировано ни одного случая правонарушений по вине мухаджиров. К сожалению, узнать, были ли потери среди самих переселенцев, мы не можем, т.к. официальная статистика об этом умалчивает. По мнению З.Х. Ибрагимовой, лица, задействованные в организации данного процесса, оказались замешаны в коррупции и присвоили себе часть денег, выделенных на нужды эмигрантов¹⁹³. В дальнейшем численность чеченцев - мухаджиров уменьшилась, а в феврале 1867 г. власти вообще запретили переселение.

Мухаджирство в Турцию из Дагестана не приобрело большой массовости. Здесь число мухаджиров оценивается в 20 – 25 тыс. человек. В немалой степени это было результатом шагов российской администрации, которая всячески препятствовала эмиграции местных народов¹⁹⁴.

Следует обратить внимание на тот факт, что способы переезда в Турцию для населения Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа были выбраны разные. Адыги попадали в Порту преимущественно морским путём, а чеченцы шли, как уже отмечалось выше, сухопутным путём. Последний вариант власти считали менее предпочтительным.

Объяснение такой практики мы находим в письме начальника Терской области от 28 января 1874 г., в котором говорилось следующее: «Ещё при переселении в 1862 году горцев Кубанской области в Турцию им было строго воспрещено следовать через сухопутную границу на Закавказский край, так как независимо от тех затруднений, которые при следовании горцев порождались на Военно-Грузинской дороге, переселенцы производили неблагоприятное впечатление на массу горцев, населяющих земли, через которые они проходили, подстрекая их во время дневок и ночлегов к уходу в Турцию... К этому признаю необходимым присовокупить, что движение на сухопутную границу горцев,

¹⁹³ Ибрагимова З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. С. 376.

¹⁹⁴ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. С. 269.

заселяющих местности, более отдалённые от моря, весьма облегчает им уход, так как в таком случае они обыкновенно берут с собою в значительном количестве не только домашний скот и лошадей, но и домашнюю утварь, что, конечно, становится для них невозможным при движении морем»¹⁹⁵.

Царские власти рассчитывали, что невозможность вывезти своё имущество станет одним из аргументов в пользу приостановки процесса исхода горцев за пределы империи. Кроме того, поток переселенцев приводил к затруднению в использовании Военно-Грузинской дороги, остававшейся главной магистралью, связывавшей Закавказский провинции с остальной частью государства. Возможность заниматься торговлей была практически парализована.

Оказавшись в безысходном положении в Турции, немало мухаджиров вынуждено было пойти на военную службу в армию султана. Обращает на себя внимание тот факт, что в ходе начавшейся войны России и Турции на Балканах в 1877-1878 гг. горцам «отводилась самая неблагоприятная роль» – они вынуждены были служить карателями в борьбе с местным христианским населением, которое выступало против официальных турецких властей¹⁹⁶.

В конце 80-х гг. вновь принимается решение о разрешении горцам изменить подданство и уехать в Турцию. Новый Командующий войсками Кавказского военного округа князь А. М. Дондуков-Корсаков выступил с такой инициативой, мотивируя своё предложение тем, что эти люди так и не смогли адаптироваться к российским порядкам, став источником напряжённости в регионе. Решение это было небесспорно, что понимал и сам Александр Михайлович. Опустевшие после переселения горцев на равнины земли очень медленно заселялись новыми жителями, которые не знали специфики местного сельскохозяйственного календаря¹⁹⁷.

¹⁹⁵ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е годы XIX века): сборник архивных документов / Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т. Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 450-451.

¹⁹⁶ Кушхабиев А. В. К истории расселения черкесов на территории Сирии и Иордании // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. Нальчик: «Эльбрус», 1994. С. 235.

¹⁹⁷ Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехи (Историко-этнографический очерк) // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Тифлис, 1902. Кн. XXII. Вып. 4. С. 17.

Горцы, не принимавшие до времени в мухаджирском движении, вполне успешно занимались сельским хозяйством, относительно исправно платили налоги и в следующем поколении вполне могли стать лояльными подданными. Ведь вопреки политизированным заявлениям о том, что, например, черкесов разместили в непригодных для жизни местах, они получили удобные для занятия сельским хозяйством плодородные равнинные территории¹⁹⁸. Проблема состояла в том, что царская администрация по-прежнему не доверяла им и предпочла не ждать, когда их адаптация завершится в полной мере, поспешила избавиться от лиц, которых считала проблемными.

По линии Министерства иностранных дел начались переговоры с турецкой стороной, которая определила квоту мухаджиров в 14 тыс. человек. Турки на этот раз были крайне осторожны, т.к. опасались новой неконтролируемой волны эмиграции. Столкнувшись с тем, что северокавказские мухаджиры, находясь в отчаянном положении, нередко прибегали к криминальным способам добычи себе средств существования, они готовы были взять лишь то число переселенцев, которое реально могли содержать в первое время за счёт своей казны.

Основная масса мухаджиров покинула Кавказ к 1892 г., завершив, таким образом, период массового исхода горского населения с территории своего традиционного проживания¹⁹⁹. В дальнейшем такого переселения царские власти не допускали, да и сами жители Северного Кавказа утратили иллюзии о «турецком рае»²⁰⁰.

Однако призывы к переселению продолжались даже в начале XX в., т.к. мероприятия, проводимые царской администрацией в крае по-прежнему не внушали доверия горцам, по-прежнему они опасались за своё будущее и по-прежнему находились те, кто ещё питал иллюзии относительно безопасной и безбедной жизни в Турции²⁰¹. Но полученный исторический урок оказал сильное

¹⁹⁸ Аутлев П. У. Об основной причине махаджирства адыгов в XIX веке // Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп, 1991. С. 232.

¹⁹⁹ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России... С. 45.

²⁰⁰ Цит. по: Бэрзедж Н. Изгнания черкесов (Причины и последствия) / Перевод Н. Хуажева, М. Губжиков. Майкоп, 1996. С. 168.

²⁰¹ Северный Кавказ // Русские ведомости. 1902. 28 ноября. № 336.

воздействие на сознание горцев, убедив остававшихся в пределах Российской империи не искать счастья на чужбине.

Реакцией на последовавшие невзгоды мухаджиров стало стремление к реэмиграции. Это вызывалось тем обстоятельством, что вселение мигрантов-мухаджиров на новые для них территории было связано с целым набором демографических, социально-культурных и экономических изменений. Мухаджиры прибыли на новые для них земли, обладая опытом и знаниями, приобретенными в районах прежнего проживания, имея там разветвленные родственные и имущественные связи, которых на новом месте они были лишены и многое из этого надо приобретать заново. Кроме того, или, во-первых, главной задачей в районах вселения для них являлось пройти стадию приживаемости. «Приживаемость новоселов – это антипод интенсификации миграционной подвижности населения. Это третья, так называемая заключительная стадия миграционного процесса»²⁰². Как отметил Е.М. Кокорев, «приживаемость – объективный социальный процесс изменения сложившегося образа жизни посредством совершенствования новой социальной среды через социальную деятельность, формирующую потребности, отвечающие целям гармоничного развития»²⁰³.

Гармонии для мухаджиров в Османской Турции не получилось. В своем большинстве мухаджиры (особенно те, кто эмигрировал в Турцию без своих кланов или владельцев) попадали в столь тяжелые условия существования, оставались без поддержки и какой-либо помощи, что причины, которые вынудили их к миграции, переставали казаться неприемлемыми. Их настроение резко переменялось.

Например, чеченцы - мухаджиры в 1865 г. писали в своём обращении к Кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу: «Мы гораздо

²⁰² Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов). – М.: Наука, 2001. 114 с. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2z4.html> (дата обращения: 27.07.2017).

²⁰³ Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан. 1976. С. 69.

охотнее пойдём в Сибирь, чем будем жить в здешней Сибири»²⁰⁴. Они хотели вернуться на родину и обещали приложить все усилия, чтобы предостеречь своих земляков от опрометчивого шага. В результате в начале 70-х гг. на Кавказ вновь перебралось 5857 чеченцев, а по завершении войны с Турцией 1877-1878 гг. их число ещё больше возросло²⁰⁵.

Известны случаи, когда против мухаджиров, пожелавших вернуться на родину, турки применяли войска. Так, в ноябре 1865 г. по вышедшим к российской границе чеченцам открыла огонь османская артиллерия, которая заставила их отойти обратно. Столь жёсткая реакция со стороны Стамбула вполне понятна. Значительная часть прибывших к ним горцев Северного Кавказа быстро разобралась с той ловушкой, в которой они оказались, и возвращение их на родину могло приобрести столь же массовый характер, как до этого стремление перебраться во владения султана. Примечательно, что около 20 тыс. кабардинцев и чеченцев, которые в течение 1863-1864 гг. покинули свою землю, вернулись обратно²⁰⁶.

Обратно потянулись и представители других народов Северного Кавказа. По данным на 1861 г. из 10045 человек, проживавших до переезда в султанскую Порту в Терской и Кубанской областях, возвратилось 7149 мухаджиров-репатриантов. В 1863 г. в Ставропольскую губернию вернулись 893 ногайца, которых разместили в Пятигорском уезде²⁰⁷.

Справедливости ради надо отметить, что и царское правительство неохотно позволяло репатриантам пересекать свои границы. Лишившиеся имущества, они могли стать не только экономической, но и политической проблемой. Отчаявшиеся люди, которым больше нечего было терять, могли взяться за оружие, чего власти допустить опасались и не хотели. Чтобы преодолеть

²⁰⁴ Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г. Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г. Н. Колбая. М.: Изд-во НОРМА, 1998. С. 88-89.

²⁰⁵ Там же. С. 88.

²⁰⁶ Ибрагимов З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. С. 382.

²⁰⁷ Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Изд-во «Алашара», 1982. С. 235.

преграды на пути домой, мухаджиры-репатрианты вынуждены были пользоваться услугами контрабандистов, подкупать чиновников, отдавая им последние сбережения²⁰⁸.

Российская администрация долго не могла определиться в своём отношении к процессам мухаджирства. С одной стороны – страна лишалась подданных, которые через некоторое время могли адаптироваться к порядкам империи и своим трудом обеспечивать её благосостояние. С другой – существовала серьёзная опасность продолжения вооружённого противоборства, и в этом случае пришлось бы силой усмирять непокорных, идя на новые человеческие жертвы и материальные затраты.

Установить точную численность горцев, покинувших Северный Кавказ затруднительно. Объясняется это тем, что официальная статистика не учитывала тех, кто старался перебраться в Турцию втайне от властей. По приблизительным данным только адыгов - мухаджиров было не менее полумиллиона человек²⁰⁹. Если добавить сюда горцев из других регионов Кавказа, то численность эмигрантов к середине 60-х гг. XIX в. возрастёт до 700 тыс. человек²¹⁰. В целом же разными авторами и источниками заявляются цифры от 0,5 млн. чел. – до 3,5 млн. человек²¹¹.

С другой стороны, исход горского населения подтверждается одновременным приростом славяно-русского населения, который за весьма непродолжительное время переменял этнографическую карту северокавказского региона. В 1867 г. более половины славяно-русского населения (54%) разместились на территориях Кубанской и Терской областях. Удельный вес славяно-русского населения увеличился в Кубанской области с 12,9 до 33,6%, а в Терской области – с 21,3 до 38,4%²¹².

²⁰⁸ ЦГА РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 27. Л. 9.

²⁰⁹ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России... С. 190; Русские в Евразии XVII – XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. Тула: Гриф и К, 2008. С. 293.

²¹⁰ Кабузан В. Указ. соч. С. 92.

²¹¹ Магомеддадаев А. М. К истории эмиграции дагестанцев в Османскую империю // Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – нач. XX в.). Сборник статей. Махачкала, 2000. С. 68.

²¹² Кабузан В. М. Указ. соч. С. 99.

Как отмечает В. С. Белозеров, «главной особенностью динамики этнической структуры населения Северного Кавказа в этот период являлась её «славянизация». <...> особенностью демографического развития района стали существенные этнические различия показателей воспроизводства населения славянских и северокавказских народов»²¹³.

Таким образом, исход части горского населения с территории Северного Кавказа за пределы Российской империи стал итогом вооружённого противостояния первой половины XIX столетия. Выселение горцев Северного Кавказа в Турцию было эмиграцией, носившей особую форму – мухаджирство – переселение мусульман в мусульманскую страну из-за нежелания жить на положении религиозного меньшинства в условиях, предлагавшихся Российской империей.

Эмиграция горских народов в Турцию привела к обезлюдиванию целых районов Северо-Западного Кавказа, что, в свою очередь, открыло условия для полноформатной колонизации этого региона выходцами из России и сопредельных или отдаленных стран, которых имперские власти привлекали в целях скорейшего закрепления за собой новоприобретенных территорий.

Причинами эмиграции горцев Северного Кавказа стала совокупность факторов, разная для разных групп выселенцев, но все они способствовали тому, что решившиеся на переселение в Турцию, не принимали новых условий существования в рамках Российской империи.

Эмиграция горцев в Турцию носила волновой характер и усиливалась по мере затухания Кавказской войны, завершившейся победой России. Сами российские власти были заинтересованы, в той или иной мере, избавиться от остававшейся непримиримой к ним части горского населения, не только не препятствовали их эмиграции, но старались придать ей организованный характер.

Недоверие к российским властям порождало в горской среде фантасмагорические слухи, подталкивавшие людей к отъезду. Кроме того, не

²¹³ Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. С. 50.

только действия российской стороны, но и агитация османских и британских эмиссаров провоцировали мухаджирство.

Первоначально эмиграция горцев носила скрытный характер, как право на совершение хаджа в Мекку. Затем основанием к ней стали политические, экономические и социально-культурные нововведения, пришедшие в регион вместе с укреплением позиций Российского государства. Большая часть горских жителей посчитала их неприемлемыми для себя и для своего будущего, поскольку адаптация к нововведениям требовала многих усилий, выходящих за рамки прежнего их традиционного существования.

В результате переселения в Турцию особенно большие демографические, материальные и социально-культурные потери понесли адыги. Традиционно связанные с османами культурно-экономическими контактами и семейными (через гаремы) узами, они ожидали от мухаджирства улучшения своего статуса на новом месте проживания. Однако реальность оказалась далека от таких ожиданий. Принявшее обвальное характер переселение стало причиной гибели многих мухаджиров от болезней, голода и лишений. Турецкое правительство не сумело выполнить свои обещания, и те земли, которые были выделены для выходцев с Кавказа, зачастую оказывались малопригодными для жизни. Многие из переселенцев утратили со временем своё этническое самосознание и ассимилировались на чужбине²¹⁴.

Реакцией на последовавшие невзгоды мухаджиров в Турции стало стремление части из них к возвращению в родные места. Эмиграция не только не избавила мухаджиров от проблем, но добавила много новых, вынудив их почувствовать всю пагубность сделанного ими выбора.

Те из горских народов, кто остался на земле предков, постепенно с большей или меньшей степенью успешности адаптировались к новым условиям существования, получив новые возможности к развитию, сопоставимые с теми, какие имели и другие подданные Российской империи.

²¹⁴ Магомеддаев А. М. К истории эмиграции дагестанцев в Османскую империю // Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – нач. XX в.). Сборник статей. Махачкала, 2000. С. 75.

Народы Северо-Восточного и Центрального Кавказа были втянуты в эмиграционные процессы в меньшей степени. Но и они лишились части своих соотечественников, что стало подлинной трагедией этих народов, сильно сократило их численность в регионе традиционного проживания.

1.3. Переселение автохтонных народов в границах Кавказского края после завершения военных действий

Переселение или миграция как пространственное движение населения, его направленность, состав, а также социальные, экономические и демографические последствия существенно различаются в разные исторические эпохи для различных территорий.

По мнению демографов, «миграция населения воздействует на общественное развитие посредством осуществления своих функций, под которыми понимаются «те конкретные роли, которые играют миграции населения в жизнедеятельности общества»²¹⁵.

С точки зрения Л.Л. Рыбаковского, «выполняя перераспределительную функцию, миграция увеличивает или уменьшает численность населения отдельных территорий», а в силу того, что «мигранты участвуют в воспроизводственных процессах, значение миграции в изменении численности населения той или иной местности всегда больше, чем доля мигрантов в составе населения этой местности»²¹⁶.

Следующая функция миграции – отбор, или селекция, сущность которой состоит в том, что «неравномерное участие в миграции различных социально-

²¹⁵ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2z4.html/> (дата обращения: 27.07.2017).

²¹⁶ Там же.

демографических групп ведет к изменению качественного состава населения разных территорий»²¹⁷, территорий вселения и выселения, сопричастными к процессам миграции.

Третья функция миграции заключается (по мнению Т. И. Заславской) в ускорении большинства общественных изменений. «Территориальные перемещения способствуют изменению социально-психологических характеристик людей, расширению их кругозора, накоплению знаний о различных областях жизни, обмену трудовыми навыками и производственным опытом, развитию личности, ... интеграции национальных культур»²¹⁸.

Кроме того, выявляется набор политических, экономических, природных и др. факторов, определяющих протекание переселенчества в данном регионе и в данное время. В результате осуществления миграций в пределах северокавказского региона 60-90-х гг. XIX века определилось несколько типов миграционных проблем, которые находили или не находили своего разрешения и порождали, как следствие, новые проблемы, определявшиеся местом, временем и существовавшим набором социально-политических, социально-культурных и экономических противоречий.

Массовый исход автохтонного населения с территории Северного Кавказа, отнюдь не означал, что это в этом процесс приняли участие абсолютно все жители региона. Часть из них продолжала проживать на прежних местах, но некоторые общества были перемещены в пределах края либо по воле имперской администрации, либо по их собственному желанию²¹⁹.

Делалось это из соображений как политической целесообразности, так и экономической заинтересованности. Царская администрация стремилась надёжно контролировать своих новых подданных, которые, находясь на плоскости, были бы уязвимы в случае вооружённого сопротивления, с другой стороны, им надо

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56-66.

²¹⁹ Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. С. 40.

было создавать приемлемые условия для социально-экономического развития в рамках имперской системы.

В свою очередь горцы испытывали сильнейший дефицит земли, пригодной для занятия хлебопашеством. Эта проблема с каждым годом становилась всё более актуальной, и разрешить её можно было, лишь осваивая плодородные равнинные территории. В этом интересы царской власти и горцев совпадали. Фактически усилиями российского правительства началось новое комплексное решение земельной проблемы²²⁰.

Как уже отмечалось ранее, этническая карта региона претерпела существенные изменения. Со второй половины 60-х гг. XIX века этнически гомогенные районы стали сосуществовать с «чересполосной, анклавной поселенческой композицией»²²¹. Эта «комбинированная, мозаичная композиция края» в 70-90-х гг. существенно снижала угрозу его фрагментации на отдельные этнокультурные области. При этом этническая мозаичность Кавказа была не только следствием результатов военного противостояния в крае, но также подталкивалась его последующим экономическим развитием²²². В совокупности факторов это не могло не отразиться на сложившейся социально-экономической и социально-культурной ситуации.

Одновременно следует также отметить, что организацию процесса переселения горских народов на плоскость и наделение их необходимыми земельными участками, трудно было назвать оптимальной. Властями были допущены серьёзные ошибки, которые создавали преграды на пути благоприятного и бесконфликтного развития этого процесса.

Пожалуй, наиболее существенным недочётом было то, что в ходе аграрной реформы 60-х-70-х гг. XIX в. на Кавказе не предполагалось создавать резервный земельный фонд. Все площади были распределены между уже имеющимися на равнине поселениями, между тем как выходцы с горных районов нередко

²²⁰ Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб: Петербургское Востоковедение, 2011. С. 41.

²²¹ Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2007. С. 39.

²²² Там же.

стремились основывать в новых местах расселения собственные аулы. Кроме того, новые жители оказались лишены возможности получения собственного участка при подселении их в существующие общества. Производимое внутреннее перераспределение земли приводило к уменьшению надела отдельной семьи, ставило её на грань выживания.

Ситуация осложнялась ещё и тем, что стоимость земли на равнине постоянно возрастала, а потому она сделалась недоступной для большинства небогатых жителей горных районов. Распространение имперской системы судопроизводства, которая должна была фиксировать акт купли-продажи участка, также «отягощала карман» горца, который к тому же не обладал необходимыми знаниями в области права и должен был прибегать к услугам профессиональных юристов²²³.

Каждый из районов Северного Кавказа обладал собственной спецификой, связанной с перемещениями населения с одного места проживания на другое. Хорошо известно, что самой многочисленной группой мухаджиров были адыги Северо-Западного Кавказа, которые в своем большинстве эмигрировали в Османскую империю. По данным, приводимым В.С. Белозёровым, «из 505 520 горцев Кубанской области к началу XX века на месте оставалось всего 86 798 человек. Многим из них все равно пришлось переселяться... в пределах Северного Кавказа – чаще всего с гор на плоскость, но путь на Черноморское побережье им был заказан: в конце 1864 г. там было основано 111 новых казачьих станиц, в которых поселилось 142 333 семейства. ...Оставшихся адыгов решено было вытеснить с гор на плоскость, для чего отводилось более 1 млн. десятин»²²⁴.

Оставшиеся на Кавказе общества были расселены в Прикубанье на территории Майкопского, Екатеринодарского и Баталпашинского уездов. Так, в Екатеринодарском уезде они были сосредоточены преимущественно в его южных районах. В Майкопском их поселения расположились на берегах рек Белой и Лабы и на их притоках. Что касается Баталпашинского уезда, то здесь новым

²²³ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 60.

²²⁴ Белозеров В. С. Указ. соч. С. 39-40.

местом проживания адыгов были обозначены земли в верховьях и среднем течении Кубани, а также по рекам Уруп и Большой и Малый Зеленчуки²²⁵.

Видимо предполагалось разместить на равнине гораздо больше адыгов, а потому планировали земельную норму душевого надела в 5,5 десятины на одного мужчину. Власти явно не ожидали того массового исхода адыгов, с которым они столкнулись. Но в результате переезда в Турцию и появлению резерва наделов, оставшееся население стало получать до 14 десятин земли. По решению кавказского руководства было признано «возможным увеличить противу вышеприведённой нормы размер душевого надела..., а также наделить землёю всех крестьян, состоявших в крепостной зависимости у князей, узденей и других лиц свободного происхождения...»²²⁶.

В исследовательской литературе нет однозначной оценки количеству адыгских народов, которые покинули родные земли. Что касается оставшегося населения, то благодаря проводившейся царской администрации подсчётам, мы можем говорить о наличии 75 тыс. человек, которые проживали в Кубанской области в 1867 году²²⁷.

В результате произошедших изменений, бывшие этнические различия в адыгской среде стали постепенно стираться. Объясняется это увеличением плотности коммуникаций, возникшей между ними. На смену субэтническим образованиям приходила адыгейская народность с доминирующим бжедугским диалектом.

Последнее не случайно. Бжедуги были наиболее тесно связаны с российскими поселениями и уже в первой половине XIX в. сумели наладить с ними тесные, взаимовыгодные отношения. Поэтому они меньше остальных адыгов приняли участие в процессе переселения в Турцию и в итоге оказались доминирующим, в том числе в культурном отношении, большинством. По

²²⁵ Матвеев О. В., Ракачёв В. Н., Ракачёв Д. Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. С. 42.

²²⁶ Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племён Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Т. II. С. 67.

²²⁷ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 665. Л. 1.

данным на 1870 г. в 6 селениях Майкопского и 27 селениях Екатеринодарского уездов бжедуги составляли от 70 до 100 % населения²²⁸.

Как отмечал один из путешественников, который в 1860 г. побывал на Кубани: «Бжедуги по-прежнему весьма мирно и охотно ведут с нами торговые сделки. В базарный ли день, в ярмарочную ли суматоху или же просто и без всякого стечения торгующего люда они проворно тащат в город на промен или на продажу свои изделия или свои избытки. Во всяком виде дерево – большей частью грубейшей работы вилы, вёсла, а также неотёсанные поленья и целые брёвна: довольно искусно плетёные циновки и ульи; всякие невыделанные кожи и шкуры – всё это тащат к нам на плечах своих неутомимые бжедуги, и всё это находит у нас покупателей и менщиков»²²⁹. Как видно из этого описания, бжедуги достаточно активно участвовали в экономических контактах с русской стороной, прекрасно ориентировались в торговой конъюнктуре, что говорит о давних, устоявшихся связях. Естественно, что им было гораздо легче выстраивать отношения в новых исторических реалиях.

В Баталпашинском уезде шло формирование народности черкесов, которые формировались на основе компактных поселений кабардинцев и бесленеевцев, размещённых в этих местах волею правительственной политики²³⁰.

Причерноморские районы, которые вынуждены были покинуть горцы, стали заселяться славянскими народами, греками, армянами, выходцами из Прибалтики и т.д. Но с конца 60-х гг. сюда стали переселяться семьи шапсугов, хакучей. Они в большей степени сохранили свою самобытность, противопоставляя себя остальным черкесам. Среди наиболее крупных посёлков, основанных ими, выделяются Александровское, Лесное, Большой Кичмай и др.

Далеко не сразу скрывавшиеся в горах адыги решались на то, чтобы покинуть свои природные убежища. Они весьма органично чувствовали себя в

²²⁸ Матвеев О. В., Ракачёв В. Н., Ракачёв Д. Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. С. 43.

²²⁹ Воронов Н. И. Вести с Кубани (Письма в редакцию) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. Т. II. С. 329-330.

²³⁰ Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под редакцией и с предисловием В. Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 55.

условиях горного ландшафта, что признавали и русские наблюдатели, восторгавшиеся красотой тех мест, где располагались их аулы: «Понятно, как горцы, под обаянием своего патриархального быта и своей младенческой привязанности к природе, должны крепко стоять за подобные места. Жаль им уступить свои поэтические ущелья, не хочется покидать их и выселяться на открытые плоскости. Сами участники военных наших экспедиций не раз проговариваются такими чувствами: “Да, нелегко горцу отказаться от своих благодатных угодий!”» - писал корреспондент Н.И. Воронов²³¹.

Сказывалось и опасение довериться вчерашнему противнику. Но, видя, невозможность сохранить свои убежища в неприкосновенности и непреклонность требований имперских властей, соглашались в конце концов выходить из своих ущелий и поселяться на равнинах. Такие выселенцы часто «не имели не только стад скота и табунов лошадей, но часто и всяких средств к существованию и жили подаянием единоверцев»²³². Однако постепенно, они адаптировались в новых для себя условиях, воспринимая отдельные элементы культуры своих соседей.

Как отмечал один из очевидцев: «Вид и обстановка их жилищ, сохранились большей частью прежние, горские, но некоторые дома построены уже, так сказать, переходно к русским... Сельскохозяйственные орудия большей частью прежние, главным образом приспособленные к местности, но проведение хотя и плохих путей сообщения уже повлияло на усовершенствование их обоза, и прежние их арбы заменились повозками русскими с изменениями, какие горцы признали необходимыми для условий местности»²³³.

Благодаря данным статистики мы можем проследить тенденцию изменения численности адыгских народов на протяжении пяти лет: «В 1878 году бжедугов насчитывалось 15263 чел., в 1883 г. – 11819, шапсугов соответственно – 4983 и 2379, жанеевцев – 1883 и 21, абадзехов – 14660 и 15768, темиргоевцев – 3140 и 3434, натухайцев – 175 и 619, егерукаевцев – 1678 и 1381, хакучей – 87 и 67,

²³¹ Воронов Н. И. Вести с Кубани (Письма в редакцию) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. Т. II. С. 307-308.

²³² ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 466. Л. 1.

²³³ Цит. по: Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 241-242.

хатукаевцев – 606 и 964, махошей – 1439 и 1637, мамхегов – 887 и 1258. По данным на 1883 г. чёбсины насчитывали 8 чел., жане – 21, хегаки – 10, адале (хетук) – 1»²³⁴. При всей катастрофичности полученных результатов, достаточно наглядно видно, что те общества, которые приняли для себя решения переселиться на равнины и остаться на Кавказе, либо увеличили свою численность, либо, при сокращении народонаселения сохранили этническое доминирование. В то же время отправившиеся в изгнание черкесы, фактически исчезли с этнической карты региона.

Примечательно, что осуществлялись переселения и с правобережья Кубани на её левый берег, в т.н. Закубанье. Ещё в конце XVIII в. был основан Гривенский черкесский аул, располагавшийся по соседству с казачьей станицей Новонижестеблиевской. В дальнейшем его стали называть Гривенской станицей. Горцы-новопоселенцы, поступавшие в подданство Российской империи, получали право пользоваться теми же имущественными правами на землю, что и казаки, но в отличие от последних не обременялись обязательной воинской службой.

Но когда встал вопрос о том, чтобы включить аул в число казачьих станиц и распространить на них такое же управление и обязанности, это вызвало недовольство со стороны жителей Гривенского аула. Принято данное решение было ещё в 1842 г., но его воплощение в жизнь постоянно откладывалось. Вернулись к нему лишь в 1866 г., когда войсковое начальство предложило жителям поселения либо выселиться за Кубань, чтобы продолжать жить в военно-народных округах, образованных из горцев не пожелавших уезжать в Турцию, либо зачислиться в казачье сословие и остаться на прежнем месте.

Гривенские черкесы неоднократно обращались к властям с просьбой оставить их на прежнем месте и на прежних условиях. Но царская администрация оставалась непреклонной. Им было объявлено, что «кто из них зачислится в Кубанское войско или переселится к закубанским горцам, тот получит права и обязанности того сословия, к которому припишется; те же из жителей, которые

²³⁴ Ракачёв В. Н., Ракачёва Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: В 4 т. Т.1. 1900-1920-е гг. / Отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. С. 27-28.

согласно своей просьбе желают остаться на месте без зачисления в указанные два сословия, получают землю на равне с казаками, но должны будут оплачивать её пошлиной в таком размере, какой будет в последствии определён, и отбывать земские повинности в своём районе; от строевой и внутренней службы они будут освобождены, за исключением времени, когда случится война с Россией: тогда они будут призваны на службу все, кто только окажется способным носить оружие...»²³⁵.

Такие требования черкесы не пожелали выполнять в полном объёме и апеллировали к императорскому указу, согласно которому пользовались землёй на безвозмездной основе. Шло время, и статус гривенцев по-прежнему оставался неопределённым. Лишь в 1878 г. жителей зачислили в казаки, но в таком статусе они пробыли лишь семь лет. Внутри самого общества стали возникать конфликтные ситуации и в 1885 г. они обратились к начальнику Кубанской области с просьбой, чтобы их исключили из казаков.

Положительное для черкесов решение этого вопроса было принято 7 августа 1888 г., но ценой его стало упразднение Гривенской станицы и расселение её жителей по закубанским горским аулам. Не ожидавшие подобного исхода черкесы отказывались покидать родное поселение, неоднократно обращались с прошениями о дозволении им остаться на прежнем месте. Но власть была неумолима. Осенью 1892 г. в станицу прибыл воинский отряд и тех, кто ещё оставался в Гривенской, силой заставили уйти за Кубань.

Оставшиеся на Северном Кавказе ногайцы были сосредоточены в двух приставствах – Ачикулакском и Караногайском. Занимая весьма важную нишу в местной экономике (ногайцы активно участвовали в оказании транспортных услуг), они, несмотря на уход части этноса в Турцию, были к концу XIX в. третьим по численности народом в Ставропольской губернии²³⁶. Ногайцев на

²³⁵ Короленко П. П. Горские поселенцы в Черномории // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. С. 491.

²³⁶ Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под редакцией и с предисловием В. Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 57.

Северном Кавказе в 1858 г. проживало 119 тысяч человек (5,3%), а в 1867 г. – 94 тысячи человек (4,6%)²³⁷.

Кроме того, перешедшие к осёдлости кубанские ногайцы основали семь селений на левобережье Кубани и Малого Зеленчука²³⁸. Возникали они на месте прежних зимников. При этом сохранялось множество пережитков прежнего хозяйственного уклада. Так, у едисанцев, которые имели в Ставропольской губернии 20 постоянных аулов, по данным на 1869 г. было всего 268 капитальных строений, в которых проживало 1443 человека. Хотя они и занимались земледелием, но при этом содержали большое количество скота²³⁹.

Большая часть ногайцев сохранила приверженность кочевому образу жизни. Они по-прежнему занимались экстенсивным скотоводством, перемещаясь по степи, хотя формально и имели собственный административный центр. Вот, что писали о караногайцах современники: «Караногайцы народ кочевой, не имеющий постоянного местожительства; не удивительно, что они не основали до сих пор ни одного селения и ни одного города. Их столицей, так сказать, считается ставка Терекли-Мектеп, что в переводе означает дом, окружённый деревьями; они же называют её «Орус-Уй», что значит «русский дом». В этой ставке и сосредотачивается вся власть и управление ими; здесь живёт пристав (начальник) караногайского участка и его помощники; здесь находится караногайское нормальное училище, несколько лавок, кабак, жилище для казаков и несколько других зданий. Собой Терекли-Мектеп представляет безотрадный вид: небольшое число домов, которые не образуют даже маленькой улицы, а кругом степь, беспредельная степь. Терекли находится почти в равном расстоянии от Кизляра и Моздока... <...> Караногайскую степь населяют исключительно караногайцы, числом 28 тыс. обоего пола, а ставку Терекли – русские и армяне, всего несколько семейств»²⁴⁰.

²³⁷ Кабузан В. Н. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 99.

²³⁸ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 124. Л. 26.

²³⁹ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Изд-во «Наука», 1976. С. 35.

²⁴⁰ Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни // Сборник сведений о Северном Кавказе / Под ред. Г. Н. Прозрителева. Ставрополь-Кавказский, 1909. Т. II. С. 2.

Таким образом, у оставшихся на Северном Кавказе номадов власти до времени сохранили возможность вести привычный им образ жизни, хотя и в ограниченных масштабах, а процесс их седентаризации происходил замедленными темпами.

Оказались вовлечены в процесс основания новых поселений и абазины. Они были размещены на левобережье Кубани, на реке Куме и Зеленчуках. Различие между разделенными прежде политически и территориально кумскими (тапанта) и залабинскими (шкарауа) группами абазин постепенно стирались. Всего, к 1879 г. в Баталпашинском и Майкопском уездах имелось 21 селение, в которых компактно проживали представители этого народа.

Абазинские селения были преимущественно мононациональные. Если же вместе с ними проживали другие народы, то в этом случае число абазинских поселенцев насчитывало не менее половины от общего числа жителей. Так было в посёлках Бибердовском, Клычевком, Дударуковском²⁴¹.

Примечательно, что далеко не всегда администрация отказывалась от компромисса, если жители просили оставить их на прежнем месте. Так, в 1865 г. с просьбой не переводить их на р. Зеленчук, к кавказским властям обратились абазины селений Лоова и Трамова, расположенных по левому берегу Кумы. Замысел их перемещения мотивировался острым малоземельем. Им пошли на встречу, но объединили в одно селение, к которому прирезали дополнительные наделы из казённых участков Кубанской области²⁴².

Но такой вариант получался не всегда. В аналогичной просьбе отказали кабардинцам и абазинам селения хагандуковского, которое весной 1866 г. переместилось с верховьев правобережья Кумы, ниже по течению на её левый берег²⁴³.

По реке Теберде свои участки земли получили карачаевцы. За ними были сохранены их прежние аулы, но, учитывая возросшую численность карачаевских

²⁴¹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 242.

²⁴² ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 116. Л. 4 об., 5.

²⁴³ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 116. Л. 71.

обществ, сочли необходимым выделить дополнительные наделы. Выходцы из селений Карт-Джурт, Хурзук и Уччулан перебрались в 1861 г. на р. Даут, где спустя семь лет сформировались три самостоятельных аула – Тебердинское, Джазлык и Даут. Кроме того, на карте появилось и два хутора на берегу р. Мары и один на Кубани. Все они составили область Малого Карачая.

Далеко не сразу горцы решились на этот шаг, что и объясняет длительность процесса формирования новых посёлков. До этого они продолжали считаться жителями покинутых ими селений²⁴⁴. По своей социальной принадлежности они являлись преимущественно освобождёнными рабами и не могли рассчитывать на земельный надел наравне со свободными общинниками. Для них переезд на новое место был реальным шансом улучшить свой статус и добиться материального благополучия. Как отмечалось в официальных документах, «все они или почти все, не только не имели земли, но даже мест для домов, поэтому предложение выселяться на свободные земли было для них весьма выгодно»²⁴⁵. Власти нашли возможность изыскать 40 тыс. десятин земли удобных для занятия хлебопашеством и передать их новопоселенцам.

Небольшие группы карачаевцев и родственных им балкарцев переселились в селения Кашкатау, Гунделен, Хасаут. Для их нужд в Кабарде были выделены земли в размерах 4 тыс. десятин. Общая численность карачаевцев по данным на 1868 г. достигала 15200 человек²⁴⁶.

Сложной была проблема определения границ между различными поселениями, поскольку сами власти частично провоцировали неурядицы в этом вопросе. Положение горцев на новом месте какое-то время оставалось неопределённым, т.к. они расселялись по временной схеме, и земли указывались им «только в примерном количестве и для временного пользования»²⁴⁷.

²⁴⁴ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 124. Л. 137.

²⁴⁵ Цит. по: Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 229.

²⁴⁶ Там же. С. 229.

²⁴⁷ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии: Сборник документов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1985. С.9 2; Кипкеева З. Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. С. 376.

Эта ситуация приносила немало хлопот. Самостоятельно решить эту проблему поселенцы не могли. Чтобы не провоцировать вражду между соседями и поскорее придать положению переселенцев статус прочной оседлости, правительственные чиновники учреждали особые комитеты и комиссии. К оптимальному решению приходили, однако, не сразу, но власти были настроены принимать решительные меры по устройству земельного быта путем закрепления за ними постоянных мест расселения и «наделение их землею в количестве, могущем вполне обеспечить их нужды и потребности»²⁴⁸.

Например, Управление кабардинского округа весной 1866 г. постановило разрешить спор между кабардинцами и карачаевцами «относительно земли, необходимой для летних пастбищ кабардинских стад и табунов, ... по случаю оспаривания карачаевцев»²⁴⁹.

Естественно, что полностью удовлетворить интересы каждой стороны царские власти не могли, поскольку раздел земли и расселение местного населения производились с учетом военно-политических, экономических и социально-демографических интересов Российской империи в крае.

В связи с этим среди горских мигрантов сохранялись как взаимные претензии, так и недовольство действиями имперских властей. Но окончательное решение оставалось за последними, а потому недовольство существующим положением вещей приобретало перманентный характер и было чревато потенциальной или явной конфликтностью.

Балкарцы проживали преимущественно в селениях Балкар, Безенги, Хулам, Урусбий и Чегем. В рассматриваемое время экономическая ситуация для балкарцев достигла критической точки. Несмотря на то, что они максимально рачительно использовали имеющиеся у них земельные участки, но их возможности уже были исчерпаны²⁵⁰.

²⁴⁸ Кипкеева З. Б. Указ. соч. С. 377.

²⁴⁹ Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. С. 28.

²⁵⁰ Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Т. XIX. Кн. 4. Апрель. С. 540, 548; Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII - начала XX в. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. С. 282-284.

В сложившейся ситуации они готовы были уезжать в поисках лучшей доли на равнину и становиться там временно проживающими, со всеми поражениями в правах, которые давал такой статус. Фактически такие люди лишались права собственности, как на прежнем, так и на новом месте проживания. Среди таких социально ущемлённых категорий горского крестьянства были выходцы из Урусбиевского, Балкарского, Чегемского и Хуламского обществ. Отличительной особенностью переселения балкарцев было то, что они не создавали новых посёлков, а старались разместиться в уже имеющихся.

В начале 80-х гг. XIX века в Балкарском ущелье насчитывалось 18 селений, в которых проживало около 5 тыс. жителей. В Хуламо-Бизингийском 2873 жителя составляли население 3 аулов, а в Чегемском - 2721 человек проживал в 18 селениях. И, наконец, в Баксанском ущелье было 2 селения и 2180 жителей²⁵¹.

Благодаря предпринятым шагам к 1897 г. численность балкарцев достигла 23184 человек. Если сравнивать с данными на середину столетия, то эти показатели возросли в 2,6 раза. Это было достигнуто за счёт естественного прироста, ставшего возможным в связи с ростом материального благосостояния местных жителей. В разных обществах эти показатели отличались, т.к., к примеру, жители Балкарской и Чегемской общин нередко переходили в другие общества, а то и основывали новые селения.

В каждом ущелье к концу XIX в. мы видим новые аулы, каждый из которых объединял от 3 до 100 дворов, что объяснялось ландшафтными возможностями. Эти аулы входили в состав того общества, на землях которого были основаны.

К началу XX в. крупные по местным меркам поселения, в которых проживало до 1000 человек, сконцентрировалось большинство балкарцев. В небольших посёлках мы видим не более 2% от общего числа народа. Плотность расселения была достаточно большой, и в 70-х гг. XIX в. оценивалась в 3,8 человека на 1 кв. км²⁵².

²⁵¹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 243.

²⁵² История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. С. 244-245.

Активно стало проходить переселение осетин с гор на плоскость. У них этот процесс совершался наиболее масштабно и энергично, по сравнению с другими народами Северного Кавказа. На равнине стали поселяться дигорские, тагаурские, куртатинские фамилии.

Некоторые переселенцы перебрались даже в Кубанскую область. Сюда были направлены южные осетины, которые непрестанно конфликтовали с грузинскими помещиками Мачабели²⁵³. За этими грузинскими феодалами были закреплены земли, на которых располагались их селения. Чтобы избавиться от непрестанных стычек, власти пошли на предоставление им альтернативных наделов на Северо-Западном Кавказе.

Для убеждения жителей в целесообразности такого исхода, был привлечён Л. Е. Хетагуров, отец будущего просветителя осетинского народа, который пользовался большим авторитетом среди земляков. Заранее, весной 1870 г. на место предполагаемого заселения была отправлена делегация, чтобы определить качество выделяемых горцам земель. И хотя места, расположенные близ укрепления Хумаринского, вызвали множество нареканий, решение о переезде было принято²⁵⁴.

Каждому мужчине, выразившему желание отправиться на Кубань, было обещано по 15 десятин земли. К тому же власти обещали выделить и подъёмные деньги в размере 35 руб. Часть из них предполагалось затратить на переезд, а часть на приобретение инвентаря и постройку жилища.

В конце лета 1870 г. переселенцы, собравшиеся в селении Ардон, двинулись в путь. Всего их насчитывалось 149 семейств. Дорога затянулась на два месяца, а потому, когда осетины прибыли на место, погода стала портиться, и пришлось спешно строить временки, чтобы пережить зиму. Она оказалась весьма суровой. От бескормицы начался падёж скота, не хватало продовольствия, а обещанные подъёмные средства задерживались из-за нерасторопности властей и бюрократических проволочек местных исполнителей. Новый посёлок был назван

²⁵³ Лазарян С. С. Экономическая, социальная и этно-конфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845-1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 292-293.

²⁵⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 59. Л. 39.

Шоанински, затем переименован в Ново-Осетинский, а с 1879 г. стал селением Георгиевско-Осетинским.

Новосёлы очень скоро разочаровались в тех участках, которые им были предоставлены. Они стали просить начальство о разрешении переселиться на новое место, но получили отказ. Некоторые даже стали высказывать требования о возвращении в Терскую область. Лишь спустя несколько лет, ситуация стала постепенно нормализоваться.

И вот уже известный просветитель Коста Леванович Хетагуров писал о произошедших событиях следующее: «В семидесятих годах не было железных дорог, переселение совершалось на арбах. Сто пятьдесят семейств плелись длинной вереницей скрипучих арб больше месяца от сел. Ардона до слияния рек Теберды и Кубани. Благодаря превосходному климату, тучной, непочатой земле с обилием леса, обширных пастбищ, лугов и воды, эти бедняки в продолжении 30 лет больше чем удвоились и сделались настолько зажиточными, что в настоящее время ни одно осетинское селение, не говоря о других туземцах, не может сравниться с ними... Обширное овцеводство, пчеловодство, скотоводство и коневодство, с постоянным хорошим урожаем всех видов хлебных злаков, дали возможность переселенцам преобразить свой небольшой посёлок в городок с массой домов под железной крышей, прекрасным школьным зданием и торговыми заведениями»²⁵⁵.

Пример оказался привлекательным и для других осетинских семей, которые стали обращаться к царской администрации с прошениями, чтобы их переселили на новые места. Но власти видимо разочаровались в таком варианте решения осетинского малоземелья и отвечали отказом, предпочитая находить для них наделы в пределах Терской области²⁵⁶.

К числу новых осетинских поселений относятся Карджин, Суадаг, Брут и др. В новых условиях они редко сохраняли фамильную замкнутость. В них соседствовали переселенцы из самых разных горных районов. Порой они

²⁵⁵ Хетагуров К. Собрание сочинений. В 3-х томах. Т.3. Статьи. Письма. М.: «Худож. лит.», 1974. С. 179.

²⁵⁶ Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.) // История и память / Сост. Г. Т. Дзагурова. Владикавказ: Ир, 2013. С. 100-105.

возникали в тех местах, которые уже использовались в качестве зимников и даже имели временные постройки. К таким поселениям можно отнести Ногкау, основанное у входа в Куртатинское ущелье. В нём обосновались выходцы из селений Цимити, Фиагдона, Барзикау.

Ко второй половине 70-х гг. большинство осетин уже перебрались на равнину. Власти даже стали запрещать остальным горцам покидать горные селения, т.к. хотели имеющиеся на плоскости наделы сохранить в качестве резервного фонда. Между тем, по подсчётам современников, имелось ещё достаточно возможностей, чтобы продолжить процесс переселения из горных теснин²⁵⁷.

В то же время, в горах ситуация с земельными наделами оставалась весьма критичной. Достаточно проанализировать судебные тяжбы 80-х гг. XIX в., чтобы сделать такой вывод. Так, по документам в 1882 г. фиксируется 49 случаев, когда имели место тяжбы за право владения земельными участками. И это только примеры крупных споров. Число небольших судебных разбирательств было гораздо выше²⁵⁸.

Впрочем, были и исключения. Царская администрация предоставляла возможность перебраться на равнину, если это было связано с непредвиденными, форс-мажорными обстоятельствами. Так было с появившимися возле Моздока селением Новая Саниба и хутор Весёлый. Когда в 1889 г. в горах прошли сильные ливни, случился град и землетрясение, местные жители оказались лишены крова и всей инфраструктуры. Жить на прежнем месте было уже невозможно. Чтобы помочь пострадавшим, власти выделили им 578,5 десятин земли, и горцы перебрались на равнину²⁵⁹.

Имели место случаи, когда горцы, которым отказали в предоставлении земли за счёт казны сами выкупали себе необходимые участки. Так было с жителями Даргавского ущелья. Они неоднократно просили предоставить им

²⁵⁷ Там же. С. 106.

²⁵⁸ Берозов Б. П. Путь, равный столетию (очерк истории аграрного развития Северной Осетии в XIX в.) // История и память / Сост. Г. Т. Дзагурова. Владикавказ: Ир, 2013. С. 351.

²⁵⁹ Цориева И. Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. С. 146-147.

наделы во Владикавказском округе, либо переселить их на Кубань, но каждый раз получали отказ. Тогда собрав средства, они выкупили себе землю у кабардинских князей братьев Анзоровых. В 1880 г. 45 дворов основали новое селение Степной Даргавс или Средний Урух. Их примеру в дальнейшем последовали и другие осетинские общества. Всего на территории Моздокского района в Большой и Малой Кабарде образовалось около 33 новых осетинских селений, выселков и хуторов²⁶⁰.

Первоначально процесс переселения на плоскость был в правовом отношении не обременителен. Часто использовался брак, как возможность переехать на новое место. Житель горского селения находил себе невесту, чья семья уже проживала в одном из равнинных поселений, и временно размещался в их доме. Возведя на пустующем участке собственное жильё, он с супругой перебирался туда и обращался к обществу с требованием выделить ему пай земли. После чего легализация статуса новосёла окончательно завершалась.

В одном только селении Кадгарон за 60-е гг. XIX в. число дворов увеличилось в 1,8 раза. Если в 1860 г. их было 69, то в 1870 г. уже 125. И в последующем десятилетии такая тенденция сохранялась. Следует отметить, что это было следствием, как естественного прироста, так и продолжающихся миграционных процессов²⁶¹.

Но по мере сокращения свободных мест на равнине, такой способ переселения сделался невозможным. Начиная с 1876 г. переселение с гор на равнину стало осуществляться лишь с разрешения администрации. Но и в этом случае находились те, кто на собственный риск покидал горы, чтобы в качестве временно проживающего закрепиться в одном из плоскостных сёл. Для этого необходимо было лишь взять «увольнительный приговор» у того общества, за

²⁶⁰ Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.) // История и память / Сост. Г. Т. Дзагурова. Владикавказ: Ир, 2013. С. 109-116.

²⁶¹ Цориева И. Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. С. 136.

которым был закреплён в горах потенциальный переселенец²⁶². При этом он уже не мог рассчитывать на собственный участок, и вынужден был арендовать его.

Люди с подобным статусом проживали в селениях Хумалаг, Кадгарон, Брут и т.д. Только по данным за 1891 г. прошения о разрешении на переселение и выделения участков подали не менее 382 дворов представлявших Даргавское общество, селения Урсдон, Карагач и т.д. Мотивировалось это отсутствием в горах необходимой для занятия сельским хозяйством земли²⁶³.

Статус временно проживающего был очень уязвим. В любой момент от него могли потребовать покинуть селение. Но даже в такой ситуации число этих людей с каждым годом возрастало. Если в 1867 г. фиксировалось 180 дворов, то к концу столетия уже 1506 временнопроживающих поселенцев.

Сыграл свою роль, и фактор реэмиграции части мухаджиров, которые так и не смогли обосноваться в Турции. Участь таких людей была особенно печальна. Как правило, они теряли своё имущество, их право на земельный надел на прежнем месте жительства было аннулировано. Единственным возможным статусом для них был статус временно проживающего²⁶⁴.

Изменилось и отношение к переселенцам со стороны тех, кто уже успел закрепиться на равнине. Отмечается, что «общества сих селений первоначально, в силу свойственного туземцами гостеприимства, относились к новым поселенцам дружелюбно, не препятствовали их водворению. С течением же времени, по случаю естественного увеличения коренного населения и формального отвода коренным селениям точно определённых земельных наделов, коренные жители начали сами стесняться в поземельном довольствии, и потому просьбы лиц, самовольно водворившихся там, о выдаче им приёмных приговоров не только

²⁶² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 82 об.

²⁶³ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 233-234.

²⁶⁴ Цориева И. Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. С. 139.

были отклонены обществами, но они стали просить содействия начальства о выселении пришельцев...»²⁶⁵.

В этой ситуации имелась, видимо, не только экономическая подоплёка. В такие поселения приходили люди, не связанные со старожилами кровнородственной близостью, а потому обязательств перед ними у жителей селений не было. Да и наличие родственников ещё не гарантировало благоприятного исхода, т.к. односельчане из других фамилий вполне могли запретить раздачу земель являвшейся общей собственностью. Сохранилось лишь несколько десятков «приёмных приговоров», которые были даны таким новопоселенцам. Получены они были, как правило, в том случае, если один из старожилов соглашался поделиться собственным земельным паем с близким родственником.

Анализируя произошедшие изменения, Е. Максимов и Г. Вертепов в начале 90-х гг. XIX в. отмечали, что «к решению поземельных вопросов у осетин было приступлено ещё в начале пятидесятих годов. Тогда решено было наделить тагаурцев по 36 дес. на двор, а привилегированные семьи по 225 д. Но в конце пятидесятих годов такое распределение было признано неправильным, и все тагаурцы, не исключая и алдар, получили на общинных началах по 40 дес. на двор. Впрочем, алдарам было предоставлено право получить по 300 дес. на семью, но в Кубанской области. 28 декабря истекшаго 1890 г. было окончательно утверждено положение комитета министров о распределении земель между десятью аулами плоскостной Тагаурии. В Дигории, ещё в тридцатых годах, за привилегированными сословиями ошибочно было признано право на землю, которая и была утверждена в размере 13 т. д. за землёй Тугановых. Это обстоятельство мешало правильному решению здесь земельного вопроса. Правительству пришлось выкупать часть тугановских земель, чтобы дать надел двум плоскостным дигорским селениям... В Алагирском и Куртатинском обществах была сохранена господствовавшая здесь система нераздельного

²⁶⁵Цит. по: Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.) // История и память / Сост. Г. Т. Дзагурова. Владикавказ: Ир, 2013. С. 107.

землевладения. <...> Таким образом поземельная собственность осетин очутилась в большинстве случаев в руках массы населения и лишь относительно немного её попало в руки частных землевладельцев»²⁶⁶. Это в немалой степени позволило несколько смягчить те социальные противоречия, которые стали активно проявляться к началу XX в.

Результатом произошедших изменений стало то, что численность осетин среди всех жителей Северного Кавказа возросла с 1,9 до 2,6 %²⁶⁷. Это стало следствием естественного прироста, который усилился благодаря освоению равнинных пространств и повышению уровня благосостояния народа.

В рассматриваемый период прослеживается тенденция на укрупнение уже имеющихся на равнине поселений. Так, в Кабарде в 1865 г. из 97 небольших посёлков образовалось 33 крупных. В частности, на р. Малке к аулу Кармова был присоединён аул Думанова, а также подселены пять семейств абазинцев, которые ранее проживали в Песчаном ауле. К селению Ашабова присоединили аулы Аджиева и Трамова, в аул Лафишева включили пять семейств из уже упоминавшегося Песчанова аула, который упразднился. Аулы князей Иналова и Седакова объединялись с аулом Кошева. На реке Куркуджин в аул Измаила Конова включались селения Абезеванова и Магомета Конова и т.д.

Отдельно оговаривалось, что «аулы Женуса и Юсупа Жерештиевых, Шипшикова, Урды и Хахандукова, населённые по преимуществу горцами, в случае переселения в Большую Кабарду малокабардинцев образуют один аул, которому место поселения будет указано своевременно, в противном случае жители поименованных аулов расселяются по кабардинским аулам; если же не согласятся на таковое определение, то обязаны оставить Кабардинскую землю и возвратиться на свою родину»²⁶⁸. Это способствовало стиранию различий между родственными обществами, формированию общей культуры. Данный процесс

²⁶⁶ Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892. Вып. I. С. 24-25. Кроме того, см. Лазарян С. С. Экономическая, социальная и этно-конфессиональная политика князя М. С. Воронцова в Кавказском крае. 1845-1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 214-216.

²⁶⁷ Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 98.

²⁶⁸ Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. С. 27.

был затяжным, но уже то, что он был инициирован властями, обещало в перспективе преодоление имеющейся этнокультурной замкнутости.

В немалой степени происходившее было последствием реформы 1865 г., которая существенно ослабила позиции крупных феодальных фамилий Кабарды. В результате слияния населённых пунктов названия прежних поселений, которые зачастую насчитывали не более десяти дворов, исчезают с топонимической карты региона. Упоминания о них сохранялись лишь в названии отдельных кварталов или фамилий кабардинцев.

В середине 60-х гг. XIX века на территории между реками Терек и Курпом, на Таусултановских землях Малой Кабарды, было размещено пятнадцать малокабардинских и шесть осетинских селений. Последние власти предполагали переселить в Осетию, а на очерченной территории поделить земли между 1400 дворами кабардинцев. В этом случае на каждый двор должно было выделяться около 56 десятин земли.

Оставшаяся территория Малой Кабарды, т.е. Терско-Сунженского междуречья, являлась собственностью фамилии Бековичей-Черкасских. Здесь проживали самые разные народы, что объяснялось политикой владельцев этой земли, стремящихся заселить её подвластным населением. Такая этническая картина формировалась постепенно, примерно с 20 по 60-е гг. XIX в. В итоге здесь соседствовали кабардинцы, чеченцы, карабулаки, осетины, ингуши, кумыки.

Теперь предстояло решить, оставлять ли проживавших здесь людей на прежнем месте, либо отправить их на жительство туда, где сосредоточился этнический массив, к которому они принадлежали. Царская администрация выбрала второй путь. Чеченцы были отправлены в Надтеречное наибство, а ингуши и карабулаки присоединились к Назрановскому обществу²⁶⁹. Семьи малокабардинцев, в соответствии с курсом на создание больших поселений были распределены в девяти аулах, расположенных в бывших Таусултановых землях.

²⁶⁹ Там же. С. 23.

Но такая практика имела свои пределы, о чём в рапорте Земельной комиссии к Начальнику Терской области от 7 октября 1865 г. говорилось следующее: «Хотя по видимому было бы возможно население Чеченского племени, пользующегося ныне землёй в Малой Кабарде и Бековичей, которых число достигает цифры 300 семей, переселить в Надтеречное Наибство, где за наделом наличных жителей по принятой норме 32 дес. на двор, остаётся свободной земли на 400 дворов и затем приобрести из участка Бековичей для ингуш Малой Кабарды и тех, кои пользуются землёй Бековичей из Ингушского округа в числе около 500 семей, участок в 10 тыс. десятин, но Комиссия опасается обращаться в настоящее время к такому средству именно потому, что небольшой запас земли Надтеречного наибства непременно понадобится для устройства и остального Чеченского племени, обделённого землёй и которое всего легче переселить можно на эти земли»²⁷⁰.

Ситуация осложнялась тем, что земли Бековичей-Черкасских были признаны их собственностью, а потому властям пришлось изыскать возможность выкупить их у владельцев. Лишь после этого казна передала их во владения казачьим станицам и надтеречным чеченцам.

В докладе «Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области» датированного 4 октября 1865 г. отмечалось: «Затем остаётся устроить ингуш и чеченцев водворённых вследствие предшествовавших распоряжений начальствовавших в Кабарде на землю Бековичей или пользующихся ею, а именно аулы: Кескем, Псидах, Сегопш, Ахбарзой... и расселённые по малокабардинским аулам небольшим количеством дворов, которых общая численность доходит до 787 семей. <...> Эти ингуши и чеченцы необходимо должны быть перечислены в полное Полицейское и Судебное ведение Ингушского округа, ибо живут они одними обычаями с жителями того округа и ведут совершенно сходное с ними хозяйство и семейства их также малочисленны и без холопьев, почему и в наделе землёй они ближе всего подходят к населению Ингушевского округа.

²⁷⁰ Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Нальчик, 1992. С. 109.

Для всех этих ингуш и чеченцев, живущих в Малой Кабарде и как выше указано преимущественно пользующихся землёй Бековичей, Комиссия не находит другого выхода как оставить на жительство в двух занимаемых теперь аулах Псидах Кескем, а также Сагопш и Ахбарзой купив для них по Ачалуку, Псидаху и Кескему прилегающему к Назрановскому участку земли князей Бековичей от 16-18 тыс. десятин...»²⁷¹.

В целом надо отметить, что отношения кабардинской аристократии и переселенцев с гор испытывали серьёзную инерцию прежних обид и претензий. Как подметили известные русские историки-кавказоведы В. Миллер и М. Ковалевский, рассуждая о специфике взаимоотношений балкарцев и кабардинцев: «Близость с Кабардою, постоянные набеги горцев на соседние аулы и неоднократные походы кабардинцев в горы с целью положить конец этим набегам и поставить в зависимость от себя самих горцев – также наложили печать на характере сословных отношений у горцев. По словам князя Асламбека Атажукина, его предки, завоевавши Чегем и соседние к ним аулы, обложили горцев данью, для взимания которой поселены были в их среде наследственные сборщики из рода Ахматовых. Дань платили рабами, крупным и мелким скотом. Горцы сплошь и рядом отрицают в наше время обязательный характер этой дани и говорят о добровольных платежах, произведённых ими в разное время в пользу кабардинских князей, как бы в признательность за дозволения пасти стада на плоскости в весенние и осенние месяцы, когда в горах нет достаточного для них корму»²⁷².

Когда стал вопрос о том, чтобы обосноваться на новых плоскостных территориях, эти обиды и претензии вспыхнули с новой силой, заставляя царскую власть с помощью административных мер примирять конфликтующие стороны.

Вызывает интерес судьба упоминавшегося ингушского поселения Сагопш. Его земли тоже были выкуплены у бывшего владельца, а в 1873 г. к нему присоединили ещё и карабулакское селение Ах-Барзой, отличавшееся

²⁷¹ Там же. С. 106.

²⁷² Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Т. XIX. Кн. 4. Апрель. С. 572.

многотейповым составом. В дальнейшем сюда подсеялись выходцы из Акиюрта, Нижнего Алкуна, Акки²⁷³.

К 1860 г. имперские власти переселили ингушей с верховий Камбилеевки, Сунжи и Ассиновского ущелья в район Назрани, сгруппировав их в крупные села, а на «высвобожденной» территории к 1861 г. были размещены казаки и основаны станицы Сунженская, Фельдмаршальская, Нестеровская, Камбилеевская, Карабулакская, Галашевская и др., что впоследствии сделало этот район одним из наиболее конфликтных районов Кавказа²⁷⁴.

Шёл процесс расселения по р. Сунже в районе Назрани и Ачалуков, а также по течению р. Ассы ингушей. После того, как Северный Кавказ покинули карабулаки, на земли в среднем течении р. Мартан стали переселяться горцы-кистинцы. Как правило это были состоятельные фамилии, которые адаптировавшись на новом месте ещё больше упрочивали своё положение²⁷⁵.

В 1867 г. на равнине проживало уже более 80% ингушского населения. Подвести точные итоги данного процесса затруднительно, т.к. он имел латентный характер и далеко не все данные нашли отражение в статистике, но общая тенденция просматривается достаточно чётко²⁷⁶.

На территории Ингушетии было создано пятнадцать крупных селений. Власти изыскали возможность выделить на каждый двор по 18 десятин земли. Эта земля считалась общинной собственностью, что с одной стороны облегчало фискально-управленческие задачи, но с другой тормозило развитие капиталистических отношений в ингушских обществах²⁷⁷.

Проживающие в горах ингушские общества дефицит земли пытались компенсировать за счёт аренды. Но такой выход был доступен лишь состоятельным семьям. В конце XIX столетия отмечалось, что «...за последние

²⁷³ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 224-228.

²⁷⁴ Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2007. С. 23.

²⁷⁵ Мартиросиан Г. К. История Ингушетии. Орджоникидзе, 1933. С. 94.

²⁷⁶ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 61-62.

²⁷⁷ Ингуши / отв. ред. М. С.-Г. Албогачиева, А. М. Мартазанов, Л. Т. Соловьёва; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ингушский государственный университет. М.: Наука, 2013. С. 60.

годы арендные цены настолько возвысились (до 15 руб. за десят. под один посев), что ингуши по крайней своей бедности могут прибегать к ней только в очень скромных размерах. Если принять плату за аренду десятины в 5 руб., то ингушам пришлось бы ежегодно уплачивать до 200 тыс. руб. на стороны, но это конечно для них невыносимая вещь»²⁷⁸. Перебраться же на постоянное место жительства в более удобные места не позволяли либо административные препоны, либо нежелание расстаться с привычным миром.

Царская администрация была заинтересована, чтобы на плоскости появились и новые чеченские селения. Опыт вооружённого противостояния первой половины XIX в. показал, что в горах осуществлять контроль над ними крайне затруднительно. Этим, очевидно, объясняется достаточно быстрое и плохо организованное переселение 15 аулов из Малой Чечни и 29 аулов из Большой Чечни за период с 1857 по 1860 гг. Тогда было перемещено около 71500 человек. Подобные меры вызвали недовольство жителей, которые вынуждены были столкнуться с тяготами обустройства на новом месте²⁷⁹.

Как отмечалось в обзоре «Кавказ в течение двадцатипятилетнего царствования Государя Императора 1855-1880»: «Всю важность осёдлого положения горцы стали сознавать по мере вступления в верноподданство нашего Государя и в самое короткое время начали не только дорожить землёю, на которой жили или были поселены, но даже заводить из-за права пользования и владения ею разные ссоры и распри. Это побудило, прежде всего, принять решительные и быстрые меры к земельному их устройству, тем более что только при строгой определённости поземельных прав каждого лица возможно было ожидать побуждений к сельскохозяйственному труду, а следовательно, и расположения к гражданскому развитию и преуспеянию. Решительные меры к достижению цели приняты с 1863 г.: особые комитеты, не имевшие единства, по

²⁷⁸ Баев Г. Ингуши // Кавказский вестник. 1901. Год II. № 10. С. 60.

²⁷⁹ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в. ... С. 65.

распоряжению Великого князя Главнокомандующего, упразднены прежде всего в Терской области и учреждена общая поземельная комиссия»²⁸⁰.

По её инициативе, были выкуплены земли у кумыкских феодалов и переданы жителям Чеченского округа. По данным приводимым П.А. Гавриловым, в 1867 г. было приобретено 6700 десятин земли, которые обошлись казне в 20100 рублей²⁸¹. Для тринадцати селений Надтеречного района были осуществлены прирезки земель, в среднем от 28 до 34 десятин на один двор.

Продолжался властями курс на создание крупных поселений. Для этого сливались отдельные хутора и небольшие аулы. Предполагалось, что в новых населённых пунктах будет введено общинное землевладение, по аналогии с губерниями центральной России²⁸².

Исследователи отмечают, что вайнахи в рассматриваемый период ограничивались переездом на новое место небольшими родственными группами или отдельными семьями. Они, как и балкарцы старались поселиться в уже существующих посёлках, хотя были и исключения. Данный процесс отличался постепенностью и затянулся на многие десятилетия. В целом, как отмечают исследователи, процесс переселения на равнину не приводил к изменениям этнических границ.

Чеченская миграция охватила территорию от Кумыкской равнины до границ Малой Кабарды. Данный процесс нашёл слабое отражение в письменных источниках, а потому исследователи данной проблемы использовали полевой этнографический материал, чтобы реконструировать события прошлого. Из него мы узнаём, что побудительной причиной для большинства переселенцев были экономические проблемы, прежде всего нехватка земли.

Ещё одной причиной, на которую сетовали горцы, были плохие пути сообщения, которые затрудняли их связи с другими населёнными пунктами. В

²⁸⁰ Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 210.

²⁸¹ Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племён Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Т. II. С. 59.

²⁸² Чеченцы / отв. ред. Л. Т. Соловьёва, В. А. Тишков, З. И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т Х. Ибрагимова РАН. М.: Наука, 2012. С. 74.

условиях трансформации их хозяйства под влиянием капиталистического уклада, эта проблема болезненно сказывалась на уровне благосостояния горских тружеников.

Среди причин, заставлявших покидать родные селенья, называют и обычай кровной мести. Любопытную информацию сообщил в своё время житель станицы Нестеровской Соип Борчашвили, 1880 года рождения. Его предок, первоначально проживавший в селении Нашаха, в поисках земельного надела вынужден был объявить себя кровником вместо жителя селения того и лишь после этого получил право на надел²⁸³.

Полностью проблемы с малоземельем эти шаги не решили. Даже в начале XX в. в горных районах Чечни на человека приходилось примерно 0,3 десятины пригодной для пашни и 0,55 десятины для покосов. В таких условиях успешно заниматься сельскохозяйственной деятельностью было нельзя, и единственным выходом было отходничество либо перемена места жительства²⁸⁴.

Важным представляется тот факт, что в плоскостных селениях размещались выходцы из разных тейпов. Например, в селе Кень-Юрт, это были представители от тейпов Зандхой, Дышни, Чантой, Чертой, Эйткалой, Кий. За 70-90-е гг. XIX в. существенно выросло число чеченцев, которые переехали жить на территорию Дагестана, преимущественно на Кумыкскую равнину²⁸⁵. Новые селения были многофамильные и «многоущельные», что не всегда фиксируется в документальных источниках, но хорошо подтверждается этнографическими материалами.

Далеко не сразу чеченцы смогли оправиться от тех потерь, которые понесли в первой половине XIX столетия. Несмотря на то, что ситуация в равнинных поселениях была в экономическом отношении предпочтительнее, нежели в горных районах, это далеко не сразу сказалось на численности вайнахов. Их

²⁸³ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 238-239.

²⁸⁴ Там же. С. 231.

²⁸⁵ Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под редакцией и с предисловием В. Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 558-59.

соотношение к другим народам региона сократилось с 8,5%, до 7,1%²⁸⁶. Но к концу столетия демографический провал был преодолен, и в дальнейшем ожидалось увеличение численности чеченского народа²⁸⁷.

В отличие от других горцев Северного Кавказа, народы Дагестана не спешили покидать свои селения, несмотря на все трудности, с которыми сталкивались в связи с малоземельем (0,2-0,4 десятины на одно хозяйство). Если и имели место переезды на равнину, то это были районы Кумыкского округа, где в незначительном количестве оседали выходцы из Нагорного Дагестана. Большинство же предпочитали спускаться на плоскость лишь для выполнения сезонных работ²⁸⁸.

Объяснялось это плотной заселённостью близлежащих равнинных территорий и отличиями природно-климатических условий, которые осложняли процесс физической, психологической и культурной адаптации переселенцев²⁸⁹.

Но всё это не означает, что в Дагестане процесс освоения горцами равнин ограничивался незначительными флуктуациями. Если в 1867 г. соотношение равнинников и горцев было 38,3% к 61,7%, то в 1897 г. мы видим другую картину. На плоскости проживало уже 43,2 % населения, а в горах 56,8%. При этом власти старались не создавать для новопоселенцев каких-либо административных барьеров, что облегчало процесс освоения ими равнин²⁹⁰.

В результате произошедшего оттока населения горные районы постепенно пустели. К началу нового столетия на равнину перебралось до 60% населения, а в ряде районов эти показатели были ещё больше. Согласно данным всеобщей переписи населения, проведённой в 1897 г., автохтонное население региона

²⁸⁶ Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 99.

²⁸⁷ Чеченцы / отв. ред. Л. Т. Соловьёва, В. А. Тишков, З. И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т Х.Ибрагимова РАН. М.: Наука, 2012. С. 75.

²⁸⁸ Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб: Петербургское Востоковедение, 2011. С. 41.

²⁸⁹ Карпов Ю. Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 407.

²⁹⁰ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 63.

насчитывало 622718 человек. Из них в Терской области проживало 513571, Ставропольской губернии 19651, Кубанской области 87558, а в Черноморском округе 1939 человек. Сконцентрированы они были в подавляющем числе в сельской местности²⁹¹.

Этническая территория народов Северного Кавказа существенно расширилась. Важной особенностью происходящих процессов следует назвать преодоление этнокультурного изоляционизма, воспринимать новые хозяйственные традиции и т.п.

О том, что в пореформенный период были достигнуты позитивные изменения, свидетельствует тот факт, что уровень воспроизводства населения значительно вырос и превосходил аналогичные показатели в других российских губерниях. Если в 1861 г. он оценивался в 11,2 %, то в 1900 г. был уже 13,9 %. Эти показатели достигались не только за счёт увеличения рождаемости, но и благодаря успехам в медицине, развитию торгово-промышленных контактов, которые минимизировали отрицательное влияние недородов.

Впрочем, для горцев эти позитивные сдвиги были не столь очевидны. Сказались человеческие потери в результате военных действий предшествующих десятилетий и отток значительной массы людей в Турцию. Оставшимся на Северном Кавказе автохтонным народам было нелегко восстановить демографические потери и высокие темпы воспроизводства стали проявляться лишь с 80-х гг. XIX века²⁹².

Согласно данным Всеподданнейшего отчета по состоянию Терской области за 1889 г., который, по словам составителя, был представлен лишь приблизительными цифрами, ситуация там была следующей: «Русских до 250000, Чеченцев до 182000, Осетин до 82000, Кабардинцев до 72000, Ингушей 40000, Ногайцев 38000, Кумыков 28000, Армян 15000, Тавлинцев 13000, Немцев 6000,

²⁹¹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 245.

²⁹² Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 88.

Евреев 5500, Грузин 1000, Поляков 500, Других, преимущественно горских, народностей, 23000»²⁹³.

Были годы, когда смертность даже превышала рождаемость. Так, в 1892 г. убыль в результате эпидемии холеры в Дагестане оценивалась в 12,9 тыс. человек, в Терской области в 6,7 тыс., в Ставропольской губернии – 0,6 тыс. и Кубанской области в 2,1 тыс. человек. Это общие показатели, но они, безусловно, касаются и горских народов, у которых уровень профессионального медицинского обслуживания был на низком уровне²⁹⁴.

Особенно тяжёлая ситуация сложилась в Дагестане. Здесь раньше не знали многих болезней, которые были распространены на равнине. Но деятельность отходников привела к тому, что привычная изолированность была нарушена, и это стало причиной появления инфекционных заболеваний, к которым местные жители были непривычны²⁹⁵.

В дальнейшем ситуация вновь стабилизировалась, и исследователи фиксируют рост численности коренных этносов региона при сохранении их ареалов расселения²⁹⁶. Сокращение их доли в общей численности населения Северного Кавказа объясняется не их смертностью, а массовой колонизацией региона, проходившей в рассматриваемый период.

Таким образом, массовое перемещение автохтонных народов Северного Кавказа в пределах региона во второй половине XIX в. было связано в значительной степени с последствиями того вооружённого противостояния, которое имело место в предшествующий период. Власти опасались, что рецидивы войны и дальше будут сотрясать край, а потому стремились поселить местные общества там, где они будут находиться под неусыпным военно-политическим контролем.

²⁹³ Всеподданнейший отчёт о состоянии Терской области и Терского казачьего войска за 1889 г. Б. м., б. г. С. 12.

²⁹⁴ Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 89.

²⁹⁵ Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб: Петербургское Востоковедение, 2011. С. 58-59.

²⁹⁶ Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 105-106.

Процесс миграций внутри края, имевший форму (большей частью) выселения с гор на плоскости, проходил с осложнениями и потребовал больших организационных, административно-правовых и военно-силовых мер. С середины 60-х гг. XIX века он осуществлялся, в том числе, в рамках общеимперских реформ 60-70-х гг.

Но это далеко не исчерпывало всех побудительных мотивов российской администрации. Стремясь к скорейшей экономической и культурной интеграции местных народов в общеимперское пространство, оно стимулировало освоение ими тех территорий (плоскости), где можно было рассчитывать на быстрый рост производительности труда, как в традиционных для Кавказа отраслях, так и в тех сферах, которые появились здесь под воздействием капиталистических отношений.

Благодаря произошедшим изменениям стала преодолеваться этническая разобщённость, ускорились процессы нациестроительства. Пусть и не сразу, но начали преодолеваться демографические потери, вызванные вооружённым противоборством и массовым исходом горского и кочевого населения за пределы России.

Глава 2. Казаче-крестьянское переселенческое движение и иностранные колонисты на Северном Кавказе в пореформенный период

2.1. Расширение славянской колонизации региона и его последствия

Во второй половине XIX столетия кардинальным образом изменились обстоятельства, которые влияли на процесс колонизации Северного Кавказа. Завершившееся масштабное вооружённое противостояние делало регион безопасным и привлекательным для хозяйственного освоения. Кроме того, реформы, начавшиеся с отменой крепостного права, стимулировали значительную часть населения империи перебираться в край, где с каждым годом требовалось всё больше рабочих рук.

В связи с тем обстоятельством, что в центральных губерниях страны был хронический дефицит земли, число таких охотников было велико, и это обеспечивало механический рост населения Северо-Кавказского края на протяжении всего изучаемого периода²⁹⁷.

Этот регион относился к зоне т.н. земледельческой колонизации²⁹⁸. И если в первой половине XIX века власти преимущественно сами выступали в качестве инициатора колонизации Северного Кавказа, то теперь вырос поток людей, которые на свой страх и риск стремились к перемене места жительства.

Таким образом, можно согласиться с существующим мнением о том, что до начала «эпохи великих реформ», ознаменованной освобождением из крепостной зависимости миллионов людей, переселенческого движения как самостоятельного

²⁹⁷ Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 93.

²⁹⁸ Тихонов Б. Н. Переселение в России во второй половине XIX в. по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М.: Наука, 1978. С. 45.

явления народной жизни фактически не существовало²⁹⁹. Теперь ситуация приобрела кардинально иные очертания. Появилась законная возможность искать лучшей доли на новых землях, и ею воспользовались, прежде всего, те, кто в результате передела собственности лишился своего хозяйства.

При этом государство самоустранилось от поддержки мигрантов, и «то деятельное сочувствие и содействие делу расселения крестьян, которое характеризовало переселенческую политику первой половины XIX столетия, со времени освобождения крестьян окончательно сменяется тем пассивным и по существу даже отрицательным отношением к вопросу о крестьянских переселениях, которое красной нитью проходит через всю историю переселенческой политики в последующее за освобождением крестьян тридцатилетие»³⁰⁰.

Причиной такого поворота со стороны властей стало то обстоятельство, при котором «в момент освобождения об организации переселенческого дела не позаботились, главным образом, под влиянием господствовавших либерально-манчестерских теорий»³⁰¹.

На практике это означало, что крестьяне должны были на собственные, как правило, скромные средства приживаться в незнакомой для себя местности, при этом преодолевать не только ландшафтно-климатические трудности, но и бюрократические препоны.

Но даже в такой ситуации наметившийся размах колонизационного потока вызывал тревогу у правительства. Вчерашние помещики опасались, что останутся без рабочих рук, а потому нередко их настроения формировали официальный курс Петербурга по вопросу переселения на окраинные земли. Кавказ в этом отношении имел свою особенность. Здесь политическая необходимость укоренить лояльное к власти население заставляла смириться с неизбежным недовольством землевладельцев.

²⁹⁹Кауфман А. А. Переселение и колонизация: Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 16.

³⁰⁰Кауфман А. А. Указ. соч. С. 17.

³⁰¹Кауфман А. А. Указ. соч. С. 17-18.

Для властей колонизация и переселенчество на Северный Кавказ была особой разновидностью институционального обмена, когда «в иное культурное пространство внедряются несвойственные ему ранее институты вместе с инородными людскими массивами, в силу чего как принимающее общество, так и принимаемые им общности отходят от предшествующему контакту моделей поведения, хотя культурная и этническая граница между старыми и новыми институтами сохраняется на неопределённо долгое время»³⁰². Главной задачей становилось распространение новых социальных институтов, носителями традиций которых были славянские колонисты.

Важность продвижения устоев имперской государственности и господствующей там социокультурной парадигмы определялась тем обстоятельством, что «культурно и ментально мир России был слишком далек от мира Кавказа и не вызывал в горских племенах пиетета, а потому мог занять только то пространство, которое сколько-нибудь отзывалось на его импульсы»³⁰³. Для прочного утверждения России в новоприобретенном регионе требовалось создание прочного и широкого социокультурного фундамента, способного содействовать продвижению и утверждению всех иных видов правительства.

Отмечается, что «именно стратегическими соображениями определялся ход колонизации Северо-Кавказского края, скорейшего вовлечения его в орбиту российской социально-политической и хозяйственно-культурной среды»³⁰⁴. В 1869 г. была созвана особая комиссия, занимавшаяся разработкой переселенческого закона. Её возглавил генерал-лейтенант А.М. Дондуков-Корсаков. Основной задачей этой комиссии было снятие бюрократических ограничений на пути у потенциальных колонистов, в числе которых, прежде всего, видели безземельных крестьян.

³⁰² Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. С. 32.

³⁰³ Лазарян С. С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. Пятигорск: РИА на КМВ, 2009. С. 234; Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 309 с.

³⁰⁴ Казначеев А. В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Пятигорск: Издательство «Технологический университет», 2005. С. 105; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 369. Л. 4-6.

Наиболее привлекательным регионом для переселенцев стала Кубанская область. Здесь число т.н. иногородних к середине 90-х гг. приблизилось к числу старожильческих поселенцев – казаков. Таким образом, с середины 70-х гг. темпы роста представителей гражданских сословий, которые проживали на земле Войска, увеличились в 6,5 раза³⁰⁵.

Как отмечал член Кубанского областного статистического комитета А. М. Мельников, «огромный и быстрый прилив иногороднего населения, - среди которого подавляющий процент представляли собою земледельцы и вообще чернорабочие, очень небольшой процент – ремесленники и мастера, и, наконец, незначительную дробь – обладатели капитала, торговцы – конечно должен был отразиться сильнейшим образом на экономическом и социальном положении края и изменить его физиономию быстро и радикально»³⁰⁶.

Подобная тенденция привела к тому, что механический прирост значительно превосходил естественный. По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, проведённой в 1897 г., доля русского населения в этой части Кавказа составила 90,6%, что обеспечивало их доминирование в хозяйственной, политической и культурной жизни области³⁰⁷. В начале следующего столетия эти цифры несколько возросли и составили 91,6 %³⁰⁸.

При анализе происхождения пришлого населения Кубанской области складывается следующая картина: «уроженцев других губерний и областей империи 93,68% родилось в европейской России, 0,37% – в губерниях Привисленских, 4,72% – на Кавказе, 0,10% – в Сибири, 0,05% – в Средней Азии, 0,01% – в Финляндии и 1,07% не указали места рождения. Из уроженцев Кавказа было уроженцев соседних Ставропольской губернии – 60,27% и Терской области

³⁰⁵ Мельников А. М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1900. Т. VI. С. 82-83.

³⁰⁶ Там же, с. 83.

³⁰⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Кубанская область. СПб., 1905. Т. 65. С. 60.

³⁰⁸ Шершенко А. И. Правовое и экономическое положение иногородних Северного Кавказа в связи с хозяйственным развитием края. Выпуск I. Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1906. Т. I. С. 17.

– 17,19%»³⁰⁹. Если конкретизировать, откуда приходили выходцы европейской части России, составлявшие 77,5% от общего числа колонистов, то здесь фигурировали Воронежская, Харьковская, Полтавская, Курская, Екатеринославская, Черниговская, Орловская, Таврическая, Тамбовская губернии и Донская область.

Представляется, что сокращение на этом фоне в процентном отношении числа коренных жителей Кубани объясняется не их вымиранием, а отсутствием миграционной «подпитки»³¹⁰. Естественный прирост, как уже отмечалось, не мог столь быстро изменить численные показатели этносов после массового выселения в Турцию.

Славянская колонизация районов Терека была несколько меньше. Привлекательность этих территорий возникла лишь после того, как земельный фонд на Северо-Западном Кавказе оказался исчерпан. Согласно произведённым статистическим подсчётам, за 1867 г. русское население области насчитывало 123036 человек, без учёта регулярных войск, расквартированных в этих местах на постоянной основе³¹¹.

На Тереке первоначально большое количество переселенцев-крестьян поселялись в казачьих станицах, арендуя станичные земли. Колонизационным фондом в данном районе «выступали запасные и частновладельческие земли, для обработки которых были нужны иногородние арендаторы»³¹².

Лишь со второй половины 80-х годов ситуация стала меняться. При этом переселенцы оседали преимущественно в городах, тогда как на территории Терского казачьего войска «иногородних» было в разы меньше. По данным переписи 1897 г., их было уже 314644 человека³¹³.

³⁰⁹ Шершенко А. И. Правовое и экономическое положение иногородних Северного Кавказа в связи с хозяйственным развитием края. Выпуск I. Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1906. Т. I. С. 19-20.

³¹⁰ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: дис... канд. ист. наук. М., 2002. С. 48.

³¹¹ Сборник статистических сведений о Кавказе / Составлен и издан под редакцией Н. И. Воронова. Тифлис, 1869. Т. I. С. 20.

³¹² Казначеев А. В. Указ. соч. С.112; Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 113.

³¹³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Терская область. СПб., 1905. Т. 68. С. 58.

Меньше всего желающих переселиться на Кавказ привлекал Дагестан. Проблема приживаемости новопоселенцев в данном районе была более острой и непростой. Ландшафтное и климатическое своеобразие делало его ограниченно пригодным для проживания большой массы населения. Кроме того, эта территория ранее не подвергалась казачьей колонизации, что создавало дополнительные трудности для новосёлов в иноэтничной среде³¹⁴. Материалы Н.И. Воронова содержат сведения о том, что здесь в 1867 г. проживало 4041 русский. И даже с оговоркой, что автор не учитывал население г. Петровска и личный состав войск, эта цифра явно уступает показателям соседних регионов³¹⁵. В дальнейшем эти показатели изменились в сторону увеличения, но незначительно – к 1897 г. насчитывалось около 6200 человек. Русское гражданское население Дагестана составляло примерно 1,1 % от общего числа жителей области³¹⁶.

В рассматриваемый период времени, как уже указывалось ранее, официальные власти уже не принимали непосредственного участия в колонизации края. Она имела скорее стихийный характер. В то же время до начала 80-х годов никаких ограничений и препятствий желающим перебраться на Кавказ не создавали. Более того, в 1869 г. новосёлы получили право приобретать собственность на землях, принадлежащих казачьим войскам, и для этого совсем не нужно было добиваться разрешения станичных обществ.

Согласно принятому закону, «во всех без изъятия казачьих войсках русские подданные не войскового сословия имеют право приобретать в собственность в существующих на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения, на общем основании, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества. При сём земля под означенными строениями, оставаясь собственностью войска, или же городского или станичного общества, находится в постоянном пользовании приобретателя,

³¹⁴ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в. ... С. 49.

³¹⁵ Сборник статистических сведений о Кавказе / Составлен и издан под редакцией Н. И. Воронова. Тифлис, 1869. Т. I. С. 20.

³¹⁶ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в. ... С. 50.

со взносом ежегодно в войсковые, городские или станичные суммы установленной посаженной платы»³¹⁷.

Далеко не все помещики, которые имели жалованные им за службу земли, смогли наладить на них успешную деятельность. Немало было тех, кто поспешил избавиться от наделов, уловив выгодную конъюнктуру спроса. Так, в Кубанской области к середине 90-х гг. было реализовано до 86% жалованных земель. В соседней Ставропольской губернии ситуация была не столь однозначной, но и здесь к 1881 г. владельцы избавились от 44,4 % принадлежащих им площадей³¹⁸.

С началом царствования Александра III положение меняется. Новый император считал опасным процесс разрушения казачьей сословной замкнутости и предпринял шаги по ограничению этого явления. А.М. Дондуков-Корсаков, который занимал пост Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа, сдерживал миграционный поток в регион. Более того, были пересмотрены правила, разрешающие иногородним селиться в станицах без согласования с казачьими обществами. Те же переселенцы, которые обосновались на новом месте без разрешения властей, подвергались насильственному изгнанию, а их дома разрушались³¹⁹.

Надо отметить, что значительная часть казачества с одобрением отнеслась к таким мерам. Быстро богатевшие иногородние вызывали у них опасение, т.к. в перспективе они могли лишиться казачество доминирующего положения в крае, поэтому для конкурентов стремились создать значительные трудности. Например, завышалась арендная плата за пользование землёй, вводились запреты на использование пастбищ и т.п.

Но при всём желании избавиться от желающих остаться на Кавказе власти и их добровольные помощники не могли. Только в Ставропольской губернии в 1873 г. незаконно проживало не менее 10 тысяч человек, а в Кубанской области в 1882 г. их было около 30 тысяч³²⁰.

³¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. СПб., 1873. Т. 43. № 45785. С. 473.

³¹⁸ Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. Т. I. С. 236.

³¹⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1395. Л. 30 об., 31 об.

³²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 116. Л. 2.

Уместно процитировать А. М. Мельникова, который, основательно занимаясь этой проблемой, пришёл к следующему выводу: «Антагонизм между «иностранцами» и казаками существовал не только на станичной почве и проявился не только в отношениях между низшими слоями населения. В одинаковой мере он имел место и в более высших общественных слоях. Чиновничество и офицерство, служащее войску и происходившее из того же войска, не могло остаться в стороне от действия условий, порождающих и питающих антагонистов. На долю их доставались места преимущественно лишь по административному и военному управлению: в прочих же учреждениях участие высших слоёв войскового сословия было незначительно. И коренной обыватель обижался, что пришелец заполнил собою все почти учреждения и проник даже в беспорно принадлежащую ему область административного и военного управления. С другой стороны, в качестве землевладельца, коренной обыватель не избежал пагубного нашествия торгово-промышленного люда, мало по малу скупившего за бесценок значительные пространства принадлежащих ему земель... В иногородних, без различия классовых подразделений, казак высшего ранга видел и своих собственных, личных неприятелей»³²¹. В Кубанской области на такое отношение, видимо, оказывала влияние массовость переселенческого потока, который быстро привёл к земельному дефициту, ставшему причиной конфликта.

Подобного рода предубеждение против иногородних получило распространение и на Северо-Восточном Кавказе. Вот, что писал по этому поводу известный северокавказский просветитель К.Л. Хетагуров в своей статье «Насущные вопросы», которая вышла в свет в 1901 г.: «Назойливое слово «иностранец» в казачьих станицах – в осетинских селениях заменилось словом «временнопроживающий», оно тем более ужасно, что ни у одного из них нигде не осталось ни кола, ни двора. Неся наравне со всеми коренными жителями, а зачастую и вне очереди, все общественные и земские повинности натурой и

³²¹ Мельников А. М. Иностранцы в Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1900. Т. VI. С. 103-104.

деньгами, платя обществу за усадьбу, арендуя для пахоты, покоса и пастьбы за дорогую цену участки коренных жителей, эти несчастные пасынки и не пользуются даже правом голоса на сходах. Но и это, куда не шло, можно стерпеть, но горе, что вопрос о «временнопроживающих» дошёл до такого напряжения, что далее некуда. Начинают выступать уже адвокаты в защиту коренных жителей и, главным образом, кулаков и мироедов, которые не хотят примириться с тем, что они уже не могут вспахивать так много земли, которую они до наплыва «временнопроживающих» арендовали за бесценок. Как теперь от них избавиться? Очень просто! – Найдём адвоката и выгоним их вон!»³²².

Но и сами иногородние постепенно начинали отстаивать свои права, привлекая для этого «грамотеев» из собственной среды. Любопытный в этом отношении эпизод мы находим в воспоминаниях Г.И. Успенского, который в 1886 г. был на Кубани и столкнулся с таким человеком. В ходе завязавшегося разговора писатель узнал, что его собеседник выходец из Курской губернии, родившийся в семье, занимавшейся портняжным ремеслом, и тому же портняжному мастерству обучился сам. Однако его увлекло переселенческое движение односельчан, и он, пристал к переселенческой партии и ушел на новые места. На Кавказе он «пристрастился к земледельческому труду, полюбил его, вошел во вкус мельчайших подробностей этого труда и трудовой жизни... Земледельческая жизнь заполонила его всего; из работников он выбился в хозяева, женился и вот теперь едет в Екатеринодар, ходяком от всего общества, хлопотать за мужицкие права, попираемые казаком... Этот ходатай постоит за те пятьсот семейств, которые его послали хлопотать об их деле; этот не уступит, «вопьется» и уже добьется своего»³²³.

Но вскоре власти убедились в том, что заметные экономические успехи Кубанской области зиждутся во многом на труде именно иногороднего населения. Вновь восторжествовала идея о том, что «край нуждается в постоянном рабочем населении, которое жило бы здесь...» и «привлечение крестьян крайне

³²² Хетагуров К. Собрание сочинений. В 3-х томах. Т.3. Статьи. Письма. М.: «Худож. лит.», 1974. С. 176-177.

³²³ Успенский Г. И. Власть земли / Сост., предисл. и примеч. В. И. Бельдюгова. М.: Сов. Россия, 1984. С. 305-306.

необходимо»³²⁴. Поэтому с отставкой А.М. Дондукова-Корсакова позиция царской администрации вновь была подвергнута коррективе, и шаги, направленные на предотвращение колонизации, отменили³²⁵.

В конце XIX в. Кубань вошла в тройку лидеров среди губерний и областей России по привлекательности для переселения. Наёмные работники из числа иногородних заняли львиную долю местного производственного рынка. Во время сезонных работ в область приезжало до 200 тысяч человек³²⁶.

Вызывает интерес «Положение...» Комитета министров, принятое 15 апреля 1899 г., в котором давалось разрешение переселяться на Кавказ русским крестьянам православного вероисповедания. Они получали освобождение от казённых платежей в течение двух лет и земельный надел. Оговаривалось, что эти меры носят временный характер, и в дальнейшем будут корректироваться³²⁷.

На территорию Ставрополя начиная с 1860 г. устремились выходцы из Курской, Воронежской, Орловской, Черниговской, Екатеринославской, Полтавской и Харьковской губерний³²⁸. На них приходилось до 70 % от общего числа переселенцев из европейской части России. По этническому составу доминировали великороссы и малороссы. Первых было 55,2%, а вторых около 33,6 %. Ими до 1889 г. было основано 44 новых селения, среди которых выделялись такие как Арзгир, Винодельное, позднее переименованное в Ипатово, Дербетовское и т.д.³²⁹.

Наиболее привлекательным районом заселения для крестьян-мигрантов стала территория междуречья Кумы и Егорлыка. Известный исследователь Северного Кавказа и Ставрополя в частности – П.А. Шацкий отмечал рост численности населения Ставропольской губернии в пореформенный период,

³²⁴ Кавказский берег Черного моря // Отечественные записки. 1878. № 3. С. 55.

³²⁵ Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в. ... С.51-52.

³²⁶ Казначеев А. В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Пятигорск: Издательство «Технологический университет», 2005. С. 121.

³²⁷ Варивода Н. В. Переселенческая политика России на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX в. // VII славянские чтения в Кабардино-Балкарии: Материалы научно-практической конференции: сборник. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 27.

³²⁸ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 79. Оп. 1. Д. 89. Л. 6; Невская Т. А., Чекменёв С. А. Ставропольские крестьяне. Очерк хозяйства, культуры и быта. Минеральные Воды: Изд-во «Кавказская здравница», 1994. С. 12.

³²⁹ Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. Т. I. С. 237.

который происходил посредством двух процессов: естественного (старожильческое население) и механического (мигранты всех типов) прироста³³⁰. Вообще по темпам прироста населения на Северном Кавказе Ставропольская губерния вместе с Кубанской областью выступала в роли лидера. Естественный прирост на Ставрополье достигал в 1861-1870 гг. -7,8%, в 1871-1880 гг. – 16,7%, в 1881-1890 гг. – 20,3%, в 1891-1900 гг. – 20,4%. В целом за счет воспроизводства население губернии в 1864-1900 гг. увеличилось на 420 тыс. человек, что касается механического прироста, то он играл решающую роль лишь в 60-70-е гг., а в последующие периоды его значение снижается³³¹. Надо отметить, что динамика роста населения на Ставрополье была значительной. Если в 1867 г. в губернии проживало немногим более 341 тыс. чел., то к 1897 г. их уже насчитывалось 873 тыс. чел., т.е. численность населения выросла более, чем в 1,5 раза³³².

Нередко, перебравшиеся на новое место колонисты старались убедить и своих родственников переселиться на Северный Кавказ. Он перестал быть *terra incognita* для тысяч сезонных работников, которые из года в год приходили сюда на заработки и имели собственное представление о ситуации в крае. Такая неформальная агитация способствовала притоку новых людей из центральных губерний империи. Чтобы облегчить адаптацию на новом месте, власти давали поселенцам отсрочку на три года по рекрутской повинности³³³.

Благодаря притоку новых жителей некогда небольшие хутора превращались в крупные сёла. Те, в свою очередь, разрастались до размеров уездных городов центральной России, становясь преуспевающими торгово-промышленными центрами. По сравнению с началом столетия количество дворов в них возросло в десять раз. В среднем, если брать показатели 70-х гг. XIX века в отдельном селе располагалось около 476 дворов и до четырёх тысяч жителей. Крупнейшим селом

³³⁰ Шацкий П. А. Заселение Ставрополья после реформ 1861 года и положение крестьян-переселенцев // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. Вып. 11. С. 201.

³³¹ Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 90-91.

³³² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4733.

³³³ Край наш Ставрополье: Очерки истории / Научные редакторы проф. Д. В. Кочура и проф. В. П. Невская. Ставрополь: Шат-гора, 1999. С. 145.

губернии была Прасковья. Здесь насчитывалось 1196 дворов³³⁴. Всего к концу 80-х гг. XIX в. в губернии насчитывалось 1186 населенных пунктов: 132 села и отселка, 260 хуторов на частных землях, 633 хутора на общинных землях и 82 зимовки и сторожки при почтовых станциях, располагавшихся вдоль дорог³³⁵.

Уже к концу 60-х гг. XIX века на Ставрополье начал ощущаться недостаток пригодной для земледелия земли. К этому времени большинство удобных для земледелия пространств уже было введено в хозяйственную деятельность. Бывший на тот период в руках Казны земельный фонд имел значительный дефект из-за безводья или, лучше сказать, из-за дефицита пригодной для употребления воды, без которой невозможно было успешно заниматься сельскохозяйственной деятельностью.

Проблема состояла не в том, что вода отсутствовала вообще, а в том, что ставропольские реки, например, как Невинка или Барсуки с их притоками, в летнее время совершенно пересыхали, а вода из рек Егорлык, Калаус или Маныч была горько-соленой от почвенных примесей. Кроме того, растущее присутствие населения в пойме реки Томузловки привело к тому, что вода в ней стала приходить в негодность от загрязнений, свалок нечистот, засорявших её берега, и к 80-м годам XIX века «до такой степени испортилась, что не только люди, даже домашние животные неохотно и с очевидным отвращением утоляют ею свою жажду»³³⁶.

Для исправления положения стали практиковать изыскания пресной воды с использованием методов бурения. Кроме того, часть кочевого населения переходила к осёдлости, а это также давало дополнительные земельные резервы для поселян³³⁷.

³³⁴ Край наш Ставрополье: Очерки истории ... С.146.

³³⁵ Фадеев А. В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в до-реформенный период // История СССР. М., 1957. № 1. С. 36.

³³⁶ Невская Т. А. Поселения и жилища сельского населения Ставрополья в XIX – XX веках // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь: Книжное издательство, 1988. Вып. 15-16. С. 51.

³³⁷ Край наш Ставрополье: Очерки истории ... С. 143-144; Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М.: Наука, 1981. С. 151.

У новосёлов сразу стали возникать и другие многочисленные препятствия³³⁸. Вот, как описывал переселение крестьян Рязанской губернии, которые устремились в Предкавказье, дореволюционный историк В.Н. Григорьев: «В 1863 году бывшие помещичьи крестьяне Сергиево-Шереметьевской волости, Раненбургского уезда, двинулись массой в 630 ревизских душ в Ставропольскую губернию. Это движение замечательно своей необдуманностью и тяжёлыми последствиями для переселенцев; сами крестьяне так объясняли причину его: «открылась воля; можно было идти на все четыре стороны, – и пошли, кто куда, счастья искать». Ещё во время крепостного права некоторые крестьяне Шереметьевской волости ходили в Ставропольскую губернию пильщиками и гуртовщиками. Привольное житьё тех мест им нравилось всегда, а когда при введении уставных грамот им показалось, что они «землёю обижены», что получают не то, чего ожидали, – они отказались от надела, распродали имущество и пошли в Ставропольскую губернию. Таким образом, вышли тогда из сёл Сергиево-Шереметьевского, Ново-Сергиевского и деревни Конюховки до 630 душ. В Ставропольскую губернию они попали в неурожайный год; многие перемерли и переболели лихорадками, а в особенности были напуганы обязательностью перехода «в казачий оклад». Хотя впоследствии путём административной переписки и было, кажется, выяснено, что перечислены в казаки будут только желающие, но пока шла переписка – шереметьевцы массами стали возвращаться на родину, так что в Ставропольской губернии осталось не более 30 семей»³³⁹.

Тех, кто вернулся на прежнее место жительства, никто не ждал. Их бывшие наделы, от которых они отказались, передали другим владельцам. Немногочисленные накопления были истрачены, и они оказались полностью разорены. Большинство неудачливых колонистов разбрелись «по сторонам, а

³³⁸ Чекменёв С. А. Переселенцы (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). Пятигорск: ТОО «Кинт», 1994. С. 58.

³³⁹ Григорьев В. Н. Переселения крестьян Рязанской губернии / С отзывами проф. А. И. Чупрова и А. И. Кошелева. М., 1885. С. 12.

некоторые снова пытаются устроиться в Ставропольской губернии»³⁴⁰. И таких случаев, видимо было немало. Даже с участием государства процесс адаптации (приживаемость) на новых местах происходил крайне болезненно. Когда же крестьяне были предоставлены сами себе, риск оказаться, на грани нищеты и вымирания был на порядок выше.

Чтобы не стать жертвами такого спонтанного переезда и узнать, где лучше всего остановиться на поселение, крестьяне посылали вначале несколько ходоков, которых снабжали для этого средствами из собственных сбережений. Они приезжали в Ставрополь, и здесь чиновники местной администрации отправляли их на ещё не занятые казённые земли. Осмотревшись на месте, такие ходоки должны были принять решение о целесообразности перебираться сюда уже всем обществом. Большую роль играли рассказы старожилов, у которых старались разузнать об особенностях климата, видах на урожай, качестве воды и т.д.

В конечном итоге был выработан следующий порядок наделения землёй на территории Ставропольской губернии. Объявлялось о начале межевания участков, предназначенных для новосёлов. Узнав об этом, крестьяне, которые находились в губернии на заработках, приходили знакомиться с землёй, чтобы выбрать для себя подходящий участок. Власти настаивали на предварительном ознакомлении потенциальных колонистов с будущим местом жительства, т.к. нередко были случаи, когда, убедившись в малой пригодности такого надела, новосёлы просто забрасывали их. Если качество земли крестьянин считал удовлетворительным, он писал прошение на имя губернатора и получал от него удостоверение о наличии свободного участка для поселения. По этому удостоверению они получали увольнительные свидетельства по прежнему месту жительства и могли на законном основании готовиться к переезду. Выдавали такой документ лишь в том случае, если за претендентом не числилось долгов по налогам и сборам.

Потенциальному колонисту было нелегко принять окончательное решение и «сжечь мосты». Он должен был добровольно отказаться в пользу общины от

³⁴⁰ Григорьев В. Н. Указ. соч. С. 13.

своего надела на безвозмездной основе. Кроме этого, переселенец доказывал свою имущественную состоятельность. Для обзаведения хозяйством на новом месте предполагалось иметь не менее 125-300 рублей капитала, в противном случае разрешение покинуть прежнее место жительства не выдавалось. Учитывая, что многие решались на переезд под гнётом нужды, далеко не все могли собрать необходимую сумму³⁴¹.

Нередко бюрократические проволочки приводили к тому, что переселенец и его семья не получали такие документы своевременно, а по истечении полугода они уже не могли претендовать на предварительно выбранный участок. Иногда администрация на прежнем месте жительства обещала выслать документы позже, и когда мигрант прибывал на Ставрополье, он не имел юридического права претендовать на новый участок. Не получив вовремя обещанные бумаги и истратив все свои накопления, такой переселенец вынужден был возвращаться обратно³⁴².

Дополнительные препоны с легализацией возникали у тех семей, которые предпочитали поселиться не на новом месте, а расположиться в уже имеющихся сёлах. Для этого нужно было предоставить приёмный приговор от местного общества, а давали его крайне неохотно. Наметившийся дефицит земли делал такую задачу почти неосуществимой, и десятилетиями такие люди не причислялись к сельскому обществу и не могли претендовать на свой надел.

Если до 70-х гг. XIX в. земельный вопрос ещё можно было разрешить, то к концу столетия надежды у иногородних уже не оставалось. Между тем их численность на Ставрополье достигла 130 тыс. человек, что приводило к социальной напряжённости в местных поселениях³⁴³. Число селений, где существовали резервы земли, было невелико. На Ставрополье это были Куршавское, Арзгир, Кистинское и др.

³⁴¹ Варивода Н. В. Переселенческая политика России на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX в. // VII славянские чтения в Кабардино-Балкарии: Материалы научно-практической конференции: сборник. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 27.

³⁴² Край наш Ставрополье: Очерки истории ... С.144.

³⁴³ Там же, с.145.

Согласно действующим «Правилам о поземельном устройстве государственных крестьян в Ставропольской губернии», чётко оговаривалось количество земли, закреплённое за каждым селением, что «сильно ухудшило положение иногородних крестьян, которые до этого времени во многих сёлах пользовались земельными наделами, а после введения «владенных записей» оказались лишены надела...»³⁴⁴.

Доходило до столкновений, и, как отмечали современники, они «приняли бы более крупные размеры, если бы в руках администрации не было возможности во всяком месте призвать для восстановления нарушенного порядка военную силу. Таким образом, над иногородним населением постоянно висел Дамоклов меч. Не подлежит, однако, сомнению, что такой способ предупреждения беспорядков мало симпатичен и было бы желательно устранить те причины, которыми обуславливается самая возможность беспорядков»³⁴⁵. Но эти благие пожелания не были услышаны, что в итоге привело к революционным эксцессам 1905-1907 гг.

Впрочем, на Кавказ устремлялись не только малообеспеченные слои населения. Например, среди переселенческого населения Ставропольской губернии 8,5% составляли выходцы из дворян, большая часть которых селилась в губернском центре, где они могли занимать места в административных органах и различных городских учреждениях, «применить выгоднейшим образом свои капиталы»³⁴⁶. Достаточно много было и состоятельных людей, которые хотели воспользоваться обширными пастбищами для того, чтобы заниматься товарным животноводством. Их обобщённо называли «тавричанами», т.к. многие из них были выходцами из Таврической губернии³⁴⁷.

Как и в первой половине столетия, серьёзным испытанием для колонистов становился процесс акклиматизации. В процессе приспособления к новой воде,

³⁴⁴ Край наш Ставрополье: Очерки истории ... С.149.

³⁴⁵ Шершенко А. И. Правовое и экономическое положение иногородних Северного Кавказа в связи с хозяйственным развитием края. Выпуск I. Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1906. Т. I. С. 18.

³⁴⁶ Шацкий П. А., Муравьев В. Н. Ставрополь. Исторический очерк. Ставрополь: Книжное изд-во, 1977. С. 35-36.

³⁴⁷ Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. Т. I. С. 239.

температурному режиму и т.п. новосёлы часто болели. Особенно трудно приходилось детям. Повсеместно встречались случаи заболевания корью, скарлатиной, оспой, что при скудости питания и отсутствии нормальных гигиенических условий заканчивалось летальным исходом. Для Ставрополя наиболее проблемным в этом отношении был Новогригорьевский уезд, где в конце 70-х гг. XIX в. власти констатировали вымирание населения³⁴⁸.

Затруднялся процесс переселения на Кавказ крайней неэффективностью гужевого транспорта. Как правило, в семье мигрантов была лишь одна лошадь, а потому количество перевозимых вещей должно было ограничиться единственной телегой. При этом, опасаясь за сохранность в рабочем состоянии единственной тягловой силы, крестьяне стремились не перегружать её вещами, сами, по возможности шли пешком. В такой ситуации переезд занимал длительное время, затрачивались средства на фураж и продовольствие. На место люди приходили фактически без стартового капитала и даже при самых благоприятных обстоятельствах долго не могли организовать крепкое хозяйство. Данные статистики говорят о том, что свыше 20% крестьянских семей на Ставрополье в 1883 г. не имели собственного хозяйства.

Лишь строительство железной дороги изменило существующее положение вещей. Неслучайно, что с 1875 г. приток новопоселенцев начинает возрастать. И это происходило несмотря на то, что саму железную дорогу возводили преимущественно для нужд армии. Даже место её расположения признавалось крайне неудачным с точки зрения хозяйственных интересов региона. Она прошла мимо многих важных административно-хозяйственных поселений, что препятствовало рентабельности этой важнейшей для судьбы края магистрали³⁴⁹.

Тем не менее, открывающиеся перспективы были оптимистичны. Вместе с дорогой появился и новый тип поселений – посёлки при железнодорожных станциях. Так, в Кабарде наиболее крупные места жительства железнодорожных рабочих и членов их семей возникли при станциях Котляревская и Прохладная. В

³⁴⁸ Очерки истории Ставропольского края... С.238; Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1950. Вып. 2-3. С. 205-206; Гаазов В. Л. Город Ставрополь и его окрестности. М., 2006. С. 392-401.

³⁴⁹ Край наш Ставрополье: Очерки истории ... С. 146-147; ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1527. Л. 14.

последней, по данным на 1879 г., проживало уже 129 человек. К ним охотно подселялись ремесленники, торговцы и т.д.³⁵⁰ В самой станице большинство составляли казаки.

В отличие от других социальных групп, которые достаточно быстро увеличивали своё присутствие в регионе, количество казаков возрастало не столь скорыми темпами. Связано это было с тем, что они превращались в замкнутое сословие, войти в которое было затруднительно – это требовало большого числа бюрократических согласований. Поэтому можно говорить о естественном, а не механическом приросте среди этой категории подданных империи. В 1860 г. их в Кабарде проживало 8613 человек, а в 1880 г. уже 11394³⁵¹.

Иногородние в казачьих станицах к 1880 г. насчитывали 561 человека. Это было в три раза больше показателей двадцатилетней давности. Больше всего их проживало в станице Прохладной, а меньше всего – в станице Солдатской. Как правило, это были ремесленники, подёнщики или мелкие торговцы. Нередко среди них можно было увидеть отставных солдат. Заниматься сельскохозяйственным трудом иногородним было затруднительно, т.к. рассчитывать на получение земельного надела они не могли.

Социальный состав русского населения, которое формировалось в Кабарде во второй половине XIX столетия, был пёстрым. Эта часть Северного Кавказа привлекала колонистов возможностью арендовать или купить участок земли. После земельной реформы 80-х гг. у местного офицерства и представителей кабардинской феодальной верхушки в собственности были наделы, которыми они не пользовались и предпочитали от них избавиться. Арендная плата за десятину в 1889 г. оценивалась от 60 коп. до 2 рублей 50 копеек. Это было доступно для многих иногородних. (Для сравнения – в Самарском уезде арендаторы-посредники приобретали право на землю за 2 рубля 30 копеек за десятину, а

³⁵⁰ Тхамокова И. Х. Русское и украинское поселение Кабардино-Балкарии. Нальчик: Издательство «Эль-Фа», 2000. С. 35.

³⁵¹ Тхамокова И. Х. Указ. соч. С. 35.

потом сбывали её нуждающимся уже за 6 и даже 10 рублей³⁵².) Наиболее состоятельные вполне могли выкупить её полностью. Иногда на такой земле возникали посёлки, как, например, Новоивановский, появившейся на бывших землях подполковника Цугулиева.

Получила распространения такая форма поселений как хутора. В одном только Нальчикском округе таких хуторов в 1889 г. было 25. Здесь проживало 1 630 человек из числа недавно поселившихся в крае лиц. Размеры хуторов варьировались. Некоторые имели всего один двор, но встречались хутора, не уступавшие посёлкам. Так, в одном только хуторе на реке Куркужин проживало 233 человека. Это были выходцы из Харьковской губернии, которые держались вместе, резонно предположив, что так будет легче выживать в новом для себя месте³⁵³.

Заметный рост местного русского населения фиксируется в 90-е годы XIX столетия. Это нашло отражение не только в увеличении численности жителей уже имеющихся хуторов, но и появлении новых поселений. Трансформация хуторов в посёлки привела к тому, что численность населения оставшихся заметно уменьшилась и составляла в среднем 18 человек.

Из всех населённых пунктов Кабарды больше всего русского населения было в слободе Нальчик. В 1889 г. здесь только иногородних проживало 1123 человека – почти половина от всего состава населения.

Иногородними считались те поселяне, которые появились в Нальчике после 1871 г. В целом, исследователи констатируют, что «точную численность казацкого русского и украинского населения подсчитать трудно, поскольку население некоторых сёл и хуторов, не говоря уже о слободе Нальчик, было этнически неоднородным, а сведения о национальном составе в большинстве случаев не сохранилось»³⁵⁴. Помимо русских, здесь проживали немцы, армяне,

³⁵² Казначеев А. В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Пятигорск: Издательство «Технологический университет», 2005. С. 113.

³⁵³ Тхамокова И. Х. Указ. соч. С. 37-38.

³⁵⁴ Тхамокова И. Х. Указ. соч. С. 39.

евреи, персы и т.д., впрочем, их было не очень много, несколько десятков человек.

По приблизительным подсчётам восточнославянское население этой части Северного Кавказа в 1889 г. оценивалось в 20 тыс. человек. Такие данные мы получаем при анализе языковой принадлежности жителей, но отделить в этом случае великороссов от малороссов и белорусов не представляется возможным. Благодаря тому, что в опросные листы переписи 1897 г. был введён пункт, который уточнял языковую особенность фиксируемого актора, полученные данные позволяют определить специфику хозяйственной занятости местного русскоговорящего населения. Так, выходцы из Малороссии преимущественно были заняты сельским трудом. В этой сфере производства нашли себя до 90% всех колонистов-украинцев (общее число их в Нальчикском округе 4745 человек). Русские занимались земледелием в меньшем масштабе, примерно 63,7%, а остальные предпочитали ремёсла, торговлю, занятие медициной, военную службу и службу на государственных должностях в качестве чиновников (общее число 4811 человек)³⁵⁵.

Новопоселенцы прибывали на территорию Кабарды из разных мест. Здесь преобладали выходцы из Полтавской губернии, но были и представители соседних территорий – Ставропольской губернии, Кубанской области и Войска Донского. В последних случаях, скорее всего, это были сельскохозяйственные работники, которые пришли сюда на время. В целом картина получается достаточно пёстрая, ведь, помимо упомянутых регионов, были представители поволжских и центрально-чернозёмных губерний, где земельный дефицит ощущался наиболее сильно³⁵⁶. В Пятигорском отделе Терской области в 1897 г. фиксировалось 884 семьи переселенцев. Общая численность составляла 5 551 человек обоего пола³⁵⁷.

³⁵⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Терская область. СПб., 1905. Т. 68. С. 58-59, 168-175.

³⁵⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Терская область. СПб., 1905. Т. 68. С. 28-30.

³⁵⁷ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 58. Д. 344. Л. 212.

По инициативе возглавлявшего Терскую область С.В. Каханова было предложено открыть отделение Крестьянского банка, который должен был субсидировать приобретение переселенцами земельных наделов. В своём Всеподданнейшем отчёте за 1893 г. он писал: «Наиболее существенное содействие в данном случае мог бы оказать крестьянский банк, как учреждение, образованное с целью облегчения крестьянам всех наименований способов к покупке земель. К сожалению, действия этого банка на Терскую область ещё не распространены. Однако Министру Финансов предоставлено, по соглашению с Министром Внутренних дел, постепенно распространять действия банка на местности, где это будет признано полезным, и открывать с этой целью местные отделения, при отделениях и конторах государственного банка, или же самостоятельно от этих учреждений. Поэтому в отчётном году я вошёл, чрез Командующего войсками округа, с ходатайством о возможно скорейшем открытии местного отделения крестьянского банка при Владикавказском отделении государственного банка»³⁵⁸.

Но даже наличие доступных кредитов не могло изменить отсутствие необходимого земельного фонда. На Тереке он был достаточно скудным и не мог в должной мере обеспечить потребности уже проживающих здесь людей. Тем не менее, правительство издавало соответствующие распоряжения, позволяющие горнозаводским рабочим, однодворцам из западных губерний, батракам, бобылям (безземельным крестьянам), солдатам-отставникам переселяться в эту часть Кавказа³⁵⁹.

Выход искали в приобретении земель у привилегированных сословий. Например, в 1894 г. в поземельном банке находилось в залоге 53 участка, ранее принадлежавших высшим офицерам и представителям местной феодальной верхушки³⁶⁰.

³⁵⁸ Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1893 год. Владикавказ, 1894. С. 16.

³⁵⁹ Казначеев А. В. Указ. соч. С. 111-112.

³⁶⁰ Бабич И. Л., Степанов В. В. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. 1860-1990-е годы / Отв. ред. Н. А. Лопуленко. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 29.

Такой подход отчасти снимал противоречия между новопоселенцами и горцами. Кроме того, в Терскую область в пореформенный период прибыло лишь 13% от общего числа колонистов, и большая их часть предпочла осесть в городах. Примечательно, что в конце XIX в. было распаханно лишь 8% пригодной для полеводства земли, т.е. определённый резерв для дальнейшего обеспечения старожильческого населения наделами сохранялся³⁶¹.

На русские поселения в горском окружении смотрели как на источник межкультурного обмена, а потому старались, чтобы численность проживавших здесь людей не уменьшалась. По крайней мере, такую мотивацию мы видим в следующем Всеподданнейшем отчёте за 1894 г. Говоря о слободах в Шатое, Ведено и Воздвиженской автор отмечал, что «будучи местными торговыми и административными центрами, они находятся в деятельных сношениях с окрестными чеченскими селениями и таким образом без всяких искусственных мер, путём непосредственного влияния, вносят в жизнь и понятия чеченцев элементы цивилизации»³⁶².

В свою очередь русские поселенцы усваивали элементы чеченской культуры, учились специфике жизни в непривычных для себя ландшафтно-климатических условиях. Но, несмотря на предпринимаемые шаги, число поселенцев не только не увеличивалось, но даже стало сокращаться, что в немалой степени объяснялось отсутствием в горах необходимого количества земель, пригодных для занятия сельским хозяйством.

Что касается Дагестана, то здесь усилия по укоренению новых русских поселенцев оказывались малопродуктивными. Как правило, если здесь и появлялись выходцы из центральных губерний страны, то очень скоро они перебирались в Закавказье.

В немалой степени это объяснялось тем, что колонистам «...предоставлялись участки, сплошь покрытые кустарниками и камнями,

³⁶¹ Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. С. 46.

³⁶² Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1894 год. Владикавказ, 1895. С. 8.

болотистые места. Земли, предоставленные русским, поселившимся на территории Кизлярского района, были малопригодны для выращивания сельскохозяйственных культур. Большую часть земельных площадей здесь занимали песчаные буруны, сухие бесплодные пески. Другим бедствием для этого района были непрерывные разливы Терека и его притоков...»³⁶³.

О 80-х годах можно говорить как о периоде появления сплошного массива русского населения в регионе. До этого времени мы видим лишь эпизодические вкрапления славянских переселенцев в горскую среду. Ряд исследователей называет следующие цифры, характеризующие ситуацию последних двух десятилетий XIX в.: из центрально-земледельческих районов на Северный Кавказ перебралось около 301,3 тыс. человек, из Малороссии 281,9 тысяч, а из Новороссии 155,5 тысяч³⁶⁴.

К концу столетия русский (славянский) миграционный поток на Северный Кавказ заметно уменьшается. Хотя в стране и сохранялся избыток населения, но теперь в качестве альтернативы выступали другие окраины империи. Прежде всего, это были Сибирь и Казахстан, где земельный фонд был куда масштабнее, а противодействие со стороны старожильского населения не столь ощутимы. В середине 90-х гг. была отмечена тенденция отъезда части переселенцев с Северного Кавказа, которая была склонна к увеличению своих масштабов³⁶⁵.

По словам В.М. Кабузана, «80-90-е годы XIX в. – период, когда правительство вновь (как это было в дореформенный период) признаёт полезность внутренних земледельческих миграций экономически состоятельного крестьянства на окраины. Это вызвало оживление в заселении Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. И одновременно привело с 90-х годов к ослаблению темпов заселения Северного Кавказа. Теперь, когда законодательным путём выделяются для заселения новые регионы, где крестьяне получают земельные наделы и льготы, - желающих мигрировать на Северный Кавказ в качестве батраков или

³⁶³ Цит. по: Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. С. 47.

³⁶⁴ Бабич И. Л., Степанов В. В. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. 1860-1990-е годы / Отв. ред. Н.А. Лопуленко. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 28.

³⁶⁵ Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. Т. I. С. 240.

наёмных рабочих делается меньше. Правда, и теперь этот регион привлекает какую-то часть сельскохозяйственных мигрантов главным образом из ближайших регионов (Новороссии, Левобережной Украины и Центрально-Земледельческого региона)»³⁶⁶. Постепенно естественный прирост населения в Терской области и Ставропольской губернии начинал преобладать над механическим и становится подавляющим³⁶⁷.

Отдельно следует сказать о попытке укоренить русские поселения в горных районах края. Эти шаги были обусловлены не столько экономической необходимостью, сколько политическими расчётами. Находящееся здесь гражданское население должно было обеспечить более тесную интеграцию данных территорий. Сама по себе эта идея была не нова и своими корнями уходила в первую половину столетия. Некоторые предложения имели без преувеличения геополитическое звучание. Так, предполагалось пойти с Турцией на «размен» населением. Славянские народы Балканского полуострова хотели вывезти на Кавказ, а жителей Кавказа отправить на территорию Оттоманской Порты³⁶⁸.

Дальше разговоров дело не пошло: ни жители Балкан, ни горцы, проживавшие на территории Российской империи, не желали покидать свою историческую родину, а эффективных механизмов влияния на их решение не было ни у турок, ни у царской власти.

Однако попыток укоренить в труднодоступных районах Кавказа русских поселенцев Петербург не оставлял. В заключительный период вооружённого противостояния на Северо-Западном Кавказе, за Кубанью появляется более сотни станиц, в которых проживало около 220 тысяч поселян. Данный процесс проходил далеко не безболезненно, т.к. казаки не горели желанием покидать обжитые места и вновь нести тяготы по освоению непривычных для себя территорий. Дошло даже до откровенного вооружённого сопротивления, хотя

³⁶⁶ Кабузан В. М. Указ. соч. 1996. С. 93.

³⁶⁷ Кабузан В.М. Указ. соч. С. 97.

³⁶⁸ Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в. ... С. 53-54.

кровопролития удалось избежать. Власти должны были пойти на уступки, чтобы снизить накал напряжённости.

10 мая 1862 г. было принято «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта», в котором оговаривались те правила и льготы, на основании которых происходил процесс колонизации. Указывалось на то, что: «Главную часть переселенцев должно доставить Кубанское войско, а именно: Семейств офицерских ...162. Простых казаков ...12400. Затем в дополнение к нему иметь быть назначено: От Азовского казачьего войска: Офицерских ...8 семейств. Простых казаков ...800. Войска Донского...1200. Государственных крестьян (полагая в том числе и Малороссийских казаков) ...2000. От женатых нижних чинов Кавказской Армии...600. Примечание. Число переселенцев от государственных крестьян и из служащих нижних чинов регулярных войск назначено примерно, применяясь к цифрам прежних лет; число же переселенцев от Азовского войска может быть значительно увеличено и даже, если бы понадобилось, может быть переселено на Кавказ и всё Азовское войско. ... допускается свободный приём во вновь водворяемые станицы, с зачислением в Кубанское казачье войско: а) охотников из Донского, Новороссийского и Уральского казачьих войск и б) охотников из всех свободных и податных сословий»³⁶⁹.

Как видно из цитированного выше фрагмента, для значительной части казаков этот процесс имел принудительный характер. И без того непростой этап акклиматизации осложнялся поспешностью и многочисленными трудностями, связанными с военно-политической «турбулентностью». От этого страдали «жители новых поселений, куда попали, кроме казаков старых станиц кавказского линейного войска, и поселяне внутренней России, не имевшие понятия о бивуачной жизни, а тем более подверженные постоянной опасности лишиться не только последнего своего имущества, но и жизни. Стеснённые в станичной ограде с лошадьми и рогатым скотом, по нескольку дней не выгоняемым на пастьбу, по причине иногда воображаемой в уме станичного или кордонного начальника

³⁶⁹ ПСЗРИ II. СПб., 1865. Т. 37. № 382565. С. 407.

опасности, они должны были под навесом или холщовым наметом, а то и под открытым небом, переносить все влияния непогоды, столь непостоянной в предгорных местах. От этого явилась не только лихорадка – болезнь обыкновенная в странах, подверженных быстрым и частым переменам, но другие изнурительные болезни и даже тиф. Много бедствий перенесли новые поселенцы не только от болезни и других лишений, но даже от голода»³⁷⁰.

В дальнейшем процесс освоения новых территорий проходил медленно. Даже в конце XIX в. похвастаться большими урожаями жители нагорной полосы Кубанской области не могли. Главным средством пропитания стала заготовка леса или выжигание угля. Новосёлы так и не смогли органично приобщиться к непривычному ландшафту.

Как писал Ф.А. Щербина об этих колонистах, «привыкнув к безграничным равнинам, изредка прорезанным неглубокими оврагами и балками и усеянным бесчисленным множеством сторожевых курганов, откуда он мог созерцать степь на десятки вёрст вокруг и без труда отыскивать, далеко ушедших, домашних животных, на новом месте закубанский поселенец встретился с обширными, почти непроходимыми лесами, горными хребтами, ущельями, с незначительными, в сухие времена, ручейками, превращающимися в дождливую пору в грозные реки... Поселился казак, прельстившись богатством природы, в надежде создать, если не богатство, то экономическое довольство, зажиточность, и в первые годы увидел всю миражность, понял всю несбыточность своих мечтаний: будущее сулило ему одни лишения, один тяжёлый упорный труд, который в то же время, слабо гарантировал возможность выбиться из гнетущей его бедности...»³⁷¹.

О полных драматизма сценах мы находим информацию у выживших колонистов, которые сумели прижиться в непривычных для себя условиях. Путешествующий по побережью С.И. Васюков зафиксировал их рассказы и использовал их в своей статье, посвящённой местной русской общине. В

³⁷⁰ Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 539-540. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века».

³⁷¹ Щербина В. А. Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений в бассейнах рек: Пшехи, Пишиа и Псекупса, в Закубанской уезде Кубанской области // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1891. Т. II. С. 5.

частности, он поведал следующее: «Что же делали на первых порах переселенцы? Первые четыре года – ничего. Высадили их по береговым «щелям», указали им «рукой» земли и, прибавив, что всё это – ваше, живите, мол, работайте и будет вам хорошо! Ни указаний, ни советов, о каких бы то ни было инструкторах не было речи, «ни думки». С ними вместе поселились священники и фельдшера, да ещё начальники из бывших офицеров. Кругом – горы, дремучий лес и море, все незнакомые картины для степняков. Что им делать? Стали они «робить» хаты и балаганы по низменностям около речек, где никогда не селились черкесы, занимая жилищами своими возвышенности над низинами, в которых они разводили сады и разрабатывали поля. Русские, напротив, поставили хаты в самых низких местах, ниже даже уровня моря, и, разумеется, en masse заболели лихорадками. Священники и фельдшера пригодились, действительно, очень скоро: одни лечили, другие хоронили, ибо лихорадки при таких условиях выражались осложнениями, которые вели в могилу»³⁷².

Таким образом, власти вскоре убедились, что выбранные ими в качестве колонизаторов люди в этих местах плохо подходят для такой задачи³⁷³. Чтобы обучить их необходимым навыкам по занятию земледелием в горных условиях, кавказская администрация пошла на подселение в станицы семей из числа автохтонов, которые могли поделиться своим опытом и преломить сложившуюся тяжелейшую ситуацию. Так было сделано, к примеру, в станицах Шапсугского берегового батальона, который разместился на пространстве между Геленджиком и Туапсе. Жители новых станиц страдали от цинги, вызванной некачественным питанием. И это притом, что первое время им выдавали казённый провиант и выделили около 150 тыс. рублей на обзаведение необходимым инвентарём для строительства жилья³⁷⁴.

Стимулировали освоение черноморского побережья шаги по прокладке сюда новых дорог. Так, когда была возведена дорога из Новороссийска в Сухуми, сюда в больших количествах устремились люди из центральных губерний.

³⁷² Васюков С. И. Русская община на Кавказо-Черноморском побережье // Вестник Европы. 1905. №12. С. 562-563.

³⁷³ Кавказский берег Черного моря // Отечественные записки. 1878. № 3. С. 46.

³⁷⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1991. Л. 16 об. - 17 об.

Причём среди них были не только те, кто делал это на законном основании, но и нелегальные мигранты³⁷⁵.

В какую сумму обошлось казне содержание других вновь появившихся поселений, подсчитать не представляется возможным. Точные цифры расходов не сохранились, но по аналогии можно предположить, что они были не меньшими, нежели содержание станиц Черноморского округа. Найти оптимальный выход из сложившейся ситуации долгое время не удавалось, и власти продолжали действовать методом проб и ошибок, пытаясь соблюсти политическую целесообразность и экономическую выгоду.

Показательна история, связанная с попыткой создать солдатские слободы на Гунибе и в Карадахе. Инициатором этого начинания был Великий князь Михаил Николаевич, который в 1868 г. обратился к императору с предложением разместить здесь 250 семейств из числа отставных солдат. Предполагалось, что они будут служить примером «русской жизни» для окружающих горских аулов, снабжать гарнизоны укреплений продуктами питания, а в случае возникновения вооружённого конфликта пополнят ряды защитников этих крепостей.

Проект был довольно затратным. Только на строительство жилища единовременно предполагалось потратить 6250 рублей, на организацию переезда новосёлов 40 тыс. рублей, а в последующие несколько лет дополнительно по 30 тыс. рублей на поддержание благосостояния колонистов. Последняя сумма оговаривалась достаточно размыто. Её должны были выплачивать до тех пор, пока жители слобод не смогут самостоятельно обеспечивать себя продуктами питания, а когда такой момент должен наступить, никто однозначно сказать не мог. Ещё одной непростой задачей было изыскание тысячи десятин земли, для предоставления наделов вновь учреждаемым хозяйствам. Цифра, казалось бы, небольшая, но в условиях горной местности найти такой резерв было затруднительно³⁷⁶.

³⁷⁵ Матвеев О. В., Ракачёв В. Н., Ракачёв Д. Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. С. 51.

³⁷⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 140. Л. 1 об. -3, 8.

Несмотря на имеющиеся слабые места в этом проекте, Государственный совет согласился финансировать предложение наместника. Но почти сразу в его практической реализации начались нестыковки и откровенные провалы. Оказалось, что желающих перебираться в далёкие горы не так уж и много. Если ранее фактор добровольности мог не учитываться властями, то теперь, в новых исторических условиях, связанных с отменой крепостного права, либерализацией внутривластного диалога между правящим режимом и его подданными, приходилось учитывать желание потенциальных колонистов. А оно как раз отсутствовало. Значительная часть семейств наотрез отказалась перебираться в горный Дагестан, и вместо запланированных двух с половиной сотен семейств нашлось лишь сорок шесть. Осенью 1874 г. вел. князь Михаил Николаевич вынужден был отправить в столицу рапорт, в котором предлагал ликвидировать слободки, которые не только не укрепили гарнизоны близлежащих укреплений, но и создали для них дополнительные трудности. Александр II признал аргументы наместника убедительными и дал своё согласие на ликвидацию слобод³⁷⁷.

В немалой степени полученный под Карадахом и Гунибом опыт привёл к свёртыванию дальнейших попыток заселения русскими горных районов края. Эксперимент был признан неудачным и утопичным, а принесённые затраты, так и не принесли желаемой отдачи.

Но если укорениться в непривычной ландшафтной зоне переселенцы из центральных губерний не смогли, равнинные районы достаточно быстро сделались для них второй малой родиной. Кавказ получил многочисленные и недорогие рабочие резервы, т.к. прибывающие сюда люди были преимущественно репродуктивного возраста, хорошо знали специфику сельскохозяйственного труда и готовы были предлагать свои услуги на формирующемся промышленном рынке региона. Это обеспечило Северному Кавказу быстрый экономический рост, создавая из ещё вчера проблемной части империи локомотив развития страны.

³⁷⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 388. Л. 1-6.

Во второй половине XIX в. процесс колонизации Северного Кавказа славянским населением претерпел изменения. Если раньше государство само инициировало заселение региона, то теперь это была частная инициатива. После политической стабилизации края он стал привлекателен для тех крестьян, которые в результате реформы оказались лишены необходимого земельного надела. Именно они составили большую часть колонистов, устремившихся на юг империи.

В первую очередь осваивались пространства Северо-Западного Кавказа, которые в немалой степени опустели после переселения в Турцию адыгских народов. Достаточно близкий по природно-ландшафтным особенностям край успешно осваивался выходцами из южных и центральных губерний страны. Гораздо больше проблем возникло при попытке закрепиться в горной местности. В ряде случаев можно говорить о провале такого замысла. На Северо-Восточном Кавказе, несмотря на существенные финансовые затраты, славянские поселения постепенно ликвидировались, а их жители предпочитали перебираться на более привычные и удобные равнинные территории.

В результате колонизации на Северном Кавказе увеличилось число т.н. иногородних, которые были лишены прав и привилегий старожильского населения. Вместе с тем они во многом стали определять рынок труда региона, обеспечив экономический рывок местной промышленности и сельского хозяйства.

2.2. Привлечения иностранных переселенцев и российских подданных национальных окраин империи для освоения Северного Кавказа

Стремясь использовать новые источники людских ресурсов для колонизации территории Северного Кавказа, имперская администрация стала

активно привлекать иностранных переселенцев. Здесь следует подчеркнуть, что «переселение иностранцев на Северный Кавказ разрешалось российскими имперскими властями только из-за большой нужды в гражданском христианском населении, чтобы преодолеть перевес мусульманского населения в крае и иметь возможность не только укрепить свои позиции, но и начать хозяйственное, социально-культурное и политико-правовое переустройство края на новых началах»³⁷⁸.

В то же время сам процесс переселения обставлялся большим количеством бюрократических правил, которые позволяли властям удерживать данный процесс под контролем. Власти стремились, чтобы «иммиграционный поток» по своим масштабам и численности уступал внутрироссийской миграции, но имел важную специфику, связанную с качественными особенностями иммигрантов, которых недоставало мигрантам их внутрироссийских губерний в ходе освоения северокавказских территорий³⁷⁹.

Эта практика уже применялась Россией в предшествующий период и дала определённые положительные результаты. Как правило, на новые земли устремлялись переселенцы, ориентированные на обеспечение своего материального благополучия или для получения возможности свободной реализации своего конфессионального самоопределения, а потому больше рассчитывающие на собственные силы, а не на помощь извне. От них власти ожидали лояльного поведения и приверженности имперской политике в крае, что также являлось аргументом в пользу привлечения этих людей на новые места жительства.

Иммигранты из Германии, например, чаще всего размещались либо на государственных землях, либо на землях, арендованных у частных землевладельцев³⁸⁰, образуя поселения разных типов – колонии и хутора.

³⁷⁸ Лазарян С. С., Мутаев С. С.-А. Немецкие колонисты на Северном Кавказе до и после реформ 60-70-х гг. XIX века // Исторические очерки о немцах на Кавказских Минеральных Водах. Пятигорск: ПГУ, 2017. С. 28.

³⁷⁹ Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. С. 41-42.

³⁸⁰ Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. С. 30-31.

Немецких колонистов власти рассматривали и позиционировали как пример для подражания местным жителям. Считалось, что именно колонисты станут образцом ведения правильного земледелия и животноводства, а потому следовало способствовать возникновению их колоний в различных частях края. В пользу этого выступали не только гражданские, но и военные чины, в частности, генерал Н. И. Евдокимов³⁸¹.

Практиковалось основание немецких колоний в виде поселения-спутника рядом с каким-нибудь административным центром³⁸². Это давало возможность предоставлять поселенцам благоприятные условия для их хозяйственной деятельности, а города снабжались добротной сельскохозяйственной продукцией³⁸³. Успешная колония была своеобразной визитной карточкой, демонстрацией прочного положения новопоселенцев и способствовала привлечению новых колонистов.

Как уже отмечалось, важное значение в колонизационной политике российских властей играл конфессиональный фактор. Предпочтение отдавалось лицам христианского вероисповедания, при этом обязательного условия, чтобы они были православными, не выдвигалось. Предполагалось, что эти люди принесут на новое место жительства свои умения и образ жизни, свои профессиональные предпочтения и специализацию. Например, греки-иммигранты ориентировались на торговлю, строительство, табаководство и виноградарство; армяне – на торговлю и строительство; немецкие колонисты развивали образцовое сельское хозяйство³⁸⁴. Это было полезно в плане межкультурного обмена и содействия экономическому прогрессу в крае.

Среди переселенцев-иностранцев, как уже упоминалось выше, было немало выходцев из Германии. Их толкало на долгий путь малоземелье у себя на родине,

³⁸¹ Юракова О. В. Возникновение немецких колоний на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX века: причины, численность, расселение // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. М., 2009. № 115. С. 109.

³⁸² Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2006. С. 36.

³⁸³ Дроздов И. Е. Кавказские Минеральные Воды. Царское Село, 1859; Лазарян С. С. Становление предпринимательства в регионе КМВ. 1780-1917 гг. Пятигорск: «Спецпечать», 2003. С. 123; Лазарян С. С., Мутаев С. С.-А. Указ. соч. С. 33.

³⁸⁴ Белозеров В. С. Указ. соч. С. 42.

а в России им были обещаны крупные наделы. Свою роль сыграли и религиозные разногласия, вынуждавшие людей к эмиграции. Потому веротерпимость российских властей не могла не вызывать симпатии у таких людей. Этот аргумент часто оказывался наиболее весомым при принятии решения об эмиграции.

На Кавказ устремились и те из немецких мигрантов-колонистов, кто уже имел опыт проживания на территории Российской империи – в Крыму, Таврической и Бессарабской губерниях и т.д. Их выталкивали с прежних мест обитания необустроенность отводимой им территории, рост арендной платы за землю или действия местных властей.

К числу заметных иностранных поселений, появившихся на Северо-Западном Кавказе, относились колонии Михельсталь и Александровская. Первая была основана в 1852 г., а вторая в 1860 г. Поселенцам были гарантированы свободы в отправлении духовных обрядов, они не платили подати, освобождались от повинностей³⁸⁵.

На примере колонии Михельсталь (Михаэльсталь) можно увидеть, как основательно и вдумчиво осуществляли немцы переезд на Кавказ. Даже получив разрешение, они вначале дождались урожая на своих засеянных полях, убрали его, и лишь затем отправились на новое место жительства³⁸⁶.

Впрочем, некоторые добровольцы поторопились сделать это как можно быстрее. Сказывался недостаток земли на прежнем месте проживания. В надежде получить новые возможности на новом месте они соглашались осуществить переезд на собственные деньги, что также сыграло свою роль в решении властей сделать ставку на немецких поселян³⁸⁷.

Администрация не поскупилась и выделила для колонии тысячу десятин земли. Если учесть, что в Михельстале в 1859 г. проживало 235 человек,

³⁸⁵ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3134. Л. 14-15; ГАСК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2017. Л. 46-47.

³⁸⁶ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1583. Л. 2,3, 5 об.

³⁸⁷ Юракова О. В. Возникновение немецких колоний на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX века: причины, численность, расселение // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. М., 2009. № 115. С. 110.

становится понятным, что проблем с наделами у колонистов не было. Обычно размер наделов колебался от 30 до 65 десятин, выделяемых на одну семью³⁸⁸.

Однако со временем из-за роста численности колонистов, как в силу естественного прироста, так и в результате механического увеличения за счёт новых мигрантов, земли стало не хватать. В каждой колонии постепенно стал ощущаться её дефицит, а потому возможность приписывать к поселениям новых жителей решили ограничить.

Однако интерес со стороны немецких колонистов к переселению на Северный Кавказ не ослабевал. Их не могли остановить никакие бюрократические запреты. Так, в 1868 г. часть саратовских и самарских немцев, не добившись разрешения поселиться в городе Ставрополе, расселились в колониях Ставропольской губернии³⁸⁹.

Случались некоторые недоразумения. В Кубанской области, например, завышенные ожидания от появления там немецких колонистов, которых официальные власти считали «образцовыми хозяевами», закончились определенным разочарованием. Оказалось, что немецкие поселенцы отдельных колоний не столь уж искусны в ремёслах, рыбной ловле и земледелии³⁹⁰. Стали даже размышлять о целесообразности сохранения колонии на войсковых землях, но в итоге решили не тревожить поселенцев разорительными переездами.

Отметим достаточно строгий контроль, который присутствовал при работе с иностранцами. Они должны были действовать исключительно официально и не доставлять Российской империи дипломатических проблем. Так, каждая семья получала увольнительные свидетельства по прежнему месту жительства. Такая практика затрудняла проникновение в страну откровенных маргиналов, которые вряд ли были бы носителями идей трудолюбия и хозяйственной рачительности.

388 ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 221. Л. 5-6 об.

389 ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5255.

390 ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2292. Л. 23 об.

Наказания за попытку обмануть российские власти были достаточно суровы. Провинившемуся колонисту могли присудить телесные наказания³⁹¹.

Эти меры объяснялись среди прочего тем интересом, который стали проявлять немецкие поселенцы к северокавказским землям. Возникла угроза наводнения региона людьми, не способными к самостоятельной деятельности, т.е. различными бездомными бродягами и маргиналами. Поэтому со временем размер выделяемого надела был ограничен 10-12 десятинами на одного мужчину, и местная администрация сама решала, где выделить эту площадь³⁹².

Нельзя забывать и о том, что ограничения на перемещения внутри империи коснулись и других подданных. После наступления политики коррекции реформ (Александр III) власти больше не желали смотреть на Кавказ как на особую часть страны. Те преференции, которые раньше имели колонисты, были отменены³⁹³.

Если на Северный Кавказ прибывали поселенцы из внутренних губерний, то за ними оставлялось право сохранять за собой приписку к своей прежней общине. Когда речь шла о лицах, прибывших из-за рубежа, то они не лишались своего прежнего подданства. Новопоселенцы могли расположиться в имеющихся деревнях лишь в том случае, если имели родственников среди старожилов колонии. Исключением были мастера, чей труд был выгоден всему обществу.

Были, однако, примеры того, как переселенцы в течение многих лет не могли обрести свой постоянный угол и ожидали от начальства решения о выделении им земельного надела. Долгое ожидание и неопределенность приводили к тому, что неустроенные мигранты лишались всех своих сбережений, и их судьба зависела исключительно от тех средств, которые изыскивала для них губернская администрация³⁹⁴.

³⁹¹ Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): Сборник документов / Сост., предисл. Т. Н. Плохотнюк. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С.3.

³⁹² ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 365. Л. 75.

³⁹³ Беликов А. В. Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорной западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. Вып. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pereselencheskaya-politika-rossii-posle-otmeny-krepostnogo-prava-i-polozhenie-o-zaselenii-predgoriy-zapadnoy-chasti-kavkazskogo-hrebta> (дата обращения: 29.12.2016).

³⁹⁴ ГАКК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 450. Л. 2 об.

Оформление многочисленных документов, которые приходилось составлять по каждому колонисту могло затянуться на долгие годы. Это был не столько злой умысел, сколько в целом неэффективная бюрократическая машина, крайне непродуктивно выполнявшая свою задачу. Если речь шла о целом поселении, то процесс юридического оформления ещё больше затягивался. Приходилось уточнять, откуда прибыл каждый житель, где границы предоставляемого ему участка и т.п. Отчасти такую ситуацию нивелировал тот факт, что всё это время за колонистами сохранялся статус новопоселённых, и они не платили оброка. Но отсутствие юридически оформленного статуса делало положение мигрантов неустойчивым, затрудняло занятие хозяйственной деятельностью.

В рассматриваемый период большинство немецких поселений возникало на купленной или арендованной земле. Долгое время на Северном Кавказе её стоимость выгодно отличалось от аналогичных наделов в Поволжье или Причерноморье. Впрочем, каждый раз требовалось Высочайшее соизволение, добиться которого было непросто. Но если оно было получено, колонисты могли самостоятельно выбирать территорию для будущего поселения.

На казенных землях могли устраиваться пробные поселения на 2-3 года, а на частновладельческих землях аренда предшествовала покупке. В случае, если колонисты отказывались от занимаемых земель (причины обосновывались), они могли покинуть их³⁹⁵. Своих средств на аренду участков у колонистов первое время не было, а потому широко использовался банковский кредит.

В 60-е годы XIX в. начался процесс переселения немцев в Терскую область. Тогда возникли колонии близ Владикавказа, Нальчика³⁹⁶. Среди популярных мест, облюбованных немецкими колонистами, был Пятигорский округ³⁹⁷. Здесь имелось несколько компактных поселений, куда охотно направлялись новые

³⁹⁵ Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): сборник документов / Сост., предисл. Т. Н. Плохотнюк. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 4.

³⁹⁶ Зейналова С. М. Немцы на Кавказе. Баку: Мутарджим, 2008. С. 279.

³⁹⁷ Зейналова С. М. Характерные особенности и общие черты в процессе переселения и хозяйственной деятельности немецкого поселения на Южном и Северном Кавказе // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18-20 сентября 2008 г. М.: «МСНК-пресс», 2009. С. 366.

жители. Однако отсутствие необходимого земельного фонда заставило власти ограничить этот процесс. Первоначально следить за немецкими колониями на Водах должен был командующий на Кавказской линии. В дальнейшем эта обязанность перешла к главноуправляющему и наместнику. Они отчитывались перед Петербургом за состояние поселений, о чём достаточно регулярно отправляли по инстанциям соответствующую информацию.

Местные колонии подчинялись управе, которая располагалась в Каррасе. Кроме того, существовали и правления в Константиновке и Николаевке. Органы самоуправления занимались распределением налогов, решали вопросы с поземельным разделом, принимали и исключали жителей из состава колоний.

В дальнейшем для контроля и поддержки колонистов, осевших в южном регионе, был создан Попечительный комитет об иностранных поселенцах южного края. Он напрямую мог выходить на Министерство государственных имуществ и через него решать вопросы, связанные с правами собственности поселян. Для сбора информации и регулярного мониторинга ситуации назначались смотрители колоний. Каждая колония входила в округ, во главе которого был собственный приказ. Действовали свои суды и расправы, которые отличались от аналогичных структур прочих подданных империи.

Возможно, что именно эта обособленность и породила те предубеждения, которые испытывали к колонистам их соседи. Они не без оснований считали, что могли бы не хуже иноземцев вести своё хозяйство, если бы получили аналогичные возможности.

Когда процесс переселения только начинался, льгот и преференций для иностранных колонистов было больше. Сказывалось нежелание ехать на Кавказ, который ассоциировался с военными опасностями. Но когда боевые действия в крае завершились, решено было пересмотреть такую политику. Если первоначально колонии и их обитатели обладали существенной автономией, то по закону 1871 г. они изменили своё правовое положение и были переведены в разряд обычных крестьян-собственников. Это накладывало на них налоговые обязательства, равные прочим подданным империи. В дальнейшем они попадали

и под воинскую повинность, но при этом сохраняли право на самоуправление³⁹⁸. Здесь следует отметить, что существовавшая в то время литература, как и более поздние авторы, исследовавшие проблемы колонизации Северного Кавказа, продолжали именовать немецких и других иностранных переселенцев колонистами, не замечая перемены их правового статуса и сосредоточившись на их функциональной роли. Мы также не стали акцентировать на этом свое внимание, хотя и отметили перемены в правовом положении этой категории людей, сосредоточившись на последствиях и на том функциональном назначении иностранных переселенцев, которого ожидали от них имперские власти. Однако для части современных исследователей колонизационных процессов на Северном Кавказе XIX века такой подход не является вполне очевидным³⁹⁹.

После произошедших перемен в правовом статусе бывших немецких колонистов предлагаемая им служба не была безальтернативной. Они могли служить в качестве лесников и чернорабочих, а религиозная община поддерживала их своими средствами. В принятом законе говорилось: «Меннониты, освобождаясь от ношения оружия, отбывают службу в мастерских морского ведомства, в пожарных командах и в особых подвижных командах лесного ведомства на основании особо установленных правил. Но сие не распространяется на тех из менонитов, которые присоединялись к секте, или прибыли из-за границы, для водворения в империи, после 1 января 1874 года»⁴⁰⁰. Но дальнейшие события показали, что этого недостаточно.

Такой шаг властей был воспринят крайне негативно. Колонисты не желали служить в армии по религиозным убеждениям. В качестве ответа они стали покидать Россию и в поисках лучшей доли устремились в Америку и Канаду⁴⁰¹. Страна лишилась законопослушных и трудолюбивых подданных. Возможно, лучшим выходом стало бы дополнительное налогообложение на тех, кто

³⁹⁸ Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. С. 24-25.

³⁹⁹ См.: Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. 238 с.

⁴⁰⁰ ПСЗРИ II. СПб., 1875. Т. 50. Ст. 54568. С. 340.

⁴⁰¹ Кумпан Е. Н. Религиозные аспекты миграционной политики Российской империи на Северо-Западном Кавказе // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 203.

предпочитал не брать в руки оружие, но был состоятельным человеком, готовым на дополнительные расходы ради своих взглядов. В этом отношении примером может быть практика мусульманских стран, в которых иноверцы выплачивали специальный налог – джизью.

Кроме того, в целом, оказалась несостоятельной надежда на то, что колонисты будут охотно делиться своими навыками с местными жителями. Из-за того, как отмечали современники, что колонисты жили достаточно замкнуто и не стремились к активному хозяйственному культуртрегерству. Препятствовали общению языковые и конфессиональные различия. Немцы готовы были делиться своими социокультурными и хозяйственно-организационными навыками с теми, кто решался в социально-культурном и конфессиональном плане на сближение с ними. Отсюда невозможность массового воспроизводства аналогичных немецким хозяйств в среде местного или пришлого ненемецкого населения. К тому же далеко не все колонисты, как уже отмечалось выше, были носителями передовых хозяйственных знаний.

Впрочем, проживая в иноэтничном окружении, колонисты в той или иной мере должны были подвергаться его воздействию и в свою очередь демонстрировать образцы прогрессивных способов экономического уклада, хотя бы успехами ведения собственного хозяйства. Они не доставляли местным властям серьёзных хлопот, отличались законопослушностью, действительно были образцом трудолюбия и рачительности. Это импонировало и постепенно ликвидировало предубеждение к новым подданным российского императора.

В дальнейшем численность таких новопоселенцев увеличивалась. Например, в район Ейска в 1864 г. были направлены 124 семьи с территории Таврической губернии. На прежнем месте они ощущали недостаток земли и надеялись, что на Кубани получат необходимые им наделы⁴⁰².

⁴⁰² Казначеев А. В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Пятигорск: Издательство «Технологический университет», 2005. С.160.

Численность немецкого населения Кубани уверенно росла. По данным на 1871 г. здесь находилось 1913 душ, а через семь лет уже 4520 человек⁴⁰³. В 1884 г. зафиксировали 10142 немецких колониста, которые компактно проживали в своих поселениях. Преимущественно они располагались в степной зоне края, но были колонии и на побережье, вблизи Сочи и Туапсе.

На побережье к 1881 г. было одно селение со смешанным русско-немецким населением, пять селений чехов, два русско-чешских, три армянских и десять греческих (в данном случае не учитываются поселения из подданных империи, перебравшихся сюда из других частей государства). Если говорить о количестве по национальному составу, то чехов было 735, немцев 78, поляков 14, греков 1377, армян 430 человек⁴⁰⁴.

Немцы-колонисты на Северном Кавказе большей частью проживали в мелких поселениях хуторского типа с населением от 7 до 100 человек. Однако за счет прибытия новых волн переселенцев, а также в силу естественного прироста, стали образовываться немецкие колонии численностью от 200 до 600 человек⁴⁰⁵. Колонии Каррас, Николаевская относились к многолюдным поселениям, в которых проживало к концу 90-х годов соответственно 1914 и 2201 человек⁴⁰⁶.

В начале 90-х гг. XIX века в Терской области существовали две немецкие колонии (Орбелиановка и Гнадерфельд), в которых проживало 480 человек. Им принадлежало около трёх тысяч десятин земли. В Ставропольской губернии их было больше (Шагинско-Немецкая), и число жителей достигало 2458 душ. Они владели наделами, насчитывающими 20250 десятин. И, наконец, в Кубанской области было десять колоний (Ейгенфельд, Розенфельд, Александерфельд, Вольдемфюрст, Александерталь, Маркозофсталь, Наталино, Лиленфельд,

⁴⁰³ Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 553.

⁴⁰⁴ Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и её результат. СПб., 1885. С. 10-11.

⁴⁰⁵ ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 1246. Л. 31-36; Белозеров В. С. Указ. соч. С. 43.

⁴⁰⁶ Твалчрелидзе А. И. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. С. 317; Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. С. 27-28.

Ейгенгейм, Гнадау) с населением в 4263 души и земельным фондом в 40000 десятин⁴⁰⁷.

В целом отношение к немцам на Северном Кавказе зависело от того, как складывались контакты между Российской и Германской империями. Далекое не всегда они отличались терпимостью, заложниками чего становились простые обыватели. Особенно это заметно по трудам А.А. Велицына (под этим псевдонимом скрывался столичный чиновник А.А. Палтов, немало сил потративший на изучение немецких поселений на юге России), настроенного весьма критично к практике заселения окраин страны иноземными представителями.

Он не скрывал того, что считает ошибочным предоставление этим людям каких-либо привилегий в ущерб остальным подданным. Имея на руках существенные денежные средства, которые скопились благодаря получаемым прежде льготам, иностранные колонисты могли выигрывать конкуренцию по арендной сделке участка земли, давая за неё на 10-15 рублей больше, чем их конкуренты – русские крестьяне. Последние, даже получая кредит от банка, оказывались не в состоянии мериться капиталами с немцами и оказывались без надела.

Благодаря аренде немецкие колонисты смогли избежать процесса обезземеливания. Наиболее состоятельные жители колонии заключали договор об аренде, но фактически использовали лишь часть полученного надела, а всё остальное отдавали желающим односельчанам. Примечательно, что их землепользование носило общинный характер, но переделы участков не практиковались⁴⁰⁸.

Кроме того, А. А. Велицын сомневался в лояльности колонистов на случай вооруженного противостояния России и стран Западной Европы, прежде всего, Германии. Происходившие на его глазах процессы немецкого заселения всё

⁴⁰⁷ Велицын А. А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893. С. 139.

⁴⁰⁸ Плохотнюк Т. Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1996. С. 13-14.

новых территорий он сравнивал с оккупацией и считал, что для России они гораздо опаснее, нежели открытое военное противоборство.

Уместно в этой связи процитировать размышления этого автора: «Пока Германия не была объединена, нам можно было спокойно относиться к этому явлению; разбитой на мелкие курфюршества, ей нечего было думать о внешних захватах; но теперь положение совершенно изменилось. Грозный колосс стоит в настоящее время рядом с нами и, гордый своим возродившимся национальным самосознанием, он властной рукой объединяет всех сынов тевтонской земли, где бы они не находились. <...> Повторяем, мы не хотим утверждать, что каждый южный колонист чувствует себя конквизитатором, но несомненно, что он сознаёт свою отчуждённость от России, всеми помыслами и симпатиями живёт в германии, и этого, по нашему убеждению, достаточно, чтобы при малейшем толчке извне превратить этого мирного колониста в отъявленного врага России»⁴⁰⁹. И такие настроения были не единичны, но они не определяли в целом курса правительства в отношении немецких переселенцев.

С другой стороны, возможно, существовавшие на этой почве опасения привели к тому, что в 1893 г. на Кубани началась кампания по переименованию немецких колоний. Например, Александерфельд стал селом Леоновским, Гнадау – Шереметьевским и т.п. Они становились обычными селениями и хуторами⁴¹⁰.

Такие действия местных властей вызывали у немцев-колонистов страх за своё будущее. Вот, что писал в связи с этим исследователь А. Твалчрелидзе о немецких колонистах меннонитах: «Социальное движение в России, выразившееся в бунтах против евреев, ряд злодейств, совершённых русскими социалистами; настроение в некоторых сферах в пользу народной политики и, наконец, 17 стих 39 главы пророка Иезекииля вселили в меннонитов мысль, что их положение в России крайне неустойчиво, что всякая случайность может возбудить против них окружающее русское население и пр. На этом шатком, не выдерживающем критики, основании некоторые меннониты строят свои

⁴⁰⁹ Велицын А. А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб., 1893. С. 180-181.

⁴¹⁰ ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 4193. Л. 21.

проповеди в пользу выселения в Америку ли в Туркестанский край. Несомненно, эти проповеди имеют некоторое влияние на прилежание и трудолюбие менонитов...»⁴¹¹.

Таким образом, отношение к немецкой колонизации за половину столетия претерпело значительные коррективы. Если первоначально на этих поселенцев смотрели как на носителей образцовых методов ведения хозяйства и предоставляли различные привилегии, то в дальнейшем их стали подозревать к нелояльности по отношению к Российскому государству⁴¹².

На обывательском уровне отношение к немецким колонистам в русской среде было более доверительным, нежели к своим соплеменникам. Столкнувшись с пренебрежительным отношением к своим арендным обязательствам со стороны поселенцев-малороссов, местные собственники нередко предпочитали им колониста-иностранца как более обязательного и щепетильного в вопросах хозяйственных отношений. Современники отмечали такие качества немцев и ставили их в пример своим соотечественникам⁴¹³.

Как правило, немецкие колонисты редко фигурировали в сводке правонарушений. Но были и исключения. Так, жители колонии Семёновка Кубанской области «прославились» тем, что «прочно осевши на отведённой земле, колонисты не замедлили заявить о себе разными дерзкими правонарушениями и буйствами. Так, 11-го сентября 1864 года, они накопили камышу на казённой земле, и когда председатель комиссии по раздаче в оброк казённой земли, Захар Кумышев, прибыв на место, хотел арестовать нарушителей прав казённой собственности, то немцы не только не дались арестовать, но избili члена выше названной комиссии и, забрав скошенный камыш, уехали к себе в колонию»⁴¹⁴.

⁴¹¹ Твалчрелидзе А. Колонии менонитов Вольдемфирст и Александрфельд Кубанской области // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 274.

⁴¹² Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2006. С. 36.

⁴¹³ Зиссерман А. Л. Поездка на Кубань // Русский вестник. 1875. № 12. С. 492.

⁴¹⁴ Розенберг Л. Немецкая колония Семёновка, Кубанской области, Кавказского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1900. № 27. С. 165.

Отметились эти колонисты и весьма пренебрежительным отношением к хозяйству. В отличие от большинства своих соплеменников, они не отличались рачительностью и опрятностью, что отмечали те, кто побывал в их поселении. Но это было скорее исключение, чем правило. Видимо, и на своей прежней родине они не зарекомендовали себя положительными качествами, а потому решили перебраться в другую страну, где о них никто не знал. Большинство же колоний имели весьма крепкие хозяйства, которые не только обеспечивали себя всем необходимым, но ещё и продавали излишки⁴¹⁵.

Исследователи отмечают, что достаточно строгий подход к вопросам веры в отечественном законодательстве в отношении иностранных переселенцев отличался мягкостью и терпимостью. Именно этот фактор и привлек в Российскую империю многих колонистов. Только на Северном Кавказе насчитывалось шесть евангельско-лютеранских обществ, которые входили в состав Московской Консистории. Их управление имело свои особенности, что объяснялось региональной спецификой. Будучи дисперсными, они не могли каждый раз организовывать общее собрание прихожан, а потому ограничивались церковным советом. Это был представительный орган, более компактный и легче управляемый. В сельских общинах в качестве духовного посредника выступал кистерлерер (буквально – «церковный учитель»). Несмотря на расстояния, местные приходы регулярно контактировали с Московской консисторией и были в курсе происходящих событий протестантских общин империи⁴¹⁶.

Среди немецких переселенцев меннониты славились своими цветущими поселениями. Трудолюбие и рачительное ведение хозяйств способствовали довольно быстрому их укоренению в южных провинциях Российской империи. Они разместились в Таврической и Екатеринославской губерниях. В дальнейшем часть меннонитов во главе с И.Д. Клоссеном, предпочли перебраться на Северный

⁴¹⁵ Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александрфельд Кубанской области // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 236-257.

⁴¹⁶ Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): Сборник документов / Сост., предисл. Т. Н. Плохотнюк. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 7.

Кавказ. В конце 60-х гг. XIX в. они получили земли между Кубанью и Зеленчуком, причём добились выделения каждой семье по 65 десятин надела⁴¹⁷.

Подошли они к этому вопросу по-немецки обстоятельно. Первоначально их представители изучали в течение двух лет климатические особенности местности, состояние почвы и т.п. важные показатели, и лишь затем сюда перебрались их братья по вере. Их воззрения были достаточно строгими, что, впрочем, не препятствовало вполне мирному сосуществованию с другими религиозными течениями⁴¹⁸.

Среди требований, которые существовали внутри менонитских сообществ, присутствовали: «в регламентации религией поведения (новоменнонитам строго воспрещался табак, спиртное и «непристойные увеселения»); в отношении к крещению (у старо- и новоменнонитов крещение совершалось в сознательном возрасте, при этом некрещеным староменнонитам запрещалось вступление в брак; новоменнониты связывали вопрос крещения только с верой человека, не ущемляя его при этом в правах внутри общины, хотя настаивали на обязательном проведении крещения в реке; у иерусалимских друзей крещение проходило как обряд благословения детей); в отношении в духовным лицам (старо- и новоменнониты выбирали священников (духовных старшин) из своей среды, были «священники младшие и старшие»; у иерусалимских друзей «священник назначался советом из нескольких священников <...> все священники у них были равны между собой»). Учитывая все вышесказанное, подчеркнем, что на обе колонии (Вольдемфирст и Александрфельд) имелась одна церковь, и церковный притч состоял из двух пасторов и одного дьякона»⁴¹⁹.

Импонировало отношение меннонитов к образованию. Все их дети возрастом от семи до четырнадцати лет обязаны были посещать школу. Общество строго следило за тем, чтобы родители ответственно подходили к этому вопросу, и штрафовало их в случае, если дети не являлись на занятия. За один день прогула

⁴¹⁷ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 277. Л. 15-16.

⁴¹⁸ Заалов М. Меннониты и их колонии на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1897. № 23. С. 90, 93.

⁴¹⁹ Кумпан Е. Н. Религиозные аспекты миграционной политики Российской империи на Северо-Западном Кавказе // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 203.

родители отдавали 25 копеек, а впоследствии сумма могла быть увеличена. По данным на 1882 г. почти 70% населения Вольдемфирст и Александрфельд могли читать и писать⁴²⁰.

В дальнейшем по соседству с меннонитами появились новые немецкие поселения⁴²¹. Далеко не все их жители были протестантами, но сколько-нибудь серьёзных разногласий между ними зафиксировано не было. По крайней мере, они не нашли отражение в официальной переписке, хотя, возможно, это объясняется определённой закрытостью таких общин и нежеланием допускать вмешательство в свою жизнь посторонних. Со временем в селениях стали возникать новые течения, которые в итоге оформились в общины евангельских баптистов. Этот процесс можно трактовать как формирование новой этнической общности, проявившейся благодаря специфике жизни немецких колонистов на юге.

Рост апокалептических настроений среди протестантов привёл к появлению на Кавказе «Движения Исхода». Дело в том, что организатор этого религиозного течения Самуэль Клетер провозгласил эти земли местом спасения, а потому немало приверженцев «движения исхода» спасали здесь себя и своих близких. Меннониты организовали в регионе восемь своих колоний, центром которых было селение Гнаденбург в Терской области. Весной 1882 г. оно официально получило статус общины Исхода, которая в светских вопросах должна была выполнять требование имперского законодательства, а в вопросах веры ориентировалась на собственные нормы и предписания⁴²².

Обычно переселение на Северный Кавказ было добровольным, но в подобной практике имелись и свои исключения. Речь идёт о штундистах, отношении к которым было настороженным, что заставляло власти изолировать этих людей от прочих, подданных империи. Дело в том, что они выступали за самостоятельное чтение и трактовку Евангелия, что могло привести, по мнению

⁴²⁰ Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александрфельд Кубанской области // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 213.

⁴²¹ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 283. Л. 60 об.

⁴²² Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь... С. 7.

властей, к весьма вольным выводам. Были случаи, что штундисты привлекали к себе и представителей других конфессий, в том числе и православных⁴²³. Поэтому штундистов старались расселить по разным колониям, не давая этим людям возможности организовывать собственных компактных поселений. Это привело к тому, что среди сторонников штундистов оказались не только немцы-протестанты, но и русские поселяне, на которых их пример оказывал серьёзное воздействие.

Подводя итог немецкой колонизации, целесообразно привести статистические данные на 1890 г., которые наглядно демонстрируют, насколько успешно закрепились представители этого этноса в регионе. Так, по данным С.И. Семакина, в Ставропольской губернии имелось 4 колонии (Шагинско-Немецкая, Шагинско-Эстонская, Мартинсфельд, Томпельгоф), в которых проживало 2400 душ обоего пола, владевших 20250 десятинами земли. В соседней Терской области фиксировалось две колонии (Орбелиановка и Гнадерфельд), соответственно 480 жителей и 3000 десятин земли. И наконец, больше всего колоний было в Кубанской области – 10. Сам автор ошибочно называет цифру 11, но перечисляет следующие поселения: Ейгенфельд, Розенфельд, Александерфельд, Вольдемфюрст, Александерталь, Маркозофталь, Наталино, Лилиенфельд, Ейгенгейм и Гнадау⁴²⁴.

В 60-х гг. XIX века на Черноморское побережье Кавказа увеличивается поток переселенцев из числа армян и греков, ранее проживавших на территории Малой Азии. Помимо них, здесь старались разместить выходцев из империи Габсбургов – чехов и поляков.

Чехи вынуждены были покинуть свою родину в связи развернувшимися против них репрессиями со стороны австро-венгерских властей. В Праге даже действовал специальный комитет, который занимался вопросами переселения и вёл переговоры с российским правительством, о предоставлении чехам наделов

⁴²³ Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 52-53.

⁴²⁴ Семакин С. С. Колонистское движение и немецкая миграция в Российской империи и СССР. М.: Изд-во «Университет и школа», 2003. С. 131-132.

для семьи и общественных нужд⁴²⁵. Не последнюю роль играл и экономический фактор, связанный с нехваткой земли, которую теперь они рассчитывали получить в Российской империи⁴²⁶.

В 80-х гг. XIX в. здесь проживали уже около тысячи чехов, которые успешно акклиматизировались и довольно органично влились в формирующуюся этническую картину Северо-Западного Кавказа⁴²⁷. В дальнейшем их число ещё больше возрастает и к концу столетия достигает более 2,5 тысяч человек. При этом они не разрывали связей со своей исторической родиной, нередко получая оттуда литературу на родном языке, который старались привить и своим детям.

В марте 1866 г. были разработаны соответствующие положения, которые регламентировали этот процесс. Предполагалось выделить каждой семье по 30 десятин земли, давали возможность основывать собственные поселения, чтобы, находясь в окружении этнически близких людей, такие колонисты легче адаптировались на новом месте. Впрочем, не редкостью были поселения со смешанным этническим составом.

Вот, что писал один из путешественников, который побывал на побережье в окрестностях Новороссийска: «Между Анапой и Новороссийском расположены посёлки в Цемесской долине – Борисовка (русские), Владимировка (русские и чехи), Мефодиевка и Кириловка (исключительно чехи); на Озерейке – Глебовка (чехи и русские) и Васильевка (греки и болгары); близь Анапы – Павловка (чехи) и Варваровка (русские и чехи). Хозяйство переселенцев, насколько можно заметить с первого взгляда, в настоящее время обуславливается теми привычками и тою способностью, какие они приобрели на родине»⁴²⁸.

Это приводило к тому, что поселенцы, специализируясь на определённого рода деятельности, дополняли друг друга, формировали взаимно полезный хозяйственно-культурный симбиоз. Например, чехи и русские предпочитали

⁴²⁵ Вольхина Ю. С. Чехи Кубани: традиционная культура и её современное состояние // Дикаревские чтения (5). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С. 21.

⁴²⁶ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 124. Л. 139 об. - 140.

⁴²⁷ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 241.

⁴²⁸ Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874. С. 20.

возделывать пшеницу, а греки кукурузу. Первыми оценили преимущества картофеля чехи, зато у русских можно было приобрести арбузы и дыни, а у греков лук и чеснок и т.п.

В одинаковой степени все колонисты страдали от воровства скота, которое «процветало» в регионе. Вновь обратимся к воспоминаниям А.В. Верещагина: «Это бич, потрясающий хозяйство поселянина до основания, заставляющий тяжким трудом и с потерей времени приобретать утраченное. Я был свидетелем неутешительного горя, с которым поселянин – чех рассказывал о только что сделанной у него краже пары лошадей, взятых им на время у соседа; не имея собственной рабочей скотины, теперь он должен потерять много времени для того только, чтобы вознаградить ущерб соседа. Преследование воров весьма затруднительно; местная администрация в этом случае мало может помочь поселянину, так как непосредственно за Мархотхом лежат станицы подведомые не черноморскому, а кубанскому начальству»⁴²⁹.

Представляется, что здесь проявилось и определённое предубеждение со стороны казачьего руководства к «чужакам», ради которых не желали проводить тщательное расследование и вредить своим станичникам. Между тем проблема достигла весьма впечатляющих размеров, и в реализацию украденного имущества были втянуты соседние регионы. Похищенный на побережье скот мог в итоге очутиться в Кабарде, на Ставрополье, в Сванетии и т.д.⁴³⁰ Естественно, что такое положение затрудняло процесс укоренения новых жителей и служило «антирекламой» для тех, кто задумывался о переселении на Кавказ.

Полученную на новом месте жительства землю колонисты разделили подворно. В коллективном пользовании были места выпаса скота, лес, за состоянием которого тщательно следили. Все отмечали весьма ответственное отношение таких колонистов к выплате налогов. Она поступала в казну в полном объёме и зачастую даже раньше требуемого срока. Таким образом, они

⁴²⁹ Верещагин А. В. Указ. соч. С.22.

⁴³⁰ Клычников Ю. Ю. Процессы политической и социокультурной трансформации в Ставропольской губернии и Кубанской области в 60-90-х гг. XIX в. // Россия и народы Северного Кавказа в XIX-XX веках: опыт социально-экономического, политического и культурного взаимодействия. Всероссийская научно-практическая конференция (памяти д. и. н, профессора Асланбека Имрановича Хасбулатова). Грозный, 2016. С. 210.

демонстрировали высокий уровень адаптивности, доказывая, что опустевшие после исхода большей части черкесского населения в Турцию эта земля вновь может превратиться в цветущий сад.

С чехами было связано и появление пивоварения на Северном Кавказе. Причём речь шла не только о непосредственном изготовлении этого напитка, но и обо всех сопутствующих ему работах⁴³¹.

Вновь обратимся к современникам событий из числа чехов-колонистов, которые так объясняли причину успехов: «Мы и несколько польских семей пришли сюда, на побережье, из Австрии в 1884 году, когда трудное житьё было здесь; шоссе ещё не было построено, дороги – плохие, хлеба достать и за деньги было трудно!.. Капиталов никаких не было, даже одёжины не доставало; кроме крепких рабочих рук, да сильного желания свободно хозяйствовать ничего у нас не было... Ну, и бедствовали по первоначальному, сильно бедствовали!.. Стали расчищать землю, ну, дела и пошли – и стало теперь хорошо... Лошади добрые, скота довольно, всё есть и денег сот семь, восемь в запасе всегда найдётся. Теперь табаком почти все занимаются – дело выгодное!..»⁴³².

Столь рачительный и здравый подход получал самые высокие оценки со стороны сторонних наблюдателей и ставился в пример прочим поселянам, которые из-за своих склок и внутренних неурядиц долго не могли укорениться в этих местах. Больше всего импонировала самостоятельность этих хозяев, которые рассчитывали не столько на государственную поддержку, сколько на собственные силы.

Как писал С.И. Васюков, что чешские «колонисты – прекрасные, разумные и вполне самостоятельные работники. В этом я убедился при подворном исследовании некоторых колоний. Они довольно скоро приспособились к местным условиям, и хозяйство ведут разное: где виноградная культура, там они занимаются виноделием, где фрукты рождают, там плодоводством, а в лесных местах

⁴³¹ Батищев Н. С. Иммиграция подданных Австро-Венгрии на территорию Северо-Западного Кавказа // Миграционные процессы и толерантность: история и современность. Материалы внутривузовской студенческо-преподавательской конференции. Армавир: АГПА; Дизайн-студия Б, 2013. С. 70.

⁴³² Васюков С. И. Русская община на Кавказско-Черноморском побережье // Вестник Европы. 1905. № 12. С. 573.

– скотоводством и производством молочных продуктов. На черноморском побережье лучше чешского (вообще колонистов, которых называют чехами) масла не найти, также молока сметаны и проч.»⁴³³.

Фактически чехи-колонисты создали «культурные островки сельского хозяйства»⁴³⁴. По примеру чехов в такое интенсивное хозяйствование втянулись и русские поселяне, которые первое время не могли найти свою экономическую нишу и забыть равнины Предкавказья.

История греческого народа была неразрывно связана с Кавказом. Но если не акцентировать внимание на античном периоде, то следует предположить, что небольшая часть греков проживала в горных районах Северо-Западного Кавказа, возможно, уже с XVIII в. Точное время их появления назвать невозможно. Русские авторы середины XIX столетия говорили о неких греках, которые успешно адаптировались к местной черкесской культуре, но сохранили православное вероисповедание. Они, как и армяне, занимались торговлей, кустарными промыслами, являясь связующим звеном между горцами и русскими поселянами⁴³⁵.

Но относительно массовое появление греков в регионе началось позднее, с 60-х гг. XIX века. Основной поток греков-мигрантов выливался из пределов Османской империи, где резко усилились гонения на христиан. Россия стала страной их активного расселения. Возможность мирного и обеспеченного существования в среде единоверцев вызвала настолько большой приток переселенцев, что для их обеспечения жильем, продовольствием и иными средствами обзаведения потребовалась бы сумма в размере 1,2 млн. рублей серебром. Российская казна не могла этого себе позволить. Реально на эти цели правительство смогло выделить всего 10 тыс. рублей⁴³⁶.

Греческая иммиграция в Россию, как отметил В.С. Белозеров, имела ту же тенденцию и способы, какие наблюдались у немцев или армян: они «нередко

⁴³³ Васюков С. И. Русская община на Кавказско-Черноморском побережье // Вестник Европы. 1905. № 12. С. 573.

⁴³⁴ Черноморское побережье Кавказа / сост. В.П. Доброхотов; под ред. Н.И. Воробьева. Краснодар: Традиция, 2009. С. 75.

⁴³⁵ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 126. Л. 3

⁴³⁶ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5390. Л. 4.

переселялись на Северный Кавказ не сразу, а как бы вторично, имея за плечами жизненный опыт Новороссии»⁴³⁷.

Переселение мигрантов из Турции проходило организовано на основании решения Особоучрежденного Комитета по переселению христиан от 18 января 1860 г. Мигрантов первоначально размещали в Таврической и Херсонской губерниях, где для их поселения выделялось до 40 тыс. десятин земли, но уже в ноябре того же года вышеозначенный Комитет «обратив внимание на недостаточность земель в Новороссийском крае, признал более целесообразным направить переселенцев из Турции, как принадлежащих к славянским племенам, так и армян, греков на Кавказ»⁴³⁸.

Тогда же перед российской администрацией встал вопрос о привлечении на Кавказ населения, которое было наиболее адаптировано к проживанию в приморских землях и отличалось политической лояльностью к правительству. Греки на эту роль подходили по всем параметрам⁴³⁹.

При переселении греков на Черноморское побережье Кавказа каждая семья мигрантов получала пособие от казны в размере 40 рублей, а также дополнительно им выплачивались по 50 рублей (позднее 100 руб.) взаимобразно по распоряжению Кавказского наместника, «а также провиант: сначала на один год, впоследствии сроком на три года, а некоторым поселенцам даже на более длительные сроки»⁴⁴⁰. Эти правила действовали до 1882 г.

Исходя из содержания «Положения о заселении предгорной западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими выходцами из России» от 1 мая 1862 г. греки, переселявшиеся на Черноморское побережье, уравнивались в правах с переселенцами из внутренних губерний России, получали освобождение от воинских постоев сроком на 6 лет, кроме случаев, когда войска направлялись в районы проживания переселенцев для их защиты. Кроме того, они наделялись 8 летней льготой от платежей и податей; «пожизненным с наличными детьми

⁴³⁷ Белозеров В. С. Указ. соч. С. 44.

⁴³⁸ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Ед. хр. 4820.

⁴³⁹ ГАКК. Ф. 767. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 - 1 об.

⁴⁴⁰ Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: к проблеме развития капитализма вширь. М.: Наука, 1981. С. 146.

освобождением от рекрутской повинности»⁴⁴¹. Грекам разрешали «поселяться на месте бывших станиц, упраздненных по разным причинам, или рядом со станицами»⁴⁴².

Поселившиеся в 1861 г. на Черноморском побережье Кавказа греческие колонисты облюбовали для своего проживания заброшенную казачью станицу Витязевскую, которая располагалась рядом с Анапой. Здесь проживало 93 семейства. К ней в 1864 г. добавилось ещё одно поселение Мерчан с населением в 64 семейства. Компактные греческие посёлки были вблизи Туапсе, около Джубги. Поселенцы получали от властей по семь десятин земли, которой могли распоряжаться по собственному усмотрению. Чаще всего греки предпочитали разводить табак, который неплохо произрастал в местных условиях и давал устойчивый доход.

В целом греческое население увеличивалось медленно. Объяснялось это среди прочего тем, что власти вскоре разочаровались в том контингенте, который устремился из Османской империи в Россию. Как правило, это были наиболее обездоленные слои населения, поддержка которых тяжким грузом легла на казну⁴⁴³. Властям приходилось предоставлять им различную помощь и право безвозмездно заготавливать лес для устройства жилищ в местах их нового размещения. Кроме того, «Для прокормления греков в течение зимы было разрешено выдавать им пакет в том размере, как выдаётся солдатам. Нужный для этого хлеб велено было взять из сельских магазинов. Наконец, деньги, необходимые для покупки разных материалов, нужных для построек, кроме леса, а также для снабжения греков лопатами, топорами и другими самыми необходимыми инструментами, велено было отпустить из суммы, приходившейся на Ставропольскую губернию из числа тех 10 тысяч, которые были ассигнованы кавказскому наместничеству на вспомоществование беднейшим из переселенцев»⁴⁴⁴.

⁴⁴¹ ПСЗРИ II. СПб., 1865. Т. 37. Отд. 1. №38256. С. 426.

⁴⁴² Белозеров В. С. Указ. соч. С.45.

⁴⁴³ ГАКК. Ф. 767. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.- 4 об.

⁴⁴⁴ Илиади И. Х. Кавказская Эллада. Ставрополь: Ставропольсервис-школа, 2005. Т. 1. С. 112.

По данным на 1882 г. в Черноморском округе их было 1377 человек, а ещё через два года – 2300⁴⁴⁵. На первый взгляд, динамика роста была положительной, но, учитывая, что это было связано с механическим увеличением (за счёт новых колонистов), приходится констатировать, что адаптация греков к кавказским условиям проходила трудно. Смертность среди них была высокой. В одном только селении Лазаревском за период с 1869 по 1873 гг. из сорока семейств вымерло шесть, а ещё 26 вынуждены были покинуть его, опасаясь плачевного исхода⁴⁴⁶. Повальные болезни мучали греков и на Ставрополье: непривычный климат, нездоровая вода в селении Ногут «произвела между греками тиф, водянку, изнурительную лихорадку и другие болезни, вследствие которых в течение двух лет вымерла почти половина переселенцев. К 1867 г. в Ставропольскую губернию переселилось 3500 понтийских греков, из них умерло 1200 человек»⁴⁴⁷.

По распоряжению князя Орбелиани новопоселенцам на Ставрополье отводились земли в Пятигорском уезде, между Мокрым и Сухим Карамыками, где ранее существовал калмыцкий аул Ногут. Поселенцам отводилась земля по 15 десятин на каждую мужскую душу, «с прибавкой 1/5 и 1/10 частей на прибылых»⁴⁴⁸. В 1864 г. 79 семей греков расселили в Черном Лесу, Новоселице и Журавке. В 1865 г. на выделенных для греков-мигрантов землях поселилось ещё 2888 человек⁴⁴⁹.

В дальнейшем часть греков-мигрантов перебралась в Черноморье и в Тифлисскую губернию, не сумев адаптироваться к жизни в степной зоне, а потому к 1873 г. в Ставропольской губернии оставалось на жительство 1547 человек, что составляло 0,3% жителей губернии⁴⁵⁰. К концу XIX века наибольший процент греков осел на территории Александровского уезда - 8,5%, затем

⁴⁴⁵ Матвеев О. В., Ракачёв В. Н., Ракачёв Д. Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. С. 57.

⁴⁴⁶ Казначеев А. В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Пятигорск: Издательство «Технологический университет», 2005. С. 170.

⁴⁴⁷ Цит. по: Кузьминов П. А. Понтийские греки на Северном Кавказе // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Издательский дом «Эль-Фа», 2004. С. 794.

⁴⁴⁸ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Ед. хр. 861.

⁴⁴⁹ ГАСК. Ф. 101. Оп.4. Ед. хр. 861.

⁴⁵⁰ Белозеров В. С. Указ. соч. С. 46.

следовал Ставропольский уезд - 4,2%, в Медвеженском уезде - 3,4%. В городах губернии проживало греков всего 2,5%, при этом 76,5% от общего их числа концентрировалось в городе Ставрополе⁴⁵¹.

В то же время в Черноморском округе «греческое население, проживавшее в селах, составляло в Новороссийском отделе 28,2% общего числа сельского населения, а в Сочинском ещё более – 44,3%. В 1878 г. к числу греческих поселений добавились Лесная и Красная Поляна, основанные греками – выходцами из Ставропольской губернии»⁴⁵².

Чтобы увеличить поток желающих перебраться в Российскую империю, в Турцию был отправлен агроном Хатисов, который должен был убедить местных греков и армян избрать себе новую родину⁴⁵³. На этих людей власти рассчитывали, как на «деятели для основания сообразных климату и почв отраслей хозяйства»⁴⁵⁴.

Среди пунктов с компактно проживающим греческим населением к началу 90-х гг. XIX в. исследователи выделяют Васильевку, Красную Поляну, Весёлый, Высокую, Федотовку, Кабардинку и т.д. – всего тринадцать. В некоторых из этих селений, помимо греков, проживали представители и других этносов⁴⁵⁵. Всего к 1897 г. на Северном Кавказе обосновалось и проживало около 30 тыс. человек греков⁴⁵⁶.

Особенностью греческой иммиграции было то обстоятельство, что значительная часть мигрантов, переселившихся в пределы Российской империи, оставалась в иностранном подданстве (турецкие подданные). Например, в Кубанской области таковых насчитывалось до 80%. Это сильно беспокоило российские власти и в 1898 г. последовало запрещение таковым лицам «приобретать в собственность недвижимость, брать её в аренду, за исключением

⁴⁵¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Ставропольская губерния. СПб., 1905. Т. LXVII. С. 4-5.

⁴⁵² Белозеров В. С. Указ. соч. С. 46.

⁴⁵³ Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874. С. 188.

⁴⁵⁴ Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и её результат. СПб., 1885. С. 8.

⁴⁵⁵ Юракова О. В. Немецкие и греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе: сравнительно-исторический анализ (середина XIX в. – 1917 г.): дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. С. 85-86.

⁴⁵⁶ Белозеров В. С. Указ. соч. С. 46.

найма домов, квартир и дач для временного проживания»⁴⁵⁷. Это распоряжение вынудило многих переселенцев озаботиться приобретением российского подданства.

Весьма схожей оказалась и судьба переселенцев-армян. Оказавшиеся на Черноморском побережье армяне стали открывать различные торговые предприятия, стремясь занять доминирующие позиции в этой нише. Как правило, это были трапезундские и амшенские армяне, которые предпочли перебраться на новые места, чтобы жить в окружении единоверцев. Ими было основано в 1864 г. селение Армянское Шапсухо, но массовое заселение началось двумя годами позже. Тогда сюда заселилось около ста семейств. Положение новосёлов определялось постановлением Особого комитета от 27 февраля 1862 г., который регламентировал переселение христиан из Турции в Россию. Даже в середине 1870-х гг. общая численность прибывших армян была невелика. Обращает на себя внимание тот факт, что в упоминавшихся воспоминаниях А. В. Верещагина, который весьма подробно описывал жизнь колонистов региона, не нашлось места для армян, с которыми он, видимо, не имел сношений.

Проявляя осторожность, власти заранее оговаривали условия переселения в пределы Российского государства. В качестве меры поддержки предполагалось предоставлять переселенцам-армянам подъёмные средства, на которые казна выделила десять тысяч рублей. К 1878 г. на территории Кубанской области их проживало 6044 человека. В Черномории их было меньше и даже в 1882 г. не набиралось полутысячи.

Новая волна массовой армянской иммиграции пришлась на 1894-1895 гг. Для многих из переселенцев такой шаг был вопросом жизни и смерти, т.к. правительство султана Абдул-Гамида обрушилось на них с репрессиями. Оказавшись в безвыходной ситуации, эти колонисты готовы были браться за любую работу. У российских властей не было претензий к ним. Как правило, они не фигурировали в криминальных сводках и предпочитали добиваться достатка законными методами. К 1896 г. численность армян вырастает в Черноморской

⁴⁵⁷ Белозеров В. С. Указ. соч. С. 47.

губернии до 22785 человек. Они расселялись как в сельской местности, так и в городских населённых пунктах Северо-Западного Кавказа – Екатеринодаре, Майкопе, Анапе, в районах Туапсе, Сочи, Адлера⁴⁵⁸.

В целом ситуация с армянами, прибывшими из-за рубежа, напоминала отношение к немецким поселянам. Если первоначально на них смотрели как на союзное население, с помощью которого предполагалось закрепиться в иноконфессиональном регионе, то в 80-90-х гг. звучали заявления об угрозе, которую они несут «русскому делу в крае»⁴⁵⁹.

Звучали обвинения в том, что они склонны к криминалу, и «роль именно турецких армян, достойных питомцев турецкой «школы» и по происхождению полу-курдов, резко выдвигается... во множестве других преступлений... 80% всех совершаемых армянами преступлений совершаются именно турецкими армянами, пополняющими обширный контингент наёмных убийц...»⁴⁶⁰.

Но даже после того, как в 1889 г. власти запретили заселяться на Черноморском побережье Кавказа, армяне из Турции старались перебраться туда. По официальным данным они составляли большинство нелегальных переселенцев⁴⁶¹.

Среди поселившихся в регионе этносов следует вспомнить и о болгарях. Среди исследователей не сложилось единого мнения о том, кто были эти люди. Предполагают, что они уже являлись подданными Российской империи и ранее проживали в Молдавии и Украине. В дальнейшем они стали прибывать на Северный Кавказ непосредственно с территории Болгарии⁴⁶². На этот процесс влияли события как политического (восстания и война, которые прокатились по Болгарии и привели к террору, развязанному османскими властями, против местного населения), так и экономического характера (аграрное перенаселение страны).

⁴⁵⁸ Матвеев О. В., Ракачёв В. Н., Ракачёв Д. Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. С.55.

⁴⁵⁹ Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2006. С. 36.

⁴⁶⁰ Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку: «Элм», 1990. С. 137.

⁴⁶¹ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 4238. Л. 84.

⁴⁶² Виноградов В. Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995. С. 141.

Как и другие общества, болгары имели возможность присылать своих «доверителей», которые осматривались на месте и принимали решение рекомендовать или воздержаться от переселения. Сохранилось мало информации о том, как происходил этот процесс в 60-х гг. XIX столетия. Пока можно с уверенностью говорить лишь о том, что такой интерес присутствовал, но, видимо, не всегда доходило до реального переезда колонистов⁴⁶³.

Болгары предпочитали поселяться в районе Ейска и Екатеринодара. Было их не очень много – по данным переписи 1897 г. во всей Кубанской области насчитывалось лишь 322 человека, при этом 276 из них считались не российскими, а болгарскими подданными⁴⁶⁴. Видимо, речь идёт о тех людях, которые прибыли на Северный Кавказ непосредственно с Балкан.

В настоящий момент выдвигается гипотеза, что ранее они проживали в Центральной Болгарии, где специализировались на разведении овощей⁴⁶⁵. Эта специализация оказалась востребована и по новому месту жительства. Болгары занялись огородничеством, садоводством, пчеловодством и достаточно быстро адаптировались к потребностям местного рынка.

Проживающих в Армавире болгар местные жители вообще признавали за учителей по огородным делам. Вместе с ними в обиход пришли такие овощи, как кабачки, баклажаны, цветная капуста, сладкий перец и т.д.⁴⁶⁶

Отдельно следует сказать о тех этносах, которые уже проживали на территории Российской империи, но до описываемых событий не относились к числу кавказских народов. К ним относятся молдаване, чьи поселения стали появляться на Кубани с конца 60-х гг. XIX в. Так, недалеко от станицы Ставропольской возник посёлок Шабано-Тхамехинский. В дальнейшем к нему прибавились селения Пиленково, Весёлое, Молдовка (Адлер) и Молдаванское.

Людей гнала на новое место нужда. При этом ситуация была настолько сложной, что часть переселенцев даже не согласовывала своё решение с

⁴⁶³ Матвеев О. В., Ракачёв В. Н., Ракачёв Д. Н. Указ. соч. С. 64-65.

⁴⁶⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Кубанская область. СПб., 1905. Т. 65. С. 56, 61.

⁴⁶⁵ Матвеев О. В., Ракачёв В. Н., Ракачёв Д. Н. Указ. соч. С. 66.

⁴⁶⁶ Ктиторов С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918). Армавир, 2002. С. 197.

официальной властью и на свой страх и риск перебиралась на Кавказ. Как следствие, весьма трагичный итог для многих из них от такого шага. Непривычный климат, отсутствие коммуникаций и т.п. факторы приводили к высокому уровню смертности среди поселян. Из 79 семейств основателей деревни Пиленковой с 1871 по 1876 гг. осталось лишь двадцать шесть. Остальные либо вымерли, либо вынуждены были искать себе новое место жительства⁴⁶⁷. Аналогичные драмы мы видим и в других поселениях.

Первое время молдаване предпочитали сохранять традиционные виды одежды и заметно отличались от прочих жителей региона⁴⁶⁸. Но в дальнейшем они перешли на привычные для Северного Кавказа образцы и восприняли многие элементы местной культуры.

Среди новосёлов были и эстонцы. Узнав о том, что в регионе появились покинутые автохтонным населением земли, они решились перебраться на Кавказ, чтобы вырваться из тисков бедности. Развитие капиталистических отношений на северо-западных территориях империи привело к стремительному обнищанию значительной части населения, и колонизация виделась единственным средством от столь плачевной участи.

Немалую роль сыграла восторженная оценка местных реалий, которая содержалась в статье одного из Тифлисских учителей И.Р. Рецольдта. Она имела серьёзный общественный резонанс и со временем обросла слухами и домыслами. Власти, в свою очередь, обещали выделять добровольцам подъёмные деньги, освободить от воинской повинности, субсидировать проезд на железнодорожном транспорте и т.п. Всё это привело к массовому желанию эстонского крестьянства перебраться на освободившиеся северокавказские земли. Дошло до того, что местная администрация вынуждена была искусственно сдерживать такой порыв, затягивая выдачу разрешения на несколько лет⁴⁶⁹.

⁴⁶⁷ Матвеев О. В., Ракачёв В. Н., Ракачёв Д. Н. Указ. соч. С. 60-61.

⁴⁶⁸ ГАКК. Ф. 722. Оп. 1. Д. 166. Л. 52.

⁴⁶⁹ Бурькина Л. В. Эстонские поселения на Северо-Западном Кавказе в пореформенный период // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. №2. URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/estonskie-poseleniya-na-severo-zapadnom-kavkaze-v-poreformennyu-period> (дата обращения 25.12.2016).

Наиболее предпочтительным местом для нового жительства стало Черноморское побережье Кавказа, где укоренение новопоселенцев зависело лишь от разрешения начальника округа. В итоге здесь появляются селения Сальме, Ээсти-Лоо, Сулев, где компактно расположились выходцы из Прибалтики. Кроме того, предпочли Кавказ эстонцы из Поволжья и Крыма, куда они переехали ранее, но не смогли укорениться (Марухо-Эстонское, Гусаровское, Хусы-Кардоникское)⁴⁷⁰. Да и на новом месте обрести долгожданный достаток сумели не все колонисты. Часть из них, не выдержав испытания, предпочла вернуться на свою малую родину или искать приют в других частях России. Те же, кто остались, сформировали оригинальный вариант эстонской культуры, они сохраняли свой этнический стержень, но смогли дополнить его и местным колоритом⁴⁷¹.

Об одном из эстонских селений – Бурном, сообщал в своей статье Б.М. Городецкий. Хотя его работа была посвящена немецким поселянам, но он упомянул и эстонских колонистов. В частности, отмечалось, что это селение располагалось на левом берегу Малой Лабы, на территории, которая раньше принадлежала станице Псебайской. Со временем 30 сентября 1898 г. эстонцам выделили в собственность 140 десятин и 1500 кв. саженой земли, это примерно 18,7 десятин на один двор. В селении числилось восемь дворов, в которых проживали 11 душ мужского и 25 женского пола⁴⁷².

Часть эстонцев, которые первоначально обосновались на территории Ставрополя, предпочли потом перебраться в Кубанскую область⁴⁷³. Причины такого решения однозначно трактовать не удаётся. Видимо сказывались экономические интересы (прежде всего качество и количество выделяемой земли) и религиозные воззрения. Так, между селениями Армавирским и Успенским

⁴⁷⁰ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 124. Л. 139 об. - 140; Городецкий Б. М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1915. Т. 20. С. 380.

⁴⁷¹ Бондарь Н. И. Разные культуры и судьбы: эстонцы и греки Карачаево-Черкесии // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С. 14; Матвеев О.В., Ракачёв В.Н., Ракачёв Д.Н. Указ. соч. С.62-63.

⁴⁷² Городецкий Б. М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1915. Т. 20. С. 371-372.

⁴⁷³ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1408. Л. 3, 11; ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 2501. Л. 7.

компактно поселились эстонцы-лютеране, предпочитая жить своим кругом единоверцев⁴⁷⁴.

В конце столетия на Северо-Западном Кавказе в целом проживало около 1400 человек. Большинство эстонцев было задействовано в сельском хозяйстве (82,3%), 12,5% относились к торгово-промышленному населению и 5,3% занимались непроизводительной деятельностью⁴⁷⁵.

Непросто происходил процесс встраивания в местную этнокультурную среду поляков. Многие из них не по своей воле оказались на Северном Кавказе и далеко не всегда готовы были признать державные российские ценности. Среди них было немало тех, кто в первой половине столетия предпочёл бежать к горцам и вместе с ними сражаться против русских. Впрочем, находились и те, кто придерживался противоположных воззрений. Изменившиеся политические реалии заставили поляков пересмотреть свою позицию по отношению к империи и активно искать своё место в её социально-экономической системе. К 1881 г. только на Северо-Западном Кавказе проживало 2633 поляка, которые предпочли не основывать своих поселений, а жить в городах и крупных станицах. В одном только Майкопе их в 1897 г. было 234 человека⁴⁷⁶. Как правило, это были грамотные люди, которых охотно привлекали к занятию чиновничьих должностей. Часто можно было встретить поляка-ремесленника⁴⁷⁷.

Отношение к полякам долго оставалось весьма настороженным. Имеющееся предубеждение к ним, так же, как и к немцам, мы видим в работе российского консервативного автора В. Л. Величко, который считал, что представители этих этносов стремятся дискредитировать государственную политику в отношении горцев своими высказываниями и поступками⁴⁷⁸. Но справедливости ради

⁴⁷⁴ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1029. Л. 4.

⁴⁷⁵ Бурыкина Л. В. Эстонские поселения на Северо-Западном Кавказе в пореформенный период // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. №2: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/estonskie-poseleniya-na-severo-zapadnom-kavkaze-v-poreformennyy-period> (Дата обращения: 25.12.2016).

⁴⁷⁶ Матвеев О. В. Поляки города Майкопа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Диалог культур: славяне в социокультурном пространстве Северо-Западного Кавказа. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. С. 98.

⁴⁷⁷ Бондарь Н. И. Что мы знаем друг о друге? // Кубанский краевед. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1990. С. 148.

⁴⁷⁸ Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку: «Элм», 1990. С. 21-22.

отметим, что такой подход не был доминирующим и не нашёл отражение в дискриминационных мерах.

В целом этническая картина региона стала разнообразнее⁴⁷⁹. Формировалось весьма пёстрое, самобытное сообщество народов, которые дополняли друг друга и в рамках складывающегося исторического партнёрства добивались успехов в экономическом процветании Северного Кавказа.

Благодаря подсчётам, проведённым В. М. Кабузаном, мы получаем вполне наглядную картину динамики присутствия иностранных колонистов и российских подданных национальных окраин, которые укоренились на Северном Кавказе. Так, по данным на 1858 г. в регионе фиксируется: поляков 0,8; немцев 2,7; армян 18,2 тыс. человек обоего пола. Через девять лет, в 1867 г. немцев уже 5,4; греков 4,4; армян 22,6, поляков 5,1 тыс. человек. И, наконец, перепись 1897 г. дала следующие цифры: поляков 8,8; немцев 39,5; армян 18,4; молдаван 6,0; греки 33,1; эстонцы 1,4 тыс. человек⁴⁸⁰. Кроме того, на территории Северного Кавказа проживали и представители других народов, но т.к. они не рассматривались властями как средство по колонизации края и не имели компактных мест проживания, мы не акцентировали внимание на обстоятельства их появления в регионе.

Этническая карта региона, и без того отличавшаяся пестротой, во второй половине XIX столетия ещё больше усложняется. Здесь появляются народы, которые раньше либо совсем не были представлены, либо проживали в незначительном количестве. Миграционная привлекательность края была обусловлена политикой власти, стремящейся заселить эту территорию лояльным и экономически активным населением, способным своим примером продемонстрировать все преимущества мирной жизни.

Успехи колонистов и переселенцев в определенной степени базировались на льготах, которые им предоставляло правительство. В то же время нельзя не

⁴⁷⁹ Виноградов В. Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995. 150 с.

⁴⁸⁰ Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 189-206.

заметить и собственный вклад новопоселенцев в обеспечение своего благополучия. Как правило, это были носители передовых способов хозяйствования, энергично и рачительно распоряжавшиеся попавшими в их руки землями, налаживали различные производства, продукция которых пользовалась спросом в крае, развивали торговлю.

Проявляя религиозную терпимость и стараясь без нужды не вмешиваться в вопросы их быта и внутренний распорядок жизни колонистов, администрация завоевала признательность своих новых подданных. Постепенно происходил процесс межкультурного влияния новосёлов и автохтонного населения, что шло на благо всем сторонам такого исторического диалога.

Можно отметить, что демографические процессы и миграционные потоки на Северный Кавказ (особенно в северо-западные его районы), развивавшиеся во второй половине XIX века, как из-за пределов Российской империи, так и из её внутренних губерний за счет механического притока, способствовали заметной перемене этнической структуры в регионе в целом и отдельных его районах. Если же брать во внимание Дагестан, то сам по себе полиэтнический по своей природе, он избежал сколько-нибудь значительного механического притока новопоселенцев.

Несмотря на интенсивное заселение Черноморьи, Кубанской и Терской областей многочисленными выходцами из сопредельных югу России Турции и Персии, а также иммигрантов из Центральной и Восточной Европы, основные контингенты мигрантов составили славянские народы, проживавшие и переселявшиеся из внутренних районов России. В данном случае можно даже вести речь о «славянизации» Северо-Кавказского края.

С другой стороны, надо подчеркнуть, что интенсивность иммиграционных и колонизационных потоков выростала и стала возможной только после массового выселения большей части черкесского населения в Турцию, которое в разной степени было поддержано представителями иных северокавказских автохтонных народов.

«Миграция на протяжении относительно продолжительного периода подпитывала демографические ресурсы равнинных регионов Северного Кавказа и создавала условия для роста показателей естественного воспроизводства населения»⁴⁸¹. Кроме того, естественный прирост пришлого населения в совокупности с продолжавшейся миграцией уже в 1880-е годы способствовал тому, что на Северном Кавказе наблюдался один из самых высоких в Российской империи рост общей численности славянского населения.

В то же время доля многих автохтонных народов края претерпела заметные перемены: значительно сократилась численность народов Северо-Западного Кавказа – черкесов, абазин, убыхов и др., но многие народы, чье участие в мухаджирстве не приобрело широких масштабов (Центральный и Северо-Восточный Кавказ), к концу XIX столетия, в большей или меньшей степени, увеличили свою численность.

Общим итогом динамики демографических процессов в крае стала не просто смена этнической структуры как таковой, но сформировалась, по существу, новая её парадигма с преобладанием славянского компонента.

⁴⁸¹ Белозеров В. С. Указ. соч. С. 50.

Заключение

На основании проведённого исследования были сделаны следующие выводы:

1. Колонизационно-миграционные процессы тесно связаны со всей российской историей. Такая оценка разделяется большинством исследователей данной проблемы. В процессе перемещения больших масс населения происходило освоение новых территорий и таким образом можно говорить, что миграция перерастала в колонизацию, в результате которой осуществлялось не только экономическое, но и социально-культурное изменение нового пространства.

Колонизационно-переселенческий процесс не только существенно повлиял на процессы формирования российской государственности, но определил саму форму государства - империю. Одновременно решались самые разноплановые задачи, начиная от демографических и заканчивая экологическими. С помощью перманентной колонизации удавалось разрешать разнородные кризисы, акцентируя усилия на решении глобальных, геополитических по своей сути задач.

В процессе колонизации переплетались как стихийность, так и организованное государственное начало. Долгое время, переселенческая практика в России имела стихийный земледельческий характер, но для закрепления результата и его легализации привлекалась административная мощь государственного аппарата. В дальнейшем на смену народной колонизации, для которой были присущи свободное переселение различных социальных групп на новые территории, приходила колонизация, контролируемая и поощряемая державными институтами. Она была регламентированной и происходившие процессы старались контролировать с помощью законодательства. С её помощью решались важные геополитические проблемы, возникавшие перед страной. На Кавказе эти два подхода сосуществовали и взаимодополняли друг друга.

2. Термины «колонизация», «миграция», «переселенчество» -многообразны, полифоничны и взаимосвязаны и в то же время различаются по целям, формам пространственной реализации, мотивацией, длительностью и направленностью развертывания, составом участников. Все перечисленные термины и их сущностное содержание выявляются в ходе исследовательской практики различными социально-гуманитарными науками, прежде всего демографией, социологией, историей, политологией. Процессы, выявляемые и обозначаемые посредством представленной терминологии, различаются масштабами охватываемых ареалов, числом участников, причинностью, степенью и формами организованности. Однако все они имеют важное, даже фундаментальное значение в истории развития тех или иных регионов мира, в том числе для России и отдельных её частей. Влияние социально-демографической картины заметно отражается не только на ходе и качестве социально-политической или экономической политики властей, но и определяют стратегию перспективного развития государств.

3. Завершение военно-политического противостояния на Северном Кавказе привело к массовому исходу с его территории горского и кочевого населения. В глазах современников он приобрёл религиозное звучание и вошёл в историю как мухаджирство. Мотивация вынужденных переселенцев была различной. Значительная их часть не смогла смириться с поражением и опасалась репрессий со стороны царской власти. Другие решились на этот шаг под влиянием родственников и поддавшись уговорам и обещаниям найти в Османской империи материальный достаток и благоденствие.

В различной степени в процессе переселения приняли все народы региона. Но особенно массовым он стал на Северо-Западном Кавказе. Адыги имели давние связи с Турцией и рассчитывали быстро адаптироваться в новых условиях. Фактически они оказались обмануты и размещались османским правительством на территориях, мало пригодных для жизни. Возвращение разочарованного населения на Кавказ, хотя и имело место, но в масштабах явно уступала тем показателям, которыми оценивалось мухаджирство.

Отмечается, что в процесс переселения, оказались втянуты не только народы, которые приняли активное участие в вооружённой борьбе, но и те, кто считался лояльным и достаточно успешно инкорпорировался в экономическое пространство империи. Таким образом, мухаджирство было вызвано целым комплексом причин, среди которых этнопсихологические факторы занимали отнюдь не последнее место.

4. Оставшиеся на земле предков горские общества переселяли на равнинные территории. Для правительства эта мера должна была гарантировать лояльность, и возможность, в случае необходимости применить к нарушителям порядкам военно-силовые рычаги воздействия.

В свою очередь и автохтонное население края было заинтересовано в освоении новых территорий, т.к. традиционно болезненный для Северного Кавказа вопрос, связанный с малоземельем, оставался не решённым. Однако необходимого фонда земли для всех нуждающихся обеспечено не было. Надежды властей на то, что удастся решить проблему за счёт наделов лиц, выехавших в Турцию, оказались тщетными. Если на Северо-Западном Кавказе подобные ожидания оправдались, то на Северо-Восточном Кавказе продолжался процесс обезземеливания населения.

При всех трагических последствиях, произошедшие изменения привели к преодолению локальности, присущей образу жизни народов региона. Они оказались втянуты в модернизационные процессы, которые происходили в Российской империи. Для части горских народов выход на плоскость решил проблему выживания. Демографические показатели демонстрировали уверенный рост, что, как представляется можно связывать с изменившимся благосостоянием местных жителей.

По мере уменьшения свободных земельных наделов на равнине, новые поселенцы получали статус временнопроживающих и вынуждены были арендовать участки или наниматься в качестве батраков к старожильческим домохозяевам. Это приводило к росту социальной напряжённости и в дальнейшем

привело к тем общественным катаклизмам, которые пережил край в начале следующего столетия.

5. Рассматриваемый период (вторая половина XIX века) отличался массовой славянской колонизацией региона. После мухаджирства большие пространства обезлюдили либо там существенно сократилось местное население (Северо-Западный Кавказ). Если раньше колонизация была преимущественно военно-казачьей, то теперь на Северный Кавказ устремились многочисленные крестьяне, ожидавшие получения здесь собственной земли. Отмена крепостного права, с одной стороны, повышала экономическую мобильность населения, но при этом лишала его значительной части тех наделов, которыми она ранее распоряжалась.

Официальная власть самоустранилась от поддержки колонистов, уже не стремясь создавать для них административных и материальных преференций, как это было в предшествующий период. Люди часто действовали на собственный страх и риск, отправляясь осваивать новые территории. Но даже в такой ситуации, количество желающих перебраться на Кавказ оказалось неожиданно большим.

Основной поток новосёлов устремился на Кубань и Ставрополье. В гораздо меньшей степени этот процесс охватил северо-восточные районы края, где и без того ощущался серьёзный земельный голод. Сказывалось и то, что для русского населения горный ландшафт был непривычен и они не могли наладить здесь привычного хозяйства. Не помогла даже поддержка со стороны казны и покровительство со стороны наместника.

Приток иногородних вызвал рост напряжения между ними и казаками, которые опасались лишиться прежних привилегий. Вместе с тем, именно наличие большого числа рабочих рук обеспечили бурный экономический подъём в регионе. Он становился одним из лидеров, как в аграрной сфере, так и в некоторых промышленных отраслях.

6. Первое время привлекательной казалась идея поселить на Северном Кавказе иностранных колонистов. Считалось, что их передовой опыт будет востребован местными жителями, т.е. правительство смотрело на них как на культуртрегеров. Подобная практика уже встречалась в российской истории, в

том числе в контексте кавказской политики. В новых условиях переселение иностранцев должно было привести к ограничению потока колонистов из центральных районов страны. Здешние помещики уже опасались, что могут лишиться потенциальных налогоплательщиков и рабочих рук.

Достаточно активно на призыв откликнулись немцы. Для них данное предложение было интересно не только с экономической, но и с конфессиональной точки зрения. Веротерпимость российского правительства позволяла им свободно выполнять свои религиозные традиции, чего на собственной родине они не могли.

Если первоначально колонисты имели различные льготы и преференции от властей, то в дальнейшем они по своему правовому статусу стали приравниваться к обычным категориям подданных. Это вызвало недовольство и спровоцировало отток немцев с территории Северного Кавказа.

Помимо них в крае обосновались и представители других народов – чехов, поляков, болгар и т.д. Как правило, проживали они компактно в этнически близком окружении. Но встречались и поселения, где по соседству располагались представители других народов. Как правило, такие поселенцы были носителями определённой этнопрофессиональной специфики.

У большинства колонистов, прибывших на Кавказ, в качестве основного побудительного мотива выступала экономическая заинтересованность. Но были и политические причины, которые приводили людей на эту землю. Так, многие армянские переселенцы вынуждены были бежать от преследований, которым они подвергались в Турции, и для них колонизация была единственной возможностью физического выживания. Таким образом, интересы Российской империи и иностранных переселенцев совпадали, что обеспечивало достаточно эффективной процесс колонизации важной для страны территории.

Приток разноплеменных колонистов существенно изменил социально-демографическую структуру региона, значительно её усложнив и заложив основания для большинства размещившихся там этнических диаспор. Однако преобладающий поток славянских мигрантов не только предопределил

этнокультурное доминирование русско-славянского элемента в крае, но и произвел своего рода «славянизацию» северокавказского пространства, которого в прежние времена не наблюдалось. Именно массовый приток русско-славянского этнического массива и предопределил не только прочность позиций российской государственности в регионе, но и его всестороннее вовлечение в социально-политические, социокультурные и экономические структуры Российской империи.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

1. Неопубликованные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1. Ф. 400 – Главный штаб (1866-1919 гг.). Оп. 1. Д. 49, Д. 140, Д. 382, Д. 388, Д. 1277, Д. 1395, Д. 4729.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

2. Ф. 391 - Переселенческое управление (1896-1918 гг.). Оп. 3. Д. 369.

3. Ф. 1263 - Комитет министров (1802-1906 гг.). Оп.1. Д. 4733.

4. Ф. 1291 – Земский отдел. Оп. 53. Д.116.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

5. Ф. 249 - Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1. Д. 2292.

6. Ф. 252 – Войсковое правление Кубанского казачьего войска (1842-1888 гг.). Оп. 1. Д. 1583.

7. Ф. 318 - Первое и второе казачьи отделения Кубанского казачьего войска штаба Кавказского военного округа, 1820 - 1919 гг. (1820-1917 гг.). Оп. 2. Д.1527, Д. 4193.

8. Ф. 325 – Штаб Адагумского отряда Кубанского казачьего войска. Оп.1. Д.301.

9. Ф. 327- Штаб (Закубанского) Джубгского отряда войскового дежурства Кубанского казачьего войска. Оп.1. Д. 3.

10. Ф. 454 - Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1870 - 1917 гг. Оп.1. Д.215; Оп.7. Д. 516.

11. Ф. 574 – Межевая комиссия Черноморского казачьего войска. Кубанская областная чертёжная (межевая комиссия) Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар (1847-1920 гг.). Оп. 1. Д. 221, Д.1029, Д.1408, Д. 2501, Д. 4238.

12. Ф. 722 - Пристав 2-го участка Темрюкского уездного полицейского управления, станица Крымская Темрюкского уезда Кубанской области (1870-1888 гг.). Оп.1. Д.166.

13. Ф. 767 - Джубгский карантинно-таможенный пост Новороссийской карантинно-таможенной конторы, селение Джубга Кубанского казачьего войска, с 1870 г. - Кубанской области (1868-1897 гг.). Оп. 1. Д. 2.

14. Ф. 774. - Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами, г. Екатеринодар Кубанской области, 1865 - 1870 гг. Оп. 1. Д. 124, Д. 222, Д. 364, Д. 392, Д. 665; Оп. 2. Д.116, Д. 126, Д. 365, Д. 466.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

15. Ф. 68 – Ставропольское губернское правление. Оп.1. Д.3758.

16. Ф. 79 – Общее управление Кавказской области (1822-1847). Оп.1. Д.89.

17. Ф. 101 - Канцелярия ставропольского губернатора (1847-1917 гг.). Оп.1. Д. 450, Д. 3134, Д. 5255, Д.5390; Оп. 4. Ед. хр. 861, Ед. хр. 4820.

18. Ф. 132 - Ставропольская палата государственных имуществ. 1847-1868. Оп.1. Д.2017.

19. Ф. Р-1161- Исполнительный комитет Терского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1.1. Д. 1246.

**Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской
республики (ЦГА КБР)**

20. Ф. 2 – Управление Кабардинским округом. Оп. 1. Д. 465.

**Центральный государственный архив Республики северная Осетия-
Алания (ЦГА РСО-А)**

21. Ф. 11. - Терское областное правление. Оп. 52. Д. 622; Оп. 58. Д. 344.

22. Ф. 12. - Канцелярия начальника Терской области. Оп. 5. Д. 27, Д.29;
Оп. 6. Д. 59; Оп. 8. Д. 27.

2) опубликованные источники

23. **Абрамов, Я.** Кавказские горцы ПСЗРИ II. СПб., / Я. Абрамов. - Б. м.: Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1990. – 36 с.

24. **Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность** [Текст]. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 732 с.

25. **Акты, собранные Кавказской археографической комиссией** [Текст]. – Тифлис, 1888. Т.11. – 1020.

26. **Акты, собранные Кавказской археографической комиссией** [Текст]. – Тифлис, 1904. Т.12. – 1552 с.

27. **Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874)** [Текст]. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. Ч.2.– 414 с.

28. **Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.)** [Текст]. / авт.

коллектив. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 1094 с.

29. **Васюков, С. И.** Русская община на Кавказско-Черноморском побережье [Текст] / С. И. Васюков // Вестник Европы. – 1905. - №12. - С.560-583.

30. **Верещагин, А. В.** Путевые заметки по Черноморскому округу [Текст] / А.В. Верещагин. – М., 1874. – 203 с.

31. **Воронов, Н. И.** Вести с Кубани (Письма в редакцию) [Текст] / Н. И. Воронов // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. - Т. II. - С.299-332.

32. **Всеподданнейший** отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1893 год [Текст]. – Владикавказ, 1894. – 123 с.

33. **Всеподданнейший** отчёт начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1894 год [Текст]. – Владикавказ, 1895. – 115 с.

34. **Всеподданнейший отчёт** о состоянии Терской области и Терского казачьего войска за 1889 год [Текст]. – Б. м., б. г. – 124 с.

35. **Документальная история** образования многонационального государства Российского [Текст]. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г. Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г. Н. Колбая. – М.: Изд-во НОРМА, 1998. – 672 с.

36. **Зиссерман, А. Л.** Поездка на Кубань [Текст] / А.Л. Зиссерман // Русский вестник. – 1875. - № 12. - С. 466-508.

37. **Из записки М.Т. Лорис-Меликова** великому князю Михаилу Николаевичу [Текст] / М. Т. Лорис-Меликов // Русская старина. – 1889. - № 9. - С. 416-418.

38. **История адыгов** в документах Османского государственного архива [Текст]. Вып. I. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – 404 с.

39. **Кануков, И.** Горцы-переселенцы [Текст] / И. Кануков // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1876. - Вып. IX. - С.84-112.
40. **Крестьянская реформа** в России 1861 года [Текст]. Сборник законодательных актов / Сост. К.А. Сафроненко. – М.: Госюриздат, 1954. – 499 с.
41. **Кундухов, М.** Мемуары [Текст] / М. Кундухов. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. – 92 с.
42. **Материалы** к истории и изучению русского сектантства и раскола [Текст] / Под ред. В. Бонч-Бруевича. – СПб., 1908. Вып.1. – 314 с.
43. **Материалы** по изучению Ставропольского края [Текст]. – Ставрополь: Кн. Изд., 1950. Вып. 2-3. – 296 с.
44. **Миллер В., Ковалевский М.** В горских обществах Кабарды [Текст]/ В. Миллер, М. Ковалевский // Вестник Европы. – СПб., 1884. - Т. XIX. - Кн. 4. Апрель. - С. 540-588.
45. **Немецкое** население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.) [Текст]: сборник документов / Сост., предисл. Т. Н. Плохотнюк. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 272 с.
46. **Ольшевский, М. Я.** Кавказ с 1841 по 1866 год [Текст] / М. Я. Ольшевский. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. – 608 с. - Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века».
47. **Первая** Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Кубанская область [Текст]. – СПб., 1905. - Т. 65. – 263 с.
48. **Первая** Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Ставропольская губерния [Текст]. – СПб., 1905. - Т.67. – 148 с.
49. **Первая** Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год. Терская область [Текст]. - СПб., 1905. - Т. 68. – 236 с.
50. **Полное собрание законов Российской империи** [Текст]. Собрание II. – СПб., 1865. - Т. 37. – 833 с.

51. **Полное собрание законов Российской империи.** [Текст]. Собрание II. – СПб., 1873. - Т. 43. – 941 с.
52. **Полное собрание законов Российской империи.** [Текст]. Собрание II. - СПб, 1875. - Т. 50. – 720 с.
53. **Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е годы XIX века)** [Текст].: сборник архивных документов / Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т. Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 496 с.
54. **Сборник статистических сведений о Кавказе** [Текст] / Составлен и издан под редакцией Н. И. Воронова. – Тифлис, 1869. – Т. I. – 658 с.
55. **Северный Кавказ** [Текст] // Русские ведомости. -1902. - 28 ноября. - № 336.
56. **Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии** [Текст]: сборник документов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1985. – 228 с.
57. **Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска** [Текст]. – Владикавказ, 1881. – 466 с.
58. **Территория** и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков [Текст]. – Нальчик, 1992. – 272 с.
59. **Успенский, Г. И.** Власть земли [Текст] / Г. И. Успенский; [сост., предисл. и примеч. В. И. Бельдюгова]. – М.: Сов. Россия, 1984. – 400 с.
60. **Фонвиль, А.** Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 г. Из записок участника-иностранца [Текст] / А. Фонвиль. – Б.м. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1990. – 42 с.
61. **Хетагуров, К. Л.** Собрание сочинений [Текст]. В 3-х т. Т. 3. Статьи. Письма / К. Л. Хетагуров. – М.: «Худож. лит.», 1974. – 400 с.

62. **Ананьев, Г.** Караногайцы, их быт и образ жизни [Текст] / Г. Ананьев // Сборник сведений о Северном Кавказе; [под ред. Г.Н. Прозрителева]. – Ставрополь-Кавказский, 1909. – Т. II. – С.1-22.

63. **Аутлев, П. У.** Об основной причине махаджирства адыгов в XIX веке [Текст] / П. У. Аутлев // Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). – Майкоп, 1991. - С. 216-254.

64. **Бабич, И. Л., Степанов, В. В.** Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. 1860-1990-е годы [Текст] /И. Л. Бабич, В. В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 108 с.

65. **Бадерхан, Ф.** Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века) [Текст] / Ф. Бадерхан. – М.: ИВ РАН, 2001. – 120 с.

66. **Баев, Г.** Ингуши [Текст] // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. - Год II. – №10. – С.55-73.

67. **Батищев, Н. С.** Иммиграция подданных Австро-Венгрии на территорию Северо-Западного Кавказа [Текст] / Н. С. Батищев // Миграционные процессы и толерантность: история и современность. Материалы внутривузовской студенческо-преподавательской конференции. – Армавир: АГПА; Дизайн-студия Б, 2013. – С.69-71.

68. **Беликов, А.В.** Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорной западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. [Текст] / А.В. Беликов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп, 2007. – Вып. – № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pereselencheskaya-politika-rossii-posle-otmeny-krepostnogo-prava-i-polozhenie-o-zaselenii-predgoriy-zapadnoy-chasti-kavkazskogo-hrebta>.

69. **Белозёров, В. С.** Этническая карта Северного Кавказа [Текст] / В.С. Белозеров. – М.: ОГИ, 2005. – 304 с.
70. **Бентковский, И.В.** Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы [Текст] / И.В. Бентковский. Часть 1. - Ставрополь: Тип. Губ. правления, 1883. – 134 с.
71. **Берже, А. П.** Выселение горцев с Кавказа [Текст] / А. П. Берже // Русская старина. – СПб., 1882. – № 1. – С. 161-176.
72. **Берже, А. П.** Выселение горцев с Кавказа [Текст] / А. П. Берже // Русская старина. – СПб., 1882. – №2. – С. 337-363.
73. **Берозов, Б. П.** Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.) [Текст] / Б. П. Берозов // История и память / Сост. Г.Т. Дзагурова. – Владикавказ: Ир, 2013. – С. 7-164.
74. **Берозов, Б. П.** Путь, равный столетию (очерк истории аграрного развития Северной Осетии в XIX в.) [Текст] / Б. П. Берозов // История и память / Сост. Г. Т. Дзагурова. – Владикавказ: Ир, 2013. – С. 165-445.
75. **Бондарь, Н. И.** Разные культуры и судьбы: эстонцы и греки Карачаево-Черкесии [Текст]/ Н. И. Бондарь // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Материалы региональной научно-практической конференции. – Краснодар, 1999. - С. 12-20.
76. **Бондарь, Н. И.** Что мы знаем друг о друге? [Текст] / Н. И. Бондарь // Кубанский краевед. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1990. - С.132-174.
77. **Бреев, Б.Д.** Подвижность населения и трудовые ресурсы [Текст] / Б. Д. Бреев. – М.: Статистика, 1977. – 187 с.
78. **Бурыкина, Л.В.** Эстонские поселения на Северо-Западном Кавказе в пореформенный период [Текст]/ Л. В. Бурыкина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - Майкоп, 2008. - №2. URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/estonskie-poseleniya-na-severo-zapadnom-kavkaze-v-poreformennyy-period>.

79. **Буссе, Ф.Ф.** Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883-1893 годах [Текст] / Ф.Ф. Буссе. - СПб.: Тип. Тов. «Общественная Польза», 1896. - [4], IV, 166, 57 с., 1 л. карт.
80. **Бэрэдж, Н.** Изгнания черкесов (Причины и последствия) [Текст] / Н. Бэрэдж; перевод Н. Хуажева, М. Губжоков. – Майкоп, 1996. – 224 с.
81. **Варивода, Н. В.** Переселенческая политика России на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX в. [Текст] / Н. В. Варивода // VII славянские чтения в Кабардино-Балкарии: Материалы научно-практической конференции: Сборник. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – С.23-29.
82. **Васюков, С. И.** Русская община на Кавказо-Черноморском побережье [Текст] / С. И. Васюков // Вестник Европы. – СПб., 1905. – №12. – С.560-583.
83. **Велицын, А. А.** Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России [Текст] / А. А. Велицын. – СПб.: Тип. Тов. Общественная Польза, 1893. – 282 с.
84. **Величко, В.Л.** Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы [Текст] / В.Л. Величко. – Баку: «Элм», 1990. – 224 с.
85. **Верещагин, А. В.** Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и её результат [Текст] / А. В. Верещагин. – СПб.: Общественная Польза, 1885. – 36 с.
86. **Виноградов, В.Б.** Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения) [Текст] / В. Б. Виноградов. – Армавир, 1995. - 150 с.
87. **Внутреннее обозрение** [Текст] // Вестник Европы. – 1876. – Кн.10. – С.799-823.
88. **Волкова, Н. Г.** Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века [Текст] / Н.Г. Волкова. – М.: Наука, 1974. – 276 с.
89. **Вольхина, Ю. С.** Чехи Кубани: традиционная культура и её современное состояние [Текст] / Ю. С. Вольхина // Дикаревские чтения (5). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998

год. Материалы региональной научно-практической конференции. – Краснодар, 1999. – С. 21-29.

90. **Воробьев, В. М.** Закономерности русской колонизации в оценке М.К. Любавского [Текст]/ В.М. Воробьев // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – Санкт-Петербург, 2013. – Вып. 12. – С. 83-88.

91. **Гаазов, В. Л.** Город Ставрополь и его окрестности [Текст] / В. Л. Гаазов. – М.: ПБОЮП Надыршин А. Г., 2006. – 720 с.

92. **Гаврилов, П. А.** Устройство поземельного быта горских племён Северного Кавказа [Текст]/ П. А. Гаврилов // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. - Т.II. - С.1-78.

93. **Гаджиева, С. Ш.** Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. [Текст] / С. Ш. Гаджиева. – М.: Изд-во «Наука», 1976. – 228 с.

94. **Гидденс, Э.** Социология [Текст] / Э. Гидденс, К. Бердсолл: [пер. с англ.] Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.

95. **Гинс, Г. К.** Переселение и колонизация [Текст]/ Г. К. Гинс. Выпуск 2. – СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. – 65 с.

96. **Головачев, Д. М.** Заметки о русской колонизации Сибири [Текст]/ Д. М. Головачев // Земледелие: периодическое издание Географического отдела. – М., 1895. – С. 29-58.

97. **Городецкий, Б. М.** Немецкое землевладение на Кубани [Текст]/ Б. М. Городецкий // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1915. – Т.20.– С.353-380.

98. **Грабовский, Н. Ф.** Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа [Текст]/ Н.Ф. Грабовский // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1876. – Вып. III. – С. 1-28.

99. **Григорьев, В. Н.** Переселения крестьян Рязанской губернии [Текст]/ В. Н. Григорьев; [с отзывами проф. А. И. Чупрова и А. И. Кошелева]. – М., 1885. – 194 с.

100. **Дегоев, В. В.** Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия [Текст] / В.В. Дегоев. – М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. – 560 с.

101. **Дегоев, В. В.** Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в. [Текст]/ В. В. Дегоев; под редакцией Н. С. Киняпиной. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. – 312 с.
102. **Денисова Г. С., Уланов В.П.** Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса [Текст] / Г. С. Денисова, В. П. Уланов. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003. – 352 с.
103. **Джумагулова, А. Т.** Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII – 60-х гг. XIX вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Джумагулова Айгуль Темерхановна. – Владикавказ, 2015. – 26 с.
104. **Джумагулова, А. Т.** Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII – 60-х гг. XIX вв. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Джумагулова Айгуль Темерхановна. – Владикавказ, 2015. – 204 с.
105. **Дзидзария, Г. А.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия [Текст] / Г. А. Дзидзария. – Сухуми: Изд-во «Алашара», 1982. – 530 с.
106. **Долгушин, А. А.** О переселении в Терскую область из внутренних губерний России [Текст] / А. А. Долгушин. – Владикавказ, 1907. – 73 с.
107. **Дроздов, И. Е.** Кавказские Минеральные Воды [Текст] / И. Е. Дроздов. – Царское Село, 1859. – 122 с.
108. **Дьячков-Тарасов, А. Н.** Абадзехи (Историко-этнографический очерк) [Текст]/ А.Н. Дьячков-Тарасов // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. – Тифлис, 1902. – Кн. XXII. – Вып. 4. – 50 с.
109. **Заалов, М.** Меннониты и их колонии на Кавказе [Текст] / М. Заалов // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1897. – № 23. – С. 89-127.
110. **Зейналова, С. М.** Немцы на Кавказе [Текст]/ С. М. Зейналова. – Баку: Мутарджим, 2008. – 424 с.

111. **Зейналова, С. М.** Характерные особенности и общие черты в процессе переселения и хозяйственной деятельности немецкого поселения на Южном и Северном Кавказе [Текст]/ С. М. Зейналова // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18-20 сентября 2008 г. – М.: «МСНК-пресс», 2009. – С. 361-376.

112. **Ибрагимова, З.Х.** Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период [Текст]/ З. Х. Ибрагимова. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. – 756 с.

113. **Илиади, И. Х.** Кавказская Эллада [Текст]/ И. Х. Илиади. В 2-х кн. – Ставрополь: Илекса, 2005. – Кн. 1. – 345 с.

114. **Ингуши** [Текст] / отв. ред. М. С.-Г. Албогачиева, А. М. Мартазанов, Л. Т. Соловьёва; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ингушский государственный университет. – М.: Наука, 2013. – 509 с.

115. **Ионцев, В. А.** Международная миграция населения: теория и история изучения [Текст]/ В. А. Ионцев. – М.: Диалог МГУ, 1999. – Выпуск 3. – 370 с.

116. **Исаев, А. А.** Переселения в русском народном хозяйстве [Текст]/ А. А. Исаев. – СПб.: А. Ф. Цинзерлинг, 1891. – 192 с.

117. **История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России** [Текст]. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

118. **История народов Северного Кавказа: Конец XVIII – 1917 г.** [Текст]; под ред. А. Л. Нарочницкого. – М.: Наука, 1988. – 670 с.

119. **История Отечества** в терминах и понятиях [Текст]: словарь-справочник; ред. – сост. В. Ф. Блохин. – Смоленск: Русич; Брянск: Курсив, 1999. – 528 с.

120. **Кабузан, В.М.** Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование [Текст]/ В. М. Кабузан. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 224 с.

121. **Кавказский берег** Черного моря [Текст] // Отечественные записки. – 1878. – №3. – С.34-55.
122. **Казначеев, А. В.** Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.) [Текст]/ А. В. Казначеев. – Пятигорск: Изд-во «Технологический университет», 2005. – 409 с.
123. **Карпов, Ю. Ю.** Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа [Текст]/ Ю. Ю. Карпов. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – 309 с.
124. **Карпов, Ю. Ю.** Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям [Текст]/ Ю. Ю. Карпов // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – С. 402-447.
125. **Карпов, Ю. Ю., Капустина, Е. Л.** Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы [Текст]/ Ю. Ю. Карпов, Е. Л. Капустина. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2011. – 448 с.
126. **Касумов, А. Х., Касумов, Х. А.** Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке [Текст]/ А. Х. Касумов, Х. А. Касумов. – Нальчик: Логос, 1992. – 200 с.
127. **Кауфман, А. А.** Переселение и колонизация [Текст]/ А. А. Кауфман. – С.-Пб., 1905. – 81 с.
128. **Кауфман, А. А.** Переселение и колонизация. Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России [Текст]/ А. А. Кауфман. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 440 с.
129. **Кипкеева, З. Б.** Карачаево-Балкарская диаспора в Турции [Текст]/ З.Б. Кипкеева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – 184 с.
130. **Кипкеева, З. Б.** Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории [Текст]/ З. Б. Кипкеева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 432 с.

131. **Ключевский, В. О.** Русская история. Полный курс лекций [Текст]/ В.О. Ключевский. Книга 1. – Минск: Харверст, 2007. – 592 с.

132. **Клычников, Ю. Ю.** Процессы политической и социокультурной трансформации в Ставропольской губернии и Кубанской области в 60-90-х гг. XIX в. [Текст] / Ю. Ю. Клычников // Россия и народы Северного Кавказа в XIX-XX веках: опыт социально-экономического, политического и культурного взаимодействия. Всероссийская научно-практическая конференция (памяти д. и. н, профессора Асланбека Имрановича Хасбулатова). – Грозный, 2016. - С. 208-213.

133. **Колонизация.** Переселенческое движение в России [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/24082>.

134. **Концепция основных стадий** миграционного процесса [Электронный ресурс]. URL: <http://isfic.info/migran/gasta14.htm>.

135. **Короленко, П. П.** Горские поселенцы в Черномории [Текст]/ П. П. Короленко // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – С.451-495.

136. **Край** наш Ставрополье: Очерки истории [Текст]; научные редакторы проф. Д. В. Кочура и проф. В. П. Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.

137. **Ктиторов, С. Н.** История Армавира (досоветский период: 1839-1918) [Текст]/ С. Н. Ктиторов. – Армавир: б. и., 2002. – 384 с.

138. **Кудаева, С. Г., Хут Л. Р.** Адыгские махаджиры на Балканах [Текст]/ С. Г. Кудаева, Л. Р. Хут // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Майкоп, 1991. – Вып. VIII. – С.187-209.

139. **Кузьминов, П. А.** Понтийские греки на Северном Кавказе [Текст] / П. А. Кузьминов // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Издательский дом «Эль-Фа», 2004. – С. 760-804.

140. **Кумпан, Е. Н.** Религиозные аспекты миграционной политики Российской империи на Северо-Западном Кавказе [Текст]/ Е. Н. Кумпан // Теория и практика общественного развития. – М., 2013. - №9. - С.202-204.

141. **Куприянова, Л. В.** Города Северного Кавказа во второй половине XIX века [Текст] / Л.В. Куприянова. – М.: Наука, 1981. – 232 с.

142. **Курман, М. В.** Актуальные вопросы демографии [Текст]/ М. В. Курман. – М.: Статистика, 1976. – 220 с.

143. **Кушева, Е. Н.** Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII в. [Текст] / Е.Н. Кушева. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 245 с.

144. **Кушхабиев, А. В.** К истории расселения черкесов на территории Сирии и Иордании [Текст]/ А. В. Кушхабиев// Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. – С.234-238.

145. **Лазарян, С. С.** Становление предпринимательства в регионе КМВ. 1780-1917 гг. [Текст] / С.С. Лазарян. – Пятигорск: «Спецпечать», 2003. – 196 с.;

146. **Лазарян, С. С.** Воронцовский Кавказ. Исторические очерки [Текст]/ С.С. Лазарян. – Пятигорск: РИА на КМВ, 2009. – 248 с.

147. **Лазарян, С. С.** Экономическая, социальная и этно-конфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845-1854 гг. [Текст] / С.С. Лазарян. – Пятигорск: ПГЛУ, 2014. – 398 с.

148. **Лазарян, С. С., Мутаев, С. С.-А.** Немецкие колонисты на Северном Кавказе до и после реформ 60-70-х гг. XIX века [Текст] / С. С. Лазарян, С. С.-А. Мутаев // Исторические очерки о немцах на Кавказских Минеральных Водах. – Пятигорск: ПГУ, 2017. - С.28-39.

149. **Любавский, М. К.** Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века [Текст]/ М.К. Любавский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 688 с.

150. **Любавский, М. К.** Историческая география России в связи с колонизацией [Текст]/ М.К. Любавский. – СПб.: Лань, 2000. – 304 с.

151. **Любавский, М. К.** Русская колонизация [Текст]/ М.К. Любавский. – М.: Изд-во Алгоритм, 2014. – 304 с.
152. **Магомеддадаев, А. М.** К истории эмиграции дагестанцев в Османскую империю [Текст]/ А.М. Магомеддадаев // Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – нач. XX в.): сборник статей. – Махачкала, 2000. – С. 62-78.
153. **Максимов, Е., Вертепов, Г.** Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки [Текст]/ Е. Максимов, Г. Вертепов. – Владикавказ, 1892. – Вып. I. – 187 с.
154. **Максимов, Е.** Чеченцы [Текст]/ Е. Максимов // Терский сборник приложение к Терскому календарю на 1894 г. – Владикавказ, 1893. – Вып. III. – Кн. II. – С. 3-100.
155. **Мартирозиан, Г. К.** История Ингушетии [Текст]/ Г. К. Мартирозиан. – Орджоникидзе, 1933. – 320 с.
156. **Матвеев, О.В.** Поляки города Майкопа (вторая половина XIX – начало XX в.) [Текст]/ О.В. Матвеев // Диалог культур: славяне в социокультурном пространстве Северо-Западного Кавказа. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. – С. 94-112.
157. **Матвеев, О. В., Ракачѳв, В. Н.** Этнические миграции на Кубани: история и современность [Текст]/ О. В. Матвеев, В. Н. Ракачев, Д. Н. Ракачев. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. – 200 с.
158. **Мельников, А. М.** Иногородние в Кубанской области [Текст]/ А.М. Мельников // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1900. – Т. VI. – С. 71-140.
159. **Милюков, П. Н.** Очерки по истории русской культуры [Текст]/ П.Н. Милюков. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896. – Часть 1. – 233 с.
160. **Муратова, Е. Г.** Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. [Текст] / Е.Г. Муратова. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 420 с.
161. **Невская, Т. А.** Поселения и жилища сельского населения Ставрополя в XIX – XX веках [Текст] / Т.А. Невская // Материалы по изучению

Ставропольского края. – Ставрополь: Книжное издательство, 1988. – Вып. 15-16. – С.45-76.

162. **Невская, Т. А., Чекменёв, С. А.** Ставропольские крестьяне. Очерк хозяйства, культуры и быта [Текст]/ Т. А. Невская, С. А. Чекменев. – Минеральные Воды: Изд-во «Кавказская здравница», 1994. – 165 с.

163. **Очерки истории** Ставропольского края [Текст]. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – Т. I. – 462 с.

164. **Переведенцев, В. И.** Методы изучения миграции населения [Текст]/ В. И. Переведенцев. – М.: Наука, 1977. – 231 с.

165. **Плохотнюк, Т. Н.** Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX вв.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Плохотнюк Татьяна Николаевна. – Ставрополь, 1996. – 25 с.

166. **Плохотнюк, Т. Н.** Российские немцы на Северном Кавказе [Текст]/ Т. Н. Плохотнюк. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. – 238 с.

167. **Попова, А. Х.** Методологические особенности изучения миграции населения [Текст]/ А.Х. Попова. – Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. – 30 с.

168. **Ракачёв, В. Н., Ракачёва, Я. В.** Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование [Текст]/ В. Н. Ракачев, Я. В. Ракачева: в 4 т. Т.1. 1900-1920-е гг.; Отв. ред. В. Н. Ратушняк. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. – 200 с.

169. **Ремнев, А. В., Суворова, Н. Г.** Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века [Текст]/ А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013. – 248 с.

170. **Розенберг, Л.** Немецкая колония Семёновка, Кубанской области, Кавказского отдела [Текст]/ Л. Розенберг // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1900. – №27. – С.162-191.

171. **Русские** в Евразии XVII – XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде [Текст]. – Тула: Гриф и К, 2008. - 480 с.
172. **Рыбаковский, Л. Л.** Региональный анализ миграций [Текст]/ Л. Л. Рыбаковский. – М.: Статистика, 1973. – 159 с.
173. **Рыбаковский, Л. Л.** Миграция населения: прогнозы, факторы, политика [Текст]/ Л. Л. Рыбаковский. – М.: Наука, 1987. – 199 с.
174. **Рыбаковский, Л. Л.** Глава 22. Исследования миграции населения в России [Текст] / Л. Л. Рыбаковский// Социология в России: учебник; под ред. В.А. Ядова. – М.: Изд-во ИС РАН, 1998. – С. 398-411.
175. **Рыбаковский, Л. Л.** Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов) [Текст]/ Л. Л. Рыбаковский. – М.: Наука, 2001. – 114 с.
176. **Рыбаковский, Л. Л.** Миграция населения (вопросы теории) [Текст]/ Л. Л. Рыбаковский. – М.: ИСПИ РАН, 2003. – 238 с.
177. **Рыбаковский, Л.** Исследования миграции населения в России [Электронный ресурс]// URL: http://www.ahmerov.com/book_922_chapter_172__2._Izuchenie_pereselenijj_v_dosovetskijj_period.html.
178. **Саид, Э. В.** Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Э.В. Саид; пер. с англ. А. В. Говорунова. – Изд. 2-е и дополненное. – СПб.: Русский мир, 2016. – 670 с.
179. **Свинарева, М. Ю.** Эволюция миграционных исследований дореволюционной России [Текст]/ М. Ю. Свинарева // Вестник Тюменского государственного университета. - 2010. - № 4. - С. 208-215.
180. **Северный Кавказ** с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) [Текст]; под редакцией и с предисловием В. Б. Виноградова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 318 с.
181. **Силаев, Н. Ю.** Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты

интеграции [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Силаев Николай Юрьевич. – М., 2002. – 240 с.

182. **Семакин, С. С.** Колонистское движение и немецкая миграция в Российской империи и СССР [Текст]/ С.С. Семакин. – М.: Изд-во «Университет и школа», 2003. – 313 с.

183. **Семенов, В. Е., Рабжаева, М. В.** История российской колонизации [Текст]/ В. Е. Семенов, М. В. Рабжаева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 1. – С.163-168.

184. **Социология в России** [Текст]: учебник; под. ред. В. А. Ядова. – М.: Изд-во ИС РАН, 1998. – 696 с.

185. **Староверов, В. И.** Социально-демографические проблемы деревни [Текст]/ В.И. Староверов. – М.: Наука, 1975. – 287 с.

186. **Твалчрелидзе, А. И.** Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александрфельд Кубанской области [Текст] / А. И. Твалчрелидзе // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. - Тифлис, 1886. – Вып. 5. – С. 209-274.

187. **Твалчрелидзе, А. И.** Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях [Текст]/ А.И. Твалчрелидзе. – Ставрополь, 1897. – 389 с.

188. **Тернер, Ф. Г.** Переселенческое дело [Текст]/ Ф. Г. Тернер // Вестник Европы. – СПб., 1897. - Т. 184. - Март. - С. 75-118.

189. **Тихонов, Б. Н.** Переселение в России во второй половине XIX в. по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики [Текст] / Б.Н. Тихонов. – М.: Наука, 1978. – 214 с.

190. **Трагические последствия Кавказской войны для адыгов.** Вторая половина XIX – начало XX века [Текст]. Сборник документов и материалов; науч. ред. Туганов Р. У.; сост.: Гугов Р. Х. и др.; Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 458 с.

191. **Тхамокова, И. Х.** Русское и украинское поселение Кабардино-Балкарии [Текст]/ И.Х. Тхамокова. – Нальчик: Издательство «Эль-Фа», 2000. – 240 с.
192. **Уотт, У. М.** Мухаммад в Медине [Текст] / У. М. Уотт; пер. с англ. – СПб.: Изд-во ДИЛЯ, 2007. – 480 с.
193. **Фадеев, А. В.** Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период [Текст]/ А.В. Фадеев // История СССР. – М.,1957. – №1. – С. 35-52.
194. **Федорако, А.** Миграция населения: понятие, причины, последствия [Текст]/ А. Федорако // Журнал международного права и международных отношений. – Минск, 2012. - № 4. - С. 3-11.
195. **Хомра, А. У.** Миграция населения: Вопросы теории, методы исследования [Текст]/ А. У. Хомра. – Киев: Навук. думка, 1979. – 148 с.
196. **Хорев, Б. С., Чапек, В. Н.** Проблемы изучения миграции населения [Текст]/ Б. С. Хорев, В. Н. Чапек. – М.: Мысль, 1978. – 254 с.
197. **Цориева, И. Т.** Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. [Текст]/ И.Т. Цориева. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 254 с.
198. **Цуциев, А. А.** Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004) [Текст]/ А. А. Цуциев. – М.: «Европа», 2006. – 128 с.
199. **Чекменёв, С. А.** Из истории переселения горцев в Турцию [Текст]/ С. А. Чекменев // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 октября 1990 г. – Нальчик: «Эльбрус», 1994. - С.181-191.
200. **Чекменёв, С. А.** Переселенцы (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.) [Текст]/ С.А. Чекменев. – Пятигорск: ТОО «Кинт», 1994. – 352 с.
201. **Черноморское** побережье Кавказа [Текст]; сост. В. П. Доброхотов; под ред. Н. И. Воробьёва. – Краснодар: Традиция, 2009. – 528 с.

202. **Чеченцы** [Текст]; отв. ред. Л. Т. Соловьёва, В.А. Тишков, З. И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т Х.Ибрагимова РАН. – М.: Наука, 2012. – 622 с.

203. **Шацкий, П. А.** Заселение Ставрополя после реформ 1861 года и положение крестьян-переселенцев [Текст]/ П.А. Шацкий // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. – Вып. 11. – С. 197-214.

204. **Шацкий, П. А., Муравьев, В. Н.** Ставрополь. Исторический очерк [Текст] / П. А. Шацкий, В. Н. Муравьев. – Ставрополь: Книжное изд-во, 1977. – 264 с.

205. **Шершенко, А. И.** Правовое и экономическое положение иногородних Северного Кавказа в связи с хозяйственным развитием края [Текст]/ А. И. Шершенко. Выпуск I. Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Ставрополь: Ставр. Губерн. Статист. комитет, 1906. – Т. I. – С. 1-138.

206. **Щепанский, Я.** Элементарные понятия социологии [Текст]/ Я. Щепанский: учебник; общ. ред. и послесловие акад. А. М. Румянцев. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.

207. **Щербина, В. А.** Хозяйственно-экономический быт казачьих поселений в бассейнах рек: Пшехи, Пшиша и Псекупса, в Закубанской уезде Кубанской области [Текст]/ В.А. Щербина // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета. – Екатеринодар, 1891. – Т. II. – С. 1-53.

208. **Щупленков, О. В., Щупленков, Н. О.** Политика переселения населения в России начала XX века - методология вопроса [Текст]/ О.В. Щупленков, Н.О. Щупленков // Урбанистика. – М., 2013. – № 1. – С. 31-72 //URL: http://e-notabene.ru/urb/article_10383.html

209. **Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР** [Текст]. – Магадан: [б. и.], 1976. – Вып. 67. – 225 с.

210. **Эткинд, А.** Внутренняя колонизация. Имперский опыт России [Текст] / А. Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

211. **Эткинд, А., Уфельман, Д., Кукулин, И.** Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением [Текст]/ А. Эткинд, Д. Уфельман, И. Кукулин // Политическая концептология. – 2013. – №2. – С. 31-56.

212. **Юракова, О. В.** Возникновение немецких колоний на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX века: причины, численность, расселение [Текст]/ О.В. Юракова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – М., 2009. - № 115. - С.108-116.

213. **Юракова, О. В.** Немецкие и греческие поселенцы на Северо-Западном Кавказе: сравнительно-исторический анализ (середина XIX в. – 1917 г.) [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Юракова Ольга Владимировна. – Краснодар, 2010. – 235 с.

214. **Ямзин, И. Л., Воцилин, В. П.** Учение о колонизации и переселениях [Текст]/ И. Л. Ямзин, В. П. Воцилин. – М.-Л.: ГИЗ, 1926. – 328 с.

Справочная литература

215. **Большой толковый социологический словарь (Collins)** [Текст]. Том 1 (А-О); пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2001. - 544 с.

216. **История Отечества** в терминах и понятиях [Текст]: словарь-справочник; ред.-сост. Блохин В. Ф. – Смоленск: Русич; Брянск: Курсив, 1999. – 528 с.

217. **Новый словарь** иностранных слов: более 60000 слов и выражений [Текст]; глав. ред. В. В. Адамчик, М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. – 1152 с.

218. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка [Текст] /С.И. Ожегов; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: «Советская энциклопедия», 1973. – 846 с.

219. **Россия.** Полное географическое описание нашего отечества [Текст]: справочник. – СПб., 1903. – Т. XVIII. – 478 с.

220. **Энциклопедический словарь** [Текст]; сост. и ред. Ф. А. Брокгауза, и И. А. Ефрона. – СПб., 1895. – Т.XV. – 962 с.

221. **Энциклопедический словарь** по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года [Текст]. – Краснодар: Реклам. изд. фирма «Эдви», 1997. – 557 с.